

Введение

Вопрос о судьбе национального государства в современном мире продолжает оставаться в горизонте неопределенности. Еще в последней четверти XX века некоторые политики и исследователи, апеллируя к набирающему силу процессу глобализации, искренне считали, что человечество твердо стало на путь достижения толерантного единства, устранения войн и постоянных конфликтов. Но почти сразу же выяснилась амбивалентность глобализации, которая не только разрушает, но и консервирует планетарную иерархию народов и наций. Противоречия между различными этносами, нациями, государствами, между национальными государствами и международными властными структурами, между региональными сообществами, между межгосударственными стратегическими объединениями и блоками не исчезают, а обостряются.

Становясь все более взаимосвязанным, человечество продолжает оставаться разделенным по многим параметрам. Ситуация складывается таким образом, что набирающий силу процесс глобализации, с одной стороны, ставит под сомнение дальнейшее существование национальных государств как наиболее распространенной институциональной формы общежития, а с другой, — стимулирует рост их активности, вызывает противодействие глобализации этнических, религиозных, культурных, политических и иных меньшинств, движений и организаций. В этой связи «гиперглобалисты» говорят о грядущих «постнациональном государстве», «сетевом обществе» или «глобальной империи». В противовес им «скептики» и антиглобалисты заявляют, что национальное государство не исчерпало свой исторический ресурс и требуют возврата назад: к международному общежитию, субъектами которого были бы не «транс», «интер» и «над»национальные институты политической, экономической и культурной сфер жизни, а, как и прежде, суверенные национальные государства или не имеющие государственности этносы и нации. Тем самым национализм как форма выражения национального (государственного) суверенитета и как политический принцип суверенизации этносов в статусе «наций» продолжает себя в качестве тенденции

(и фактора) современного исторического развития, реализующейся в сложном взаимодействии с глобализацией человечества.

Каким же образом теоретически и исторически связаны между собой «нация», «национальное государство» и «глобализация», какова их диалектика в прошлом, настоящем и обозримом будущем? Дать обоснованные ответы на эти и некоторые другие вопросы — основная цель нашего исследования.

В первой главе «Нация» и «Национальное государство» рассматриваются эволюция содержания понятия «нация» в истории философии и науки XVIII–XIX веков, его современные трактовки, анализируются и сравниваются основные концепции «наций» и «национального государства», предлагается авторская — социально-философская — интерпретация сущности «наций» и «национальных государств». Акцентируя внимание на необходимости рефлексии над способами существования и познания социальных явлений и процессов, автор приходит к выводу о необходимости использования восходящей к классическому марксизму парадигмы современного социально-философского конструктивизма. В пределах которой «нация» и «национализм» понимаются как парные понятия и фиксируемые ими исторические феномены, которые возникли при определенных социальных (экономических, политических и иных) обстоятельствах и в результате целесообразных предметно-практических и интеллектуально-духовных усилий людей, осознавших потребность новых форм общественного бытия.

В этом случае, отмечается в монографии, «нации» продуктивно интерпретировать как сплоченные общими чувствами идентичности и солидарности, связанные общими ценностями прошлого и настоящего, политически и социокультурно организованные (интегрированные) полиэтнические социумы, диалектически «снимающие» доминирующие ранее этнические формы социального бытия. Анализируя методологические основания наиболее влиятельных концепций формирования «национального государства», автор приходит к выводу, что в створе исторической конкретики «национальное государство» представляет собой европейское явление, некое становящееся единство «нации» и «современного государства».

Эта мысль подробно обосновывается во второй главе «Формирование наций и национальных государств», где помимо процесса формирования наций и национальных государств в Западной Европе XVII–XIX столетий, анализируются предшествующие национальным государствам раннегосударственные и имперские формы социальной интеграции. Здесь принципиальным оказывается понимание взаимообусловленности процессов формирования наций и трансформации государства, получающем теоретическое воплощение в понятии «национальная интеграция» — историческом явлении, которое, осуществляясь в Европе разными путями, тем не менее всегда было результатом совместного действия многих объективных и субъективных факторов, в состав которых входило и «государство» а) либо в качестве политического института власти, либо б) в виде «идеи», «политического проекта», под чьим определяющим влиянием складывались многие европейские нации. Формирование наций и национальных государств, считает автор, имманентно завершающей фазе первой стадии процесса глобализации, его западноевропейской и выросшей из нее евро-атлантической исторической форме¹.

Более подробная аргументация для обоснования этой гипотезы дана в третьей главе «Глобализм национальных государств в XIX — первой половине XX столетия». Где показана взаимосвязь западноевропейской и выросшей из нее евро-атлантической формы глобализации с процессами территориальной экспансии основных западноевропейских наций-государств и сопутствующего их становлению и территориальному распространению государственного и этнического национализма. Начиная с XVI столетия, глобализация шла рука об руку с колониализмом сначала абсолютистских, а затем и национальных государств Западной Европы. В итоге уже к началу XX века человечество оказалось объединено в научно-информационном, транспортно-коммуникационном, финансово-экономическом и политическом отношениях. С одной стороны мир оказался разделен между национальными буржуазно-демократическими империями модернизирующегося

¹ Об исторических стадиях и исторических формах глобализации см.: Гранин Ю. Д. Глобализация, нации и национализм. История и современность. — М., 2013. — С. 147–156.

«капиталистического центра» и догоняющими их монархическими империями «полупериферии». С другой стороны, он оказался интегрирован системами международного права и политических союзов национальных государств и надстривающей над ними системой наднациональных финансовых, экономических, политических и иных международных институтов и корпораций. Сложилась иерархическая двухуровневая структура мира, которая была взорвана сначала первой, а затем и второй мировыми войнами, ознаменовавшимися почти повсеместным всплеском национализма и образованием десятков новых национальных и псевдонациональных государств, политика которых трансформировала мировую динамику в начале XXI столетия.

Этот период рассмотрен *в четвертой главе монографии «Национальное государство в XXI веке»*, где обсуждаются современные дискуссии о судьбе национального государства, проекты грядущего мирового порядка, анализируются новые функции национальных государств в современном мире и перспективы России стать «национальным государством». Многие отечественные и зарубежные исследователи полагают, что в современных условиях у национального государства нет будущего. Но так ли? Действительно ли в обозримой перспективе мироустройство суверенных национальных государств уступит место мироустройству глобального сообщества открытых друг другу наций, идущему, как считают некоторые, в направлении к «глобальной демократии» и «глобальному гражданскому обществу»?

Ответы на эти и некоторые другие вопросы читатель получит, дочитав до конца эту книгу.

Глава 1. «Нация» и «национальное государство»

Несмотря на то, что изучение наций и национальных государств имеет почти двухвековую историю, единства взглядов исследователей о сущности, способах формирования и эволюции этих социально-исторических феноменов здесь все еще нет. Современный научный дискурс о нациях и национальном государстве методологически плюралистичен, полицентричен и крайне противоречив. Будучи образованы путем абстрагирования от своей феноменальной данности и многообразия исторических форм явленности, понятия «нация» и «национальное государство» (как и «глобализация») естественным образом, на наш взгляд, оказываются в числе междисциплинарных категорий, расположенных на границах между социальной философией, социологией, экономикой, политологией и другими дисциплинами. Это в свою очередь обостряет конкурентную борьбу, в ходе которой вместо междисциплинарного диалога имеют место попытки редуцировать весь дискурс по поводу комплексной проблемы к одному из аспектов ее рассмотрения.

Ситуация осложняется тем, что, во-первых, в качестве понятия и фиксируемого им исторического феномена «нация» должна быть как-то соотнесена с более древним социальным образованием — «этносом», а во-вторых, и это главное, дефиниции «нация» и «национализм», процессы формирования и эволюции наций и национализма нельзя анализировать независимо друг от друга. «Нация» — цель любого национализма, а «национализм» — фактор формирования и развития наций. История свидетельствует: нации в большинстве случаев возникали проективно, начиная с «эталонной» французской нации, ставшей одним из итогов Великой французской революции, и заканчивая, скажем, современной китайской нацией. Но сама идеология всякого националистического проекта апеллировала к древности нации и в качестве аргумента указывала на ее этнические основы. В результате дискурс о нациях изначально формировался как самопротиворечивый, что, в свою очередь, крайне осложняло решение проблемы сущности, способов формирования и развития национального государства.

Перефразируя Э. Геллнера, национальное государство можно определить как результат брачного союза государства современного типа и нации². Но что такое «государство» вообще, и «современное государство» в частности, и что следует подразумевать под «нацией»? Является ли «национальное государство» государством одной нации? И если «да», то как тогда быть с «многонациональными» государствами, которых большинство на нашей планете, но которые, не взирая на это, объединены в Организацию Объединенных Наций? Возможно, в целях теоретической строгости употребления терминов их следует именовать «полиэтническими национальными государствами»: то есть государствами одной «нации», состоящей из многих «этносов»?

Но что, повторю, отличает нации от этносов? По мнению большинства, — наличие у нации собственной государственности. А как же быть с народами, обладающими всеми признаками нации (общностью языка, территории проживания, культуры и т. д.) и считающих себя нациями (шотландцами, фламандцами, каталонцами и др.), но не имеющими государственности? Как быть с тем, что некоторые нации (например, немцы) естественным образом сформировались еще до обретения собственной государственности, тогда как в образовании других ключевую роль играли именно государства, которые долгие годы пытались сформировать общую (национальную) идентичность своего многоэтнического населения? Что же, в конце концов, первично — «нация» или «национальное государство»?

Более или менее удовлетворительно разобраться со всем этим ворохом вопросов науке пока не удалось. А значит, прежде чем перейти к обсуждению проблемы сущности и путей формирования национальных государств в разное время и в разных регионах планеты, необходимо эксплицировать основные теоретические представления о «нации» и «национализме», и, сравнив их между собой, предложить собственное понимание каждой из дефиниций.

² Э. Геллнер определял национальное государство как результат брачного союза государства и культуры // *Геллнер Э. Условия свободы.* — М., 1995. — С. 27.

2.1. Эволюция понятия нация и его современные трактовки

Широко используемые в социальной философии, социологии, политологии, этнологии, культурной антропологии, этнопсихологии и ряде других научных дисциплин категории «нация» и «этнос» до сих пор не имеют общепринятого содержания. Это обусловлено не только спецификой предметной области и категориального аппарата наук, но и в значительной мере связано с культурно-исторической эволюцией научного употребления этих терминов, содержание которых менялось от эпохи к эпохе.

Оставляя в стороне эволюцию употребления термина нация в европейских языках до XVII века³, следует иметь в виду, что уже к концу XVIII столетия в лоне европейской философии и формирующихся социальных наук в общих чертах сформировались по меньшей мере четыре теоретических подхода, в пределах которых в XVII–XVIII веках исследовались проблемы формирования и развития «народов» (наций): *натуралистический* (Ж. Боден, Ш. Монтескье) *антропологический* (в его культурной и естественнонаучной версиях — Дж. Вико, И. Кант), *социоэкономический* (А. Р. Тюрго, А. Фергюссон, А. Барнав, Ж. Кондорсе) и *политический*, выдающимся представителем и одним из основоположников которого был Г. В. Гегель⁴. По мнению Гегеля, «нация» и «государство» представляют две противоположности, которые определяют друг друга, а термины «народ» и «нация» в ряде случаев используются Гегелем как взаимозаменяемые. И в отношении «народа» («нации») определяющая роль государства состоит в том, что именно оно конституирует «агрегат частных лиц» в собственно «народ». «Дело в том, — пишет Гегель, — что агрегат частных лиц часто называют народом; но в качестве такого агрегата он есть, однако, *vulgus*, а не *populus*; и в этом отношении единственной целью государства является то, чтобы народ не получал существования, не достигал власти

³ Подробнее см.: *Гранин Ю. Д.* Нации, национализм и федерализм. Опыт философско-методологического исследования. — М., 2002. — С. 11–14.

⁴ Там же. — С. 15–23.

и не совершал действий в качестве такого агрегата. Такое состояние народа есть состояние... неразумия вообще»⁵.

Таков, в самых общих чертах, философский взгляд Гегеля на диалектику «нации» и «государства», заявленный великим мыслителем в «Философии духа» и «Философии истории». Но им Гегель не ограничился. Беря за основу историю «германского народа» со времен Священной римской империи, он, в своей «Конституции Германии», интерпретирует ее как распад (в XV–XVII веках) некогда единой германской «нации-государства» на множество современных ему «бюргерских» государств, в которых некогда единый германский народ рискует (благодаря «бюргерскому сословию») утратить, кроме политической, еще и общенациональную — культурную — идентичность. Уже сейчас, констатирует Гегель, многочисленные немецкие государства и их сословия существенно отличаются друг от друга формами правления, по своим «нравам», «образованию» и «диалектам». Подобная политическая и культурная «гетерогенность» важнейших национальных элементов далее нетерпима. И может быть преодолена в процессе добровольного объединения разрозненных немецких монархий и номинально свободных имперских городов в единое германское государство, силу которого должны обеспечить общее для всех правительство и армия. Правда, замечает Гегель, такие радикальные преобразования, даже если они осознаются, почти никогда не бывают следствием логического вывода. Для них нужна сила принуждения. «Толпу немецких обывателей вместе с их сословными учреждениями, которые не представляют себе ничего другого, кроме разделения немецких народностей, и для которых объединение является чем-то совершенно им чуждым, следовало бы властной рукой завоевателя соединить в единую массу и заставить их понять, что они принадлежат Германии»⁶.

⁵ Гегель Г. В. Ф. *Философия духа* // Энциклопедия философских наук. Т. 3. — М., 1977. — С. 360–361.

⁶ Гегель Г. *Конституция Германии* // Политические произведения. — М., 1978. — С. 176. Как известно, начатая Гегелем в 1798 году «Конституция Германии» впервые была опубликована лишь в 1893-м — спустя почти 20 лет, как Бисмарк железной рукой завершил объединение немецких государств почти в полном соответствии с рекомендациями Гегеля: философа, который дал первый эскизный теоретический проект «нации-государства».

Уже к концу XVIII столетия в лоне европейской философии и науки был сформирован комплекс знаний об эволюции народов (в современной трактовке — «этногенезе») и выявлены основные группы факторов, сплачивающие людей в устойчивые коллективы (общности). Климат, ландшафты, территория проживания, язык, хозяйственно-экономические связи, культура, особенности характера, восприятия и мышления — общность одного или нескольких из этих признаков позволяет, по мнению мыслителей того времени, во-первых, объяснить происхождение и развитие народов от «дикости» к цивилизованному состоянию (с характерным для последнего государственным способом бытия), а во-вторых, — отделить один народ от другого. Ведь все перечисленные объективные и субъективные факторы — то, что, с одной стороны, объединяет людей в «народы» и «нации», а с другой, — отличает народы и нации друг от друга.

Последующее развитие социально-философских представлений о нациях и национальных государствах было связано с именами К. Маркса и Ф. Энгельса. Акцент на объективной (социальной и экономической) детерминации становления буржуазного государства и европейских наций — сильная сторона классического марксизма, до сих пор оказывающая значительное влияние на умы его последователей и оппонентов. Его слабостью оказалось недостаточное внимание к «культурной составляющей» человеческой истории: будучи отнесены к «надстройке» и «формам общественного сознания», религия, искусство, наука, язык и даже государство действительно оказались «вторичными» в составе классического марксизма, в теоретической системе которого «нация» интерпретировалась как социально-экономическая и политическая общность индивидов.

Одними из первых на эту односторонность марксистской трактовки указали основоположник позитивной философии и социологии Дж. Стюарт Миль и известный историк религии Эмиль Ренан, обратившие внимание на важную роль в процессе формирования наций (национальностей) именно культурных компонентов, под воздействием которых формируется и функционирует «национальное сознание» и «самосознание».

Миль, в частности, характеризовал нацию таким образом. Часть человечества, писал он, образует «национальность»,

когда входящие в нее люди объединены общими чувствами, каких нет между ними и другими людьми. Причем это общее всем «чувство национальности» может быть вызвано различными причинами: иногда все дело в тождестве расы или происхождения, иногда объединению людей могут содействовать общность языка и общность религии, а иногда — и географические границы общего проживания. Но наиболее важными нациеобразующими факторами, полагает Милль, являются общность политической судьбы, «общая национальная история и основанная на этом общность воспоминания, общие гордость и унижение, радость и страдание, связанные с сообща пережитым в прошлом»⁷.

Если Милль решающим фактором образования наций считал «национальное чувство», то Эмиль Ренан такую же роль приписывал «воле» и «солидарности», а также тому, что позже будет названо «национальным воображением». Согласно его определению, «нация есть... великая солидарность как результат священных чувств к принесенным жертвам и тем, кои в будущем еще будут принесены. Нация предполагает прошедшее; в настоящем она его повторяет... ясно выраженным согласием, желанием продолжать жить сообща. Существование нации... есть ежедневный плебисцит» (*un plebiscite de tous les jours*)⁸.

Это определение Ренана, ставшее впоследствии классическим образцом так называемых «субъективных» определений нации, вместе с тем было достаточно узким, не учитывающим влияние более широкого, «цивилизационного», контекста: социокультурных условий, в которых объективно сосуществуют и развиваются «народы» (этносы), впоследствии объединяющиеся или трансформирующиеся в «нации». Анализом этих условий на материале так называемых «древних обществ» и «культур» сначала занимались эволюционное направление в этнологии.

В Германии пионерами эволюционного образа мыслей в этнографии были сначала Г. Клемм, Т. Вайц и И. Унгер, позже — О. Пешель, А. Бастиан и И. Липперт. А их последователям, английским этнологом Э. Тайлору, Дж. Мак-Леннану

⁷ Милль Дж. *Стьюарт*. Представительное правление. — СПб., 1907. — С. 275.

⁸ Ренан Э. Что такое нация. — СПб., 1886. — С. 39.

и Дж. Лаббоку, принадлежит заслуга первыми и почти одновременно представить уже завершенные эволюционистские концепции. В США основоположником эволюционного подхода в этнологии по праву считается Л. Морган, опубликовавший в 1878 г. знаменитую работу «Древнее общество».

Но по мере дальнейшего развития науки и накопления новых эмпирических данных к концу XIX века все чаще стали обнаруживаться слабые стороны эволюционистской парадигмы. Новый обширный этнографический материал во многих случаях не согласовывался с эволюционистскими схемами. Начались поиски новых путей в исследованиях культур, их изменения и распространения. Так возникла парадигма диффузионизма, в основу которой была положена идея не о линейном прогрессе, а о неизбежной диффузии (взаимопроникновении) культур в процессе миграции этносов (народов). Именно в больших и малых передвижениях (переселениях) народов автор «Антропогеографии» (1909), основоположник дуффузионизма Ф. Ратцель и его последователи (Ф. Гребнер, Э. Норденшельд, Э. Фробениус, Г. Элиот-Смит и др.) усматривали источник распространения культуры (культур) или ее (их) элементов из одного или нескольких центров. Исследовательская цель ученых-диффузионистов состояла «в точном показе пространственного распространения культур или отдельных культурных элементов, в выявлении областей их происхождения, реконструкции путей перемещения элементов культуры и определения временных рамок этого перемещения»⁹.

Ее сменила структурно-функционалистская (Б. Малиновский, Радклиф-Браун, Леви-Стросс и др.) школа в социологии и этнологии, влияние которой не утрачено и до сего дня.

Параллельно с этими исследованиями не прекращались попытки теоретического осмысления проблемы сущности и формирования собственно «наций». Их симулировали, с одной стороны, нарастающий процесс образования в Европе, Азии и Америке национальных государств, а с другой, — уже отмеченные попытки теоретического обобщения большого исторического, археологического и собственно

⁹ Подробнее см.: Этнография и смежные дисциплины. — М., 1994. — С. 125-141.

этнографического материала, завершившиеся формированием социологии, культурной антропологии, этнологии, этнопсихологии, в составе которых термины «этнос» и «нация» перманентно меняли свое содержание. В начале XX века на Западе попытки дать некоторое обобщающее определение «нации» и «национализма» были предприняты в трудах Ф. Неймана, М. Вебера, Э. Дюркгейма, О. Бауэра, К. Каутского, А. Фрикандта, многих других исследователей, в работах которых был выдвинут ряд веских аргументов в пользу «натуральных», социальных, политических, экономических, культурных и социально-психологических причин и условий формирования и эволюции «народов» (этносов) и «наций». В качестве атрибутивных признаков наций объявлялись либо единство «естественных» условий жизни индивидов, либо единство их хозяйственно-экономических, политических связей, либо «языка» или «культуры», а чаще всего — «народный» или «национальный» дух (сознание), активность которого, будто бы, интегрирует людей в этносы и нации. Соответственно содержание указанных понятий раскрывалось через перечисление нескольких из указанных признаков, один из которых признавался в качестве «сущностного».

Так уже к концу XIX столетия в лоне европейской социологии, социальной и политической философии, формирующихся этнологии, культурной антропологии и социальной психологии складываются три основных типа концепций изучения и интерпретации «нации»: *натуралистический, социетальный (атрибутивный) и субъективно-символический подходы*, каждый из которых, опираясь на разные философские и методологические основания, имел многочисленных приверженцев. В том числе, — и царской России. Где во второй половине XIX — начале XX века большинство выдающихся ученых (С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, Ключевский, М. М. Ковалевский, Г. И. Челпанов, С. М. Широкогоров), мыслителей, философов и политиков (Вл. Соловьев, Н. Н. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Н. Трубецкой, И. А. Ильин, В. Г. Федотов, П. Б. Струве, В. В. Розанов, Г. Г. Шпет и др.) связывали формирование и эволюцию «народов», «наций» и «национализма» преимущественно с действием географических факторов

или когнитивных, ценностных и эмоционально-волевых компонентов «национального сознания» и «национального характера». А радикальное крыло российской социал-демократии (В. И. Ленин, Р. Люксембург, А. В. Луначарский, И. В. Сталин и др.) основывалось на социоэкономической и, реже, социокультурной трактовке наций.

В итоге в состав отечественной социально-политической мысли вошло и господствовало вплоть до середины 1960-х годов знаменитое сталинское определение нации: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». При этом Сталин подчеркивал: «...достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией... **только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию**»¹⁰. Незначительной ревизии это определение подверглось после знаменитой дискуссии об «азиатском способе производства» и уточнении содержания понятия «общественно-экономическая формация» в 1960–1970 годы в работах Н. А. Берковича, Ю. В. Бромляя, Т. Ю. Бурмистровой, Ю. Ю. Вейнгольда, М. С. Джунусова, А. В. Ефимова, А. А. Исупова, М. Д. Каммари, Н. М. Киселева, Л. М. Князева, И. С. Кона, П. М. Рогачева, М. А. Свердлина, П. Н. Федосеева, А. И. Холмогорова, Н. Н. Чебоксарова¹¹. Хотя в некоторых из этих работ были получены имеющие научную значимость результаты, в целом отечественное общественное знание, вплоть до начала 1990-х годов, оказалось выключенным из магистральной линии международного теоретического дискурса о нациях и национализме, проигрывая в объективности и качестве зарубежным исследованиям.

Завершая наш, поневоле краткий, обзор эволюции понятия «нация» в философии и общественных науках в XVIII — первой трети XX века, следует еще раз отметить, что за этот период содержание термина менялось неоднократно. В зависимости от профессиональной принадлежности и исходной

¹⁰ Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. — С. 296–297.

¹¹ Подробнее см.: Гранин Ю. Д. Этнос, национальное государство и формирование российской нации. Опыт философско-методологического исследования. — М., 2007. — С. 25–34.

философской позиции исследователей понимание природы и эволюции этих исторически сложившихся, устойчивых общностей людей трактовалась по-разному. В итоге многие специалисты пришли к выводу: поскольку дать точное понятийное определение «этносу» и «нации» невозможно, их предпочтительно вообще элиминировать из категориального состава обществознания. «Национальность, — писал, например, еще в 1920 году Питирим Сорокин, — такая же сборная группа для социологии, какой является группа растений, объединяемых одним термином “овощи” в ботанике, группа животных, обозначаемых в общежитии термином “дичь” в зоологии»¹². И вообще, по его мнению, нет смысла искать общие признаки нации, ибо «зоологи и ботаники таких попыток — не делают, но социологи, увы... одним термином “национальность” обозначают различные по своему составу кумулятивные группы»¹³. Спустя тридцать лет к аналогичному выводу пришел Г. Кон, заявивший, что хотя некоторые реальные факторы (территория, государство) имеют большое значение для образования наций, тем не менее, объяснить ими существование нации нельзя, тем более — дать ее «точное понятийное определение»¹⁴.

Тем не менее изучение этносов и наций было продолжено в рамках структурно-функционального направления социологии (Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, Т. Парсонс), интересно трансформировавшись затем в концепциях Г. Кона и Лудтца, предложивших различать этносы и нации по плотности коммуникационных и информационных связей внутри этих сообществ¹⁵. Одновременно, в 1950–1970 годы, продолжали развиваться *натуралистический (примордиалистский), социетальный* (в его социоэкономической, политической и культурной версиях) и *субъективно-символический* подходы

¹² Сорокин П. А. Система социологии. Т. II, гл. III. — Петроград, 1920. — С. 282.

¹³ Там же.

¹⁴ Kohn H. Die Idee des Nationalisms. Ursprung und Geschichte bis zur französischen Revolution. — Heidelberg, 1950. — S. 34, 37.

¹⁵ Впоследствии идеи этой — информационно-коммуникационной — концепции использовали в своих работах, посвященных этничности, российские исследователи С. А. Арутюнов и С. В. Чешко.

к изучению этносов и наций. Но ни одна из концепций не смогла предложить критерии, с помощью которых можно было бы точно отличать нации от этносов. Ни общность антропометрических характеристик и языка, ни общность территории и экономической жизни, ни общие культура, самоназвание и самосознание, связывающие людей в одно антропосоциокультурное целое, не позволяют надежно отличить нации от этносов. Пожалуй, нет ни одного характерного признака, по которому можно было бы точно различать этносы и нации. Даже предложенное в 1950-е годы К. Дойчем функционалистское различие по плотности информационных связей внутри этносов и наций в современных условиях увеличения всеобщей взаимосвязанности и тотальной информатизации тоже не работают. Как не срабатывает, и широко представленная апелляция к «особому менталитету», «национальному сознанию» или «национальному характеру» — как и другие, она не позволяет провести четких границ ни между этносами, ни между нациями, ни, тем более, между нациями и этносами.

Не случайно, что вслед за П. Сорокиным уже в середине XX века некоторые исследователи (Э. Карр, Г. Кон, Х. Сетон-Уотсон и др.) либо отказывались дать точное понятийное определение «нации», либо предлагали считать его пустой дефиницией, а то и просто «продуктом веры». Констатация этого обстоятельства позволила еще в 1964 году британскому обществоведо Эрнесту Геллнеру заявить, что «нации это изобретение националистов», благодаря которому они проводят в жизнь свои политические идеи. В начале 1980-х этот принцип осознанного политического конструирования основных европейских наций, основательно подкрепленный анализом истории становления западноевропейских «национальных государств», получил развернутое теоретическое обоснование сначала в работах Б. Андерсона, Э. Геллнера, К. Дойча, Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, а чуть позже — в исследованиях Энтони Д. Смита, М. Шадсона, Э. Эриксона и некоторых других зарубежных авторов. Так, к началу последнего десятилетия XX века окончательно сформировались *социально-конструктивистское* направление исследований, включившее в себя *модернистскую* и *постмодернистскую* (инструменталистскую) (Р. Брубэйкер,

К. Вердери и др.) версии социального конструктивизма и акцентировавшее внимание на целенаправленных усилиях государства и его политических элит в формировании наций в Западной и Центральной Европе, возникновение которых, вопреки доминировавшему до этого мнению перенниалистов, стало датироваться XVIII–XIX столетиями. Рассмотрим подробнее натуралистический (примордиалистский), социетальный (в его социоэкономической, политической и культурной версиях), субъективно-символический (этносимволический) и инструментально-конструктивистский подходы, акцентируя внимание на аргументах, выдвигаемых их сторонниками, достоинствах и ограничениях каждого из этих подходов, в ряде случаев имеющих точки пересечения.

Натуралисты-примордиалисты считают нацию «организмом», обладающим неизменным характером, которым наделяются ее представители уже от рождения. Конечно, здесь сказывается организмическая идея социальной мысли, идущая еще от античности и средневековья, но биологизация понимания индивидуального представителя нации — результат расистских построений XIX века о национальном как данности и геополитического представления об истории как о вечном конфликте национальных организмов. В современной социальной мысли теоретическим источником натурализма может быть названа социобиология. По мнению ведущего представителя примордиализма П. ван ден Берге, существование наций лишь продолжение естественного родового отбора¹⁶. Фундаментальной проблемой для натуралистов оказывается соотношение генетического и негенетического наследования, которые они неявно, а по существу — мистически, отождествляют: «врожденное» чувство «национального духа» аргументируется фактами социокультурного, то есть приобретенного порядка. Критики примордиализма считают натуралистические объяснения наций тупиковыми, вследствие их десоциализирующего и мистифицирующего характера. *Культурологический вариант примордиализма* (Г. Айзакс, У. Коннор), отличается лишь тем, что не только на биологической, но и на культурной

¹⁶ Berghe P. van den Race and ethnicity // *Ethnic and Racial Studies*, 1978, № 4, p. 404.

основе отождествляет групповую идентичность нации с досовременной этнической идентичностью (перенниализм — по терминологии Э.Смита). В советской России первым сторонником примордиального понимания этносов был Л. Н. Гумилев, предложивший рассматривать этносы в одном ряду с биологическими популяциями, как «феномен природы», источником изменений которых является превращение различных форм геокосмической энергии в биохимическую энергию живого вещества, которая, трансформируясь в физиологическую и психическую энергию людей, формирует «этническую пассионарность»¹⁷.

Возражая примордиалистам, *сторонники социентальных концепций* интерпретировали формирование этносов, особенно, наций как результат влияния социально-экономических, политических или культурных изменений в европейских государствах. К социентальным *концепциям этносов* можно отнести уже упоминаемые этноэволюционизм (Л. Морган, Э. Тайлор), методологическим идеалом которого было перенесение на этносы принципов исследования органического мира, структурно-функциональный подход (Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун), психологическую антропологию (Ф. Боас). К социентальным *концепциям наций* — теории Э. Геллнера, К. Дойча, М. Хроха, Э. Гидденса и др. Более того, именно сопоставление традиционных и современных обществ и пристальное внимание как к тем, так и к другим стало предпосылкой *модернистского подхода* к нациям и национализму. Интенсивное развитие этих направлений послужило основой исследований в областях исторической этнологии и теории модернизации.

¹⁷ Следует иметь в виду, что в конкретных описаниях этнос у Л. Н. Гумилева выглядит как социоприродное явление, но определяется им преимущественно как биофизическое образование. Он утверждал, что «этносы являются биофизическими реальностями, всегда облеченными в ту или иную социальную оболочку». (Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — М., 1993. — С. 227.) Это обстоятельство воспринималось и сейчас интерпретируется многими авторами как принципиальное противоречие его концепции. Однако противоречия здесь, по-видимому, нет, так как, согласно концепции Гумилева, этнос является связующим звеном в едином социобиосферном комплексе. Он связывает две противоположности — биосферу и социально организованную деятельность людей, — и при этом полностью не относится ни к одной из них. Иначе говоря, этнос объединяет в себе особенности природы и общества.

В середине прошлого века указанные концепции активно оперировали рядом основных категорий («этнос», «культура», «общество» и др.) не всегда, правда, рефлекслируя над философскими основаниями собственных построений, что иногда приводило к смешению употребляемых понятий. Например, для Э. Шилза и С. Эйзенштадта понятия «культура» и «традиция» были практически синонимичны¹⁸. Большое внимание, особенно в психологической антропологии и истории ментальностей, уделялось особенностям восприятия мира в рамках той или иной этнонациональной традиции. Этнопсихологии Ф. Боаса присущ социокультурный детерминизм — взгляд на человеческое общество, при котором поведение и образ мыслей индивида целиком объясняются социальными или культурными причинами, каждая же из культур определяется своей историей и потому уникальна. Его последователи рассматривают культуру как центральную проблему этнологии, оперируя понятиями «модель» и «этос» культуры. Благодаря же влиянию структурализма (К. Леви-Стросс) культура стала пониматься как система значений, необходимая для осуществления социальной коммуникации. В целом для работ, выполненных в парадигме социетализма, все более характерна смена акцентов с «социального» на «культурное», пристальное внимание к этосу, как способу ценностного структурирования реальности через систему символов, что непосредственно выводит к этносимволическому подходу.

Знаменательно, что представители *этносимволического подхода* в целом разделяют идею о влиянии новоевропейской модернизации на образование наций. «Причиной, сделавшей нации столь желанными, — писал, например, Энтони Д. Смит, — послужило воздействие тройственной западной революции, или, точнее, трех типов революций, происходивших на Западе в разное время в разных странах. Это — революция в сфере разделения труда, революция в контроле управления и революция в культурной координации»¹⁹. Существенным моментом последней, по его мнению, был переход

¹⁸ Weber M. *Essays in Sociology*. — L., 1948. — P. 176.

¹⁹ Smit A. *The Ethnic Origins of Nations*. — Oxford, New York, 1986. — P. 141.

к общенациональным государственным системам образования, которые обеспечили относительную культурную гомогенность полиэтнических европейских государств. Этносимволисты подчеркивают важность для образования нации не общность внешнего облика или совместного проживания, а общность символического поля.

Данная позиция, по существу, корреспондировала со взглядами социеталистов-модернистов Эрнеста Геллнера и Карла Дойча, интерпретировавших становление наций как результат целенаправленных усилий государства в сферах образования и социальных коммуникаций. «Принадлежность к тому или иному народу, — писал К. Дойч, — основывается в значительной степени на распространенности дополнительной социальной коммуникации. Она сводится к способности более эффективно общаться по широкому кругу тем с членами большой группы, чем со стоящими вне ее»²⁰. Придерживаясь позиции К. Дойча, П. Лудц определял нацию так: «Нации, будучи общностями, сформировавшимися и сложившимися как в историко-политическом, так и социально-экономическом отношении, понимаются как особенно конденсированные структуры коммуникации и активности, в которых люди взаимно соотносятся и образуют единое целое. В этом смысле нации являются продуктом деятельности и общения людей, входящих в нее. Людей, принадлежащих к одной нации, связывает как сознание своей национальной принадлежности, дающее направление их деятельности, так и воля к образованию и поддержанию этого единого целого»²¹.

Вполне естественно, что трудности с дефиницией «нации», а также взаимные влияния разных теоретиков приводят к тому, что идеи представителей различных подходов переплетаются. Поэтому в литературе встречаются не вполне адекватные оценки позиций некоторых авторов²². Однако,

²⁰ Duetsch K. W. Nationalism and Social Communication. — Cambridge, 1966. — P. 97. Впоследствии идеи этой — информационно-коммуникационной — концепции использовали в своих работах, посвященных этничности, российские исследователи С. А. Арутюнов и С. В. Чешко.

²¹ Materialien zum Berecht zur Lage der Nation 1974. — (West) Berlin, 1974. — S. 70.

²² Например, в своем более раннем исследовании «Нации, национализм и федерализм» (2002) я отнес Энтони Смита к сторонникам

более детальное изучение работы Смита «Национализм и модернизм» (1998) исчерпывающе показывает, что Смит является сторонником символического подхода к нациям и национализму. Действительно, уже само подчеркивание Смитом первостепенной значимости «общих мифов и символов» прямо свидетельствует об этом. Этносимволизм представляет собой весьма тонкую теоретическую конструкцию, которая занимает в дискурсе о нациях центристское положение, и потому часто ошибочно интерпретируется, вплоть до искажения, упрощается и сводится к прочим трем подходам. Объективные основания такого смещения заключаются в том, что как этносимволизм, так и инструментализм-конструктивизм выросли из социетального подхода в его различных вариантах, либо же питались идеями таких классиков социетального модернизма как Э. Геллнер. В частности, Э. Смит является прямым учеником Э. Геллнера.

Изучение текстов Смита показывает, что он нисколько не сомневается в определяющем влиянии модернизационных процессов в Европе Нового времени на начало формирования наций. Он пишет, например: «Я признавал современность и наций, и национализма, как и подобает ученику Эрнеста Геллнера»²³. Но при этом Смит не считает, что модернизационные процессы могли идти произвольно и нации конструировались по чисто случайным основаниям в зависимости от предпочтений элит. Элиты активно воздействовали на процесс формирования наций, но как формы этого символического по преимуществу воздействия, так и пределы его возможной эффективности определялись тем историческим путем, который прошло население территорий ставших базой потенциального нациообразования.

инструменталистски-конструктивистского подхода на том основании, что в своей работе «Этнические истоки наций» (1986) Смит, отметив, что внутри современных государств есть и «этнии», и «нации», и что каждая этния стремится стать нацией, писал, что исторически «это стремление воплощалось в “концепциях нации”, которые (по мере распространения всеобщей грамотности, административных языков, формирования “общих мифов и символов”) вырабатывались идеологами национализма и последовательно воплощались в жизнь бюрократами централизованных европейских государств». (*Энтони Д. Смит. Образование наций // «Этнос и политика: Хрестоматия». — М., 2000. — С. 91.*)

²³ Смит Э. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 344.

Продолжая наш анализ, следует еще раз подчеркнуть, что этносимволизм (Дж. Хатчинсон, Дж. Армстронг, Э. Смит), в первую очередь, сосредоточен, конечно, на исследовании мифосимволических комплексов, которые в разные моменты истории могут составлять основу этнической и национальной идентификации. Дж. Армстронг определяет поэтому этничность как «узел меняющихся взаимодействий»²⁴. Соответственно, речь не идет об этничности как о данности в духе примордиализма или же об искусственной конструкции в духе инструментализма-конструктивизма. Данная позиция близка к социетальному подходу, но в отличие от него рассматривает в качестве центральных духовные аспекты и проблематику идентичности. Этносимволисты изучают мифы и символы, легитимирующие идентичность в ее историческом движении и трансформациях вплоть до радикальных изменений и следующих за ними попыток установить ретроспективную преемственность в качестве идеологического инструмента легитимации. Согласно Дж. Армстронгу, современные национальные идентичности связаны ранними этническими идентичностями, выраженными в мифо-символических комплексах²⁵. По мнению Э. Смита, символы дают группам общие переживания и ценности, а мифы иллюстрируют и разъясняют эти ценности²⁶. Поэтому, как пишет Э. Смит, этничность не является чем-то бесконечно податливым и изобретаемым²⁷. А последующая национальная идентичность привязана к набору ценностей, воплощенному в мифах и символах, и составляющему культурное наследие. Обращение к этим символам прошлого становится важным фактором самостоятельности новой «нации». Нацию Э. Смит определяет как «группу людей, обладающую общими и особыми элементами культуры, единой экономической системой, гражданскими правами для всех

²⁴ Armstrong John. Nations before Nationalism. — NC, 1982. — P. 6.

²⁵ Armstrong John. Towards a theory of nationalism: consensus and dissensus // Nations of Nationalism. — Budapest, 1995. — P. 34–43.

²⁶ Smith Anthony D. Ethnic persistence and national transformation // British Journal of Sociology, 1984, XXXV, 4, 452–461.

²⁷ Armstrong John. Towards a theory of nationalism: consensus and dissensus // Nations of Nationalism. — Budapest, 1995. — P. 283.

членов, чувством солидарности, являющимся результатом общих переживаний, и занимающую общую территорию»²⁸.

Данное определение акцентирует внимание на массовом сознании, на чувствах, на механизмах формирования идентичности. Исходя из такого понимания нации, Э. Смит формулирует основные теоретические трудности, которые оказалось нельзя решить в рамках инструменталистски-конструктивистского подхода: 1) акцент на интеллектуалах и элитах отодвигает в тень массовую природу национального движения, 2) выявление пределов интеллектуального «конструирования», устанавливаемых народными представлениями и культурой, 3) обнаружение возможных связей между старыми и современными социальными формациями²⁹.

Таким образом, согласно Смиту, нациям присущи как черты, общие им и этническим общностям: мифы и воспоминания, так и специфические черты: экономическое и правовое единство³⁰. Более того, он совершенно справедливо утверждает, что «ни один подход, рассматривающий, нации и национализм с позиций только одной теории... не кажется особенно полезным». Всякому из них «есть что сказать нам об отдельных аспектах области этнических и национальных феноменов». Но без четко разработанной теории характера, возникновения и развития наций и национализма споры по данной проблематике утрачивают содержательность³¹.

Если иметь в виду эти соображения, становится понятным тот разброс мнений, который был характерен для отечественных дискуссий 1970–1980 годов, когда под влиянием критики коллег Л. Н. Гумилев вынужден был смягчить свою позицию и по существу стал трактовать этнос как биосоциальный организм, в эволюции которого значительную роль играют и социальные факторы. В свою очередь некоторые (но отнюдь не большинство) его оппонентов также скорректировали свои взгляды и признали влияние на этногенез географической среды и форм воспроизводства человеческой

²⁸ Smith Anthony D. Nationalism // Current Sociology, 1973. — P. 18, 26.

²⁹ Смит Э. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 346.

³⁰ Там же. — С. 357.

³¹ Там же. — С. 396.

популяции (брачных связей). Последние, стали писать, также являются «этнообразующими факторами», под воздействием которых формируются так называемые «этникосы» (собственно этнические общности людей), многие из которых затем входят в состав тех или иных «этносоциальных организмов» — «наций», в свою очередь, трактуемых как определенные «территориально-политические единицы». Размер территории проживания этносов и их численность не имеют решающего значения.

Так, возражая против того, чтобы понимать под нациями только крупные этносоциальные общности, академик Бромлей указывал, что в мире существует достаточно много и очень небольших этносов, не отличающиеся по своим характеристикам (формационной принадлежности, социально-классовой структуре, наличию государственности, интенсивности внутренних культурно-информационных связей) от крупных этнонациональных общностей. По его мнению, их целесообразно выделить в особый подтип — «микронации» (например, ита-лошвейцарцы, люксермбуржцы, мальтийцы). В то же время не все сравнительно малочисленные этносоциальные общности представляют собой микронации — большинство из них не обладает всеми обязательными для нации параметрами. Поэтому их обозначают термином «народность»³². Правда, необходимо учитывать, что данная позиция развивалась в рамках социетального подхода, поэтому этническое здесь не тождественно биологическому. Как пишет С. В. Лурье, существуют например, русский или американский этносы, которые объединяют вокруг определенного ядра представителей исходно разных народов, и «говорить об этносе, как о биологической общности — бессмысленно»³³. Важнее та совокупность культурных парадигм, которая ретранслируется этносом. Для большей концептуальной четкости С. В. Лурье предлагает пользоваться здесь понятием «этническая картина мира» — как вариантом общего понятия ментальности.

В тех или иных авторских вариантах этносоциальная трактовка наций до сих пор является наиболее распространенной,

³² Бромлей Ю. В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. — М., 1988. — С. 49.

³³ Лурье С. В. Историческая этнология. — М., 1998. — С. 40.

хотя и она уязвима для критики. Прежде всего — критике политической. Ведь если четких критериев для различения «нации» и «этнуса» («народа», «народности») нет, то в любом многонациональном государстве, каким был СССР и каковым остается современная Россия, любой этнос или «народность» может объявить (и объявляет!) себя «нацией» и реализовать свое законное право на государственное самоопределение вплоть до выхода из состава союзного государства или федерации. Именно это обстоятельство, как впоследствии признавал В. А. Тишков, побудило его и его единомышленников перевести обсуждение проблемы нации в плоскость политологии³⁴ и наполнить его содержанием, которое «принято в мировой научной литературе и международной практике» — т. е. понимать «нацию» как совокупность граждан одного государства.

По существу этой же позиции придерживался и Ю. М. Бородай, утверждавший, что «нация есть нечто непременно предполагающее опыт государственно-правового строительства»³⁵. Различие состояло лишь в способе — философско-культурологическом — обоснования этой позиции. Если «этнос — субстрат прежде всего... фольклорно-этнографический», то «национальный духовный субстрат представляет собой не что иное, как развернутый культурный принцип. И главным в этом категориальном переходе является замена регуляции отношений между людьми посредством обычаев, традиций регуляцией посредством государственно-правовых норм»³⁶. Аналогичным образом аргументировал и В. М. Межуев. «Нация, — отмечал последний, — есть межиндивидуальная коммуникация людей на базе некоторых общих для них ценностей и норм, задаваемых... не общим происхождением, кровным родством или просто совместным проживанием, а культурой, т. е. системой некоторых вынесенных вовне

³⁴ Подробнее см.: В. Тишков. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Национальная политика России: история и современность. — М., 1997. — С. 597–645.

³⁵ Бородай Ю. М. Этнос, нация, государство // Полис, 1992, № 5–6, с. 19.

³⁶ Там же.

символических образований»³⁷. Иначе говоря, «нация, в отличие от этноса, — это то, что существует не во мне, а вне меня, что дано мне не фактом моего рождения, а моими собственными усилиями и личным выбором»³⁸. Тем самым по существу утверждалось, что «данность» нации субъекту устанавливается в процессе самоидентификации последнего, то есть субъективно-символически.

Разграничение нюансов различных подходов к определению нации — дело не простое. В особенности это касается символистского подхода. Его промежуточное положение в националистическом дискурсе часто приводит, как мы уже видели, к тому, что его представителей относят то к натуралистам-примордиалистам, то к инструменталистам-конструктивистам. Поэтому не лишним будет еще раз уточнить смысл, вкладываемый в соответствующие названия. И привлечь терминологическое новообразование Э. Смита — перенниализм. Примордиалисты говорят о нации как о природной или же природно-биологической данности. Перенниалисты подчеркивают вечность или древность наций. Причем в рамках перенниализма возможны варианты. Один связывает вечность наций с их природной определенностью и в этом смысле совпадает с примордиализмом. Другой (культурологический) считает, что в основе древности, национальной традиции, передаваемой из поколения в поколение лежит культурная определенность или своеобразие данной нации. Этносимволисты, разделяя мнение об огромном значении культурных факторов (мифов, символов и т. п.), тем не менее считают нацию продуктом новоевропейской модернизации. Соответственно, этносимволисты заняты решением проблемы преемственности между этнической и национальной формами интеграции.

Примером второго (культурологического) варианта перенниализма в отечественной литературе может служить «интегральная» концепция нации М. О. Мнацаканяна³⁹.

³⁷ *Межуев В. М.* Идея национального государства в исторической перспективе // *Полис*, 1992, № 5–6, с. 16.

³⁸ Там же.

³⁹ За рубежом наиболее последовательным сторонником культурного перенниализма является Курт Хюбнер, утверждающий, что «феномен нации никоим образом не является открытием девятнадцатого столетия,

Возможно, на такой выбор теоретической позиции оказывает влияние происхождение. Ведь, например, Э. Смит, прямо пишет, что, оставаясь на позициях этносимволизма, то есть признавая нации современным явлением, он не может решить некоторые проблемы, а именно национальной природы древних народов — евреев, армян. Эти нации при всем желании не вписываются в модернистскую парадигму. Эти исключения не служат для Смита причиной отказа от этносимволизма и перехода на позиции культурологического перенниализма, но сами по себе проблемы, тем не менее, остаются. Тем легче другим исследователям занять позицию культурологического перенниализма. М. О. Мнацаканян так и пишет: «Античные, средневековые и современные армяне — это единая этническая общность, народ с общими святынями, судьбой, будущим; без истории и национальных святынь — нет армянского народа»⁴⁰. Причем в данном контексте, говоря «этническая общность», автор по существу имеет в виду нацию. Такая позиция в соответствии с установками культурологического перенниализма, распространяется и на другие нации.

Например, М. О. Мнацаканян утверждает, что «Московская Русь — не этническая общность, а национальное государство, где рядом проживают и другие этнические общности»⁴¹. Таким образом, рассмотрение наций как «древних» образований вынуждает относить существование национальных государств к добуржуазному времени: к эпохе средневековья, и даже античности. Критически относясь к примордиалистам вроде Л. Н. Гумилева, основным теоретическим противником М. О. Мнацаканян считает «представителей и поклонников инструментализма и релятивизма», и как раз за то, что они «распространяют небывлицы о том, что якобы этническая элита и интеллектуалы задним числом — уже в XIX–XX веках создают мифы о предках, чуть ли не фабрикуют национальную историю в корыстных целях»⁴².

но издревле составлял субстанциальную основу государств, не исключая — вопреки расхожему и ошибочному мнению — античности и средневековья». (*Хюбнер Курт*. *Нация. От забвения к возрождению* / пер. с нем. *А. Ю. Антоновского*. — М., 2001. — С. 9.)

⁴⁰ Мнацаканян М. О. *Нации и национализм*. — М., 2004. — С. 343.

⁴¹ Там же. — М., 2004. — С. 45.

⁴² Там же. — С. 339–340.

Как же выглядит нация с позиций интегральной теории М. О. Мнацаканяна? Он стремится выявить «субстратные основы» нации, «внутреннюю интегральную национальную связь, то генеральное свойство, которое объединяет, связывает глубокими психологическими нитями людей и поколения в единую коллективную общность»⁴³. Он полагает, что скрепляют «национальную связь» символы, в которых персонифицировано трагическое и героическое прошлое народа, и которые поэтому вызывают одинаковый эмоциональный отклик у всех его представителей независимо от времени и места. Автор называет эти символы «символами-проводниками». Следует, тем не менее, оговорить, что эта позиция все же не есть этно-символизм именно вследствие представления о древнем характере наций. Но вместе с тем, это и не примордиализм, так как «национальная связь» усматривается в культуре, а не в природе. М. О. Мнацаканян прямо пишет, что «нация — это по существу культурно-психологическая общность людей, возникшая исторически на своей этнической территории»⁴⁴. Последнее обстоятельство, однако, показывает родственность примордиализма и перенниализма, даже если последний принимает культурологическую форму, на что, кстати, обращал внимание и Э. Смит. У М. О. Мнацаканяна, при всей культурологичности понимания нации, нельзя обойтись без понятия «этнической территории», явно «природного», но вместе с тем столь же произвольного и искусственного, как, скажем, понятие «канонической территории» в межконфессиональных и межцерковных отношениях.

Отсюда проистекает и парадокс, в общем-то, не удивительный для позиции, стремящейся занять центристское положение в рамках национального дискурса. При более детальном обосновании этой позиции возможны неожиданные кульбиты от примордиалистских установок к утверждениям, которые сложно отличить от инструментализма-конструктивизма даже терминологически. По мнению М. О. Мнацаканяна «интегральная национальная связь становится реальностью тогда, когда коллективная идентичность символизируется

⁴³ Мнацаканян М. О. Нации и национализм. — М., 2004. — С. 72.

⁴⁴ Там же. — С. 74.

общим языком, территорией, культурной традицией и другими этническими чертами, получает психологическое восприятие индивидом»⁴⁵. Но все перечисленные характеристики автор считает не признаками нации, а лишь условиями формирования ее «объективной основы» — «коллективной идентичности». Отсюда он дает определение нации, под которым легко подпишутся и В. А. Тишков, Б. Андерсон и другие конструктивисты: «Нация — коллектив людей, возникший на основе их субъективного индивидуального восприятия идентичности посредством самосознания и психологически»⁴⁶. Идентичность парадоксальным образом оказывается здесь бессознательной. Она у автора состоит из символов — «проводников», являющихся носителями «бессознательных, порой иррациональных чувств тоски, тревоги и надежд». Эта «национальная субстанция», «этническое ядро» приводит в энергичное движение все прочие социальные и культурные аспекты национального развития⁴⁷. При такой трактовке сущности нации неизбежно возникает вопрос об объективности этого самого «ядра». Для автора национальное сознание объективно потому, что оно коллективно и содержит в себе «потребность инегральности национальной жизни, ее энергию и интенсивность»⁴⁸. По существу речь идет о врожденности культурных различий (то, что Э. Балибар называет «неорасизмом»).

При таком подходе, вся проблематика становления национальных общностей в Новое время, вызвавшая столько дискуссий в литературе, утрачивает всякий смысл. Ведь хотя «племя превращается в народ, народ — в нацию, но идентичность самой общности и в психологическом смысле, и в самосознании сохраняется и укрепляется»⁴⁹. Так, на словах высоко оценивая историзм как важнейший принцип изучения наций (он пишет, например, что принцип историзма вытекает из самой сущности интегрализма — то есть его концепции⁵⁰), на деле М. О. Мнацаканян отрицает его. Вся национальная

⁴⁵ Мнацаканян М. О. Нации и национализм. — М., 2004. — С. 75.

⁴⁶ Там же. — С. 75.

⁴⁷ Там же. — С. 80.

⁴⁸ Там же. — С. 83.

⁴⁹ Там же. — С. 88.

⁵⁰ Там же. — С. 93.

история, все социально-экономические и политические перемены, значение которых принципиально для формирования самой реальности нации, предстают лишь «внешними факторами», которые только позже «приходят в действие», если считать, что «нация имеет в качестве своей первоосновы (субстанции) совокупность в особой форме ассоциированных индивидов, образующих интегральное единство при помощи специальных проводников символического взаимодействия»⁵¹. Реальность национального коренится в индивидах, в их коллективном бессознательном, но не в истории их социальной деятельности.

Согласно М. О. Мнацаканяну, его «интегральная теория нации» претендует на то, что «содержит в себе междисциплинарный подход», поскольку она интегрирует «идеи о нациях различных обществоведческих наук — этнологии, психологии, культурологи, истории, философии, политологии, права, экономической теории»⁵². Какой же может быть междисциплинарный подход, если философия «идет через запятую», наряду с частными науками? В подобном случае поневоле придется компенсировать отсутствие общеметодологических исследовательских инструментов «тайной истории национальной общности», «живыми источниками жизни нации», «интегральной энергией, способной концентрироваться в элементах национальной общности»⁵³ и прочими мифологемами.

Мы уже отмечали, что социетальный подход во всех его вариантах, но в особенности, разумеется, в культурологическом и коммуникационном, послужил истоком и для этносимволического, и для инструменталистски-конструктивистского подходов. В частности, истоки инструменталистско-конструктивистского подхода можно усмотреть в относящемся к 1964 году высказывании Эрнеста Геллнера что «нации это изобретение националистов», благодаря которому они проводят в жизнь свои политические принципы. В этой связи сопоставим несколько высказываний зарубежных и отечественных специалистов.

⁵¹ Мнацаканян М. О. Нации и национализм. — М., 2004. — С. 83.

⁵² Там же. — С. 96.

⁵³ Там же. — С. 95.

В своей книге с симптоматичным названием «Воображаемые общности. Размышления о происхождении и распространении национализма» один из ведущих теоретиков инструменталистски-конструктивистского подхода Бенедикт Андерсон пишет: «В рамках антропологии я предлагаю следующие определение нации: она есть воображаемая политическая общность, при этом воображаемая как имманентно ограниченная и суверенная. Она воображаемая, потому что члены даже самой маленькой нации никогда не знакомы с большинством своих соплеменников, никогда не встречаются с ними и даже не слышат о них, но в то же время в голове каждого живет образ их общности» (подчеркнуто мною — Ю. Г.). Рассуждать, продолжает Андерсон, о подлинности или не подлинности этих образов общности не стоит, поскольку все они — продукт воображения. «Общности различаются не по их вымышленности или подлинности, а по способу их воображения»⁵⁴.

Способы воображения людьми самих себя как принадлежащих к той или иной групповой «общности» не значительно меняются от эпохи к эпохе. Радикальный сдвиг происходит в XVII–XVIII веках — в эпоху распространения «печатного капитализма» (массового книгопечатания и появления газет), распада «династийных государств» и распространения административных и печатных языков, повсеместность которых, раздвинув в воображении людей границы внешнего мира, изменило его восприятие — мир стал восприниматься и воображаться как боле широкая — надэтническая — общность людей одного государства. Тем самым, по мнению Андерсона, была подготовлена почва для появления «идеи нации», которая затем усилиями интеллектуалов и политиков была оформлена в политический принцип и идеологию национализма, получивший практическое воплощение в «национальном государстве»⁵⁵.

Следует подчеркнуть, что вследствие той легкости, с которой может искажаться термин «воображаемые», позиция

⁵⁴ Андерсон Бенедикт. Воображаемые общности. Размышления о происхождении и сущности национализма // Этнос и политика: Хрестоматия. — М., 2000. — С. 79.

⁵⁵ Там же. — С. 79–86.

Андерсона часто неверно интерпретируется, и ему приписывается то, что он в действительности не утверждает. Следует подчеркнуть, что «воображаемые» у Андерсона ни в коей мере не означает «вымышленные». Речь идет, прежде всего, об исследовании социокультурных аспектов формирования наций, что само по себе не может вызывать возражения. Другое дело, что ни один аспект исследования, особенно если его выделение превращается в принцип и исследовательский подход, не следует абсолютизировать. Но нельзя возразить против того, что такие социокультурные феномены, как коллективная память и солидарность, и такие символы, как могила Неизвестного солдата, сплачивают нацию. Аналогия между национализмом и религией, которую проводит Андерсон, во многом сближает инструментализм-конструктивизм с этно-символизмом, что признает и представитель последнего подхода Э. Смит⁵⁶. В отношении же акцентуации Андерсоном роли государственных средств коммуникации в формировании национальной идентичности отчетливо видна преемственность инструментализма-конструктивизма по отношению к социетальному подходу.

Другой теоретик данного подхода Э. Хобсбаум рассматривает нации как «изобретенные традиции». Социокультурное прошлое рассматривается здесь в постмодернистском духе в качестве материала, из которого можно конструировать любую идеальную реальность⁵⁷. Нация, таким образом, есть продукт социальной инженерии. В этом смысле отсыл националистов к «великому прошлому» есть по Хобсбауму — и в этом нельзя с ним не согласиться — яркий пример изобретения традиции. Данная процедура весьма полезна для государственных элит, которые ставят целью установить контроль над населением, вовлеченным в процесс модернизации и ставшим «электоратом»⁵⁸.

Налицо совпадение в этом вопросе позиций социетального и инструменталистски-конструктивистского подходов:

⁵⁶ Смит Э. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 247.

⁵⁷ Hobsbawm E., Ranger T. The invention of Tradition. — Cambridge, 1983. — P. 6–7.

⁵⁸ Ibid. — P. 14.

Хобсбаум утверждает, как в свое время Геллнер, что нации — это продукт национализма, возникший исключительно в современный период. Центральным моментом в этом процессе признается создание правового гражданского государства. Государство конструирует новую идентичность прежде всего за счет официального стандарта языка, в результате чего после векового существования национализма в гражданско-демократической форме он трансформируется в этнолингвистический⁵⁹. Оригинальность конструктивистской трактовки заключается в том, что для нее этноязыковые особенности являются не предпосылкой, а продуктом государственного национализма, что в перспективе может приводить к опасности этнических чисток в государствах, перестающих быть демократическими. Инструменталистско-конструктивистский подход, таким образом, сосредоточивается не на интегративных функциях государственного языка, а на опасностях новых размежеваний. Каждый видит то, что ему ближе.

Разумные критические замечания в адрес инструментализма-конструктивизма в основном касаются не его марксистских, а его постмодернистских теоретических оснований. Действительно, инструментализм-конструктивизм, по существу, отрекается от историзма. Отсюда и вопрос о возможной деконструкции нации как ранее сконструированного артефакта в результате целенаправленного (а в условиях глобализации — и не обязательно государственного, может быть: сверхгосударственного) воздействия на то самое «воображение», которое и создало нацию, по мнению конструктивистов. Отсюда и упреки в индивидуализме и волюнтаризме, адресуемые теоретическим построениям Андерсона⁶⁰.

Энтони Смит указывает, что подход инструменталистов устраняет из определения нации такой критерий, как этничность. «Это значит, что любое воображаемое сообщество, если оно политическое, конечное и суверенное, может быть названо ее членами нацией. Но описание нации почти исключительно в этих терминах приводит к утрате других

⁵⁹ Hobsbawm E., Ranger T. The invention of Tradition. — Cambridge, 1983. — P. 102.

⁶⁰ Смит Э. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 255–256.

важных элементов, определяющих понятие и отличающих его от других типов воображаемого сообщества»⁶¹. Нужно признать, что данная критика не искажает исходных посылок инструментализма-конструктивизма. Смит подчеркивает также, что понятие нации — не просто абстракция или изобретение, но еще и переживание страстное, поскольку составляет гарантию нашей идентичности⁶². Хотя здесь как раз принципиальной разницы в позициях нет; сам Андерсон говорит о национализме как о «светской религии». Есть контраргументы и более частного порядка, например, устно-визуальная природа национализма в странах массовой неграмотности в Азии и Африке: роль газеты («печатного капитализма» — по Андерсону) здесь была ничтожной и пр. Да и капитализма там по большому счету не было.

Представители инструменталистски-конструктивистского подхода в духе постмодернизма полагают, что «нация» (как согражданство) это не научное понятие, отражающее ряд объективных характеристик новой исторической общности людей, а идеологический конструкт, выработанный бюрократами и интеллектуалами в сугубо прагматических целях — укрепления государства. Одна из видных современных инструменталистов К. Вердери, например, в работе «Куда идут “нация” и “национализм”?» (2002) единственную реальную функциональность понятия нации видит в том, что оно обеспечивает связь государства со своими подданными, то есть сводит проблему нации к проблеме национального государства как одной из форм конструирования политической реальности. В условиях современной глобализации, которая ставит под вопрос будущее национального государства, такая привязка оборачивается «исчезновением» предмета исследования. К. Вердери осознает это обстоятельство, но сознательно идет на деконструкцию объекта исследования, предлагая рассматривать нацию «как символ». Данная трактовка, однако, как можно было бы подумать, вовсе не означает перехода на позиции этносимволизма в духе Энтони Смита. Этносимволизм, как мы видели, серьезно относится к историческим истокам наций

⁶¹ Смит Э. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 257.

⁶² Там же. — С. 261.

и меньшее значение придает чисто формальным сюжетам, вроде «классификации национальных государств в международной системе», существенных для К. Вердери. Символичность нации, согласно К. Вердери, сводится к политическому применению символа нации при помощи дискурса и политической деятельности. Действительно, в контексте политического дискурса понятие нации работает весьма эффективно, поскольку, с одной стороны, гомогенизирует население, способствует однородности, а с другой — в силу присущей символу неопределенности способна аккумулировать самые разнообразные, даже противоположные устремления и эмоции членов сообщества.

В других формулировках и по другому поводу ту же мысль о «пустоте» понятия нации повторил и В. А. Тишков, заявивший со ссылкой на североамериканского специалиста Т. Эриксона, что понятие «нации» является продуктом идеологии национализма, что оно есть «элитная конструкция». «По моему убеждению, — писал Тишков, — нация — это политический лозунг и средство мобилизации, а вовсе не научная категория. Состоя почти из одних исключений, оговорок и противоречий, это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки»⁶³. «Нация», считает уважаемый автор, это понятие, которое входит в корпус знаний, который следует характеризовать как «политическая концептуализация». «Политическая концептуализация — это своего рода система элитных предписаний, которая вырабатывается учеными, политиками и просвещенной публицистикой, чтобы через эти предписания в виде доктрин, концепций и программ осуществлять гражданскую миссию, утверждать свой статус, отправлять власть и управлять обществом»⁶⁴. Думаю, откровенно инструменталистский характер этого утверждения комментария не требует⁶⁵.

⁶³ *Тишков Валерий*. О нации и национализме. Poleмические заметки // Свободная мысль, 1996, № 3, с. 34.

⁶⁴ *Тишков В.* Концептуальная эволюция национальной политики в России. — «Национальная политика России: история и современность». — М., 1997. — С. 597.

⁶⁵ Подробную критику инструментальной парадигмы в этнологии см.: *Козлов В.* Национализм и этнический нигилизм // Свободная мысль, 1996, № 5; *Кучуков М. М.* Нация и социальная жизнь. Нальчик, 1996; *Руткевич М. Н.* Теория нации: Философские вопросы // Вопросы философии, 1999, № 5.

Понятие «нация» предложено исключить из категориального аппарата науки, записав его по ведомству «политической концептуализации». Отсюда провоцирующее предложение В. А. Тишкова «забыть о нации»⁶⁶.

В. А. Тишков начисто отрицает какие бы то ни было объективные характеристики нации. Нельзя не согласиться с В. А. Тишковым в том, что многие определения нации сопровождаются исключениями, что в рассуждениях о нации, скажем, Н. А. Бердяева или Ф. М. Достоевского, много путаницы и упрощенчества, что в современных условиях идеи нации и национализма используются как инструмент политико-идеологического воленавязывания. Но это не повод выбрасывать релевантное реальности понятие из научного оборота. Более того, В. А. Тишков ставит вопрос — и это интересный поворот мысли, требующий обсуждения — об исторической обратимости, о неокончателности наций и национализма. В условиях глобализации такая постановка вопроса перспективна. Но у В. А. Тишкова она питается методологическими основаниями, типичными для инструменталистов-конструктивистов: постмодернистской деконструкцией. В. А. Тишков ведет речь о деконструкции этничности и национализма⁶⁷.

По оценке С. В. Лурье, доминирование в этнологии в 1980-е гг. постмодернистских идей «вело этнологию в тупик, к крайнему релятивизму, а этнологов превращало в художников-беллетристов, пытавшихся сквозь призму своего личного опыта передать основы чужой культуры. Переход к такому чрезмерному субъективизму и к преувеличению эзотеричности и уникальности культурных феноменов вел к разложению этнологии как науки»⁶⁸. Противоядие С. В. Лурье усматривает в необходимости изучать психологические и социокультурные проблемы в комплексе, осуществлять при изучении этноса анализ концепций, принадлежащих к разным областям знания — культурологии, политологии, социологии, конфликтологии и др.⁶⁹

⁶⁶ Тишков В. А. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии, 1998, № 9, с. 3–26.

⁶⁷ Там же, с. 9.

⁶⁸ Лурье С. В. Историческая этнология. — М., 1998. — С. 100, 101.

⁶⁹ Там же. — С. 107, 108.

Весьма показательна позиция, которую в отношении понятия «нация» занимает Ю. Хабермас. Здесь мы видим не только исследовательский, но вместе с тем и ценностный, идейно-политический подход. По существу, Хабермас стоит на инструменталистски-конструктивистских позициях. Он противопоставляет «этнологическое» понятие нации «правовому», причем «этнологическое» понятие престаает здесь в невыгодном свете. Хабермас утверждает, что этнологическое понятие нации стирает связи национального сознания «с позитивно-правовым порядком демократического правового государства»⁷⁰. То есть, Хабермас, опасаясь этнонационализма, предлагает постоянно акцентировать «конструируемую» природу нации, «воображаемую естественность происхождения национального», не допуская у его членов чувства естественности своей национальной принадлежности. В случае следования этим рекомендациям процесс нациеобразования не продвигается от политической стадии к социокультурному закреплению национального единства. И здесь возникает встречный вопрос — не является ли желанная «нация граждан», то есть чисто политическое образование, о котором пишет Хабермас, сама всего лишь абстрактной конструкцией, выделенной в чистом виде теоретическими средствами, но при этом рассмотренной как реальность, более того — в качестве должной реальности. Он стремится «показать правильность» правовой трактовки нации в сравнении с этнической⁷¹.

Подводя промежуточные итоги этого раздела, следует подчеркнуть, что в идейно-теоретическом плане выделенные нами основные направления (подходы) исследований проблемы сущности и формирования наций, будучи в значительной мере программами исследования, в ряде работ совмещаются или пересекаются, увеличивая онтологическое разнообразие и методологический плюрализм совокупного научно-академического дискурса. Но в контексте предпринятого здесь философско-методологического анализа было важно зафиксировать, во-первых, не тождественность парадигмальных оснований заявленных подходов, а во-вторых, что не менее

⁷⁰ Хабермас Ю. Вовлечение другого. — СПб., 2001. — С. 231.

⁷¹ Там же. — С. 246.

важно, — отсутствие желания у большинства отечественных и зарубежных исследователей хоть как-то сблизить теоретические позиции. Немногочисленные попытки выйти за пределы четырех указанных теоретических направлений нельзя признать удачными. Так, «релятивистская теория нации» А. Г. Здравомыслова⁷² представляет авторский вариант субъективно-символического подхода, а «интегралистская теория» наций М. О. Мнацаканяна являет собой пример теоретической эклектики. Но дело не только в этом. Внимательное изучение существующего дискурса о нациях приводит к парадоксальному выводу: как и дискурс о глобализации он как бы замыкается в круг, при котором крайние позиции смыкаются, но сами адепты заявленных подходов этого не замечают. Отечественный дискурс очень хорошо иллюстрирует этот вывод.

Ярый сторонник идеи политического конструирования нации в государстве А. Кольев в книге «Нация и государство. Опыт консервативной реконструкции» (М., 2005), основываясь на субъективно-символическом понимании «политического»⁷³, заявляет о тождественности «нации» и «имперского государства». Мы оставляем в стороне социал-дарвинистские перепевы автора на тему о том, что нации изначально конфронтационны по своей природе и образуют естественную иерархию,

⁷² А. Г. Здравомыслов считает, что в созданной им релятивистской теории наций он преодолел слабые стороны концепции В. Тишкова. «Центральной категорией релятивистской концепции наций, — пишет автор, — являются понятия национального самосознания. Речь идет именно о национальном *самосознании*, т. е. о сознании народом самого себя как некоторой общности, отличающейся от других. Речь идет о том, что *русские только потому являются русскими, что существуют немцы, французы, американцы и другие национально-этнические группы, с которыми они постоянно себя соотносят...*» (Здравомыслов А. Г. К обоснованию релятивистской теории нации // Релятивистская теория нации: Новый подход к исследованию этнополитической динамики России // отв. ред. А. Г. Здравомыслов. — М., 1998. — С. 12.) На философском языке это означает, что русские в качестве народа (нации) реально существуют только в акте их собственного коллективного «самосознания». Но чем тогда эта точка зрения принципиально отличается от позиции сторонников субъективно-символического подхода: от взглядов того же Ренана, утверждавшего, что нация «есть ежедневный плебисцит»?

⁷³ В основе которого лежит отсылка к психологической процедуре идентификации «свой-чужой».

и остановимся лишь на понимании самого понятия нации. И здесь наглядным оказывается неявное для автора противоречие между примордиалистскими декларациями и чисто конструктивистским подходом. Идеологемы конструктивизма «на деле» проглядывают тут сразу же в отношении принципиальнейшего для Кольева (как и любого другого претендента в идейные вожди и спасители) вопроса: о его собственном месте в «авангардном проекте будущей России, русском прорыве»⁷⁴. Оказывается, «русский прорыв может быть только инициативой стратегической элиты, способной сформировать истинную аристократию — ведущий слой общества, и не убедить в бесплодных и бесконечных дебатах массу обывателей, а увлечь (если надо и принудить) ее к спасению и сохранению России»⁷⁵. Таким образом, вопрос о нации подменяется вопросом о претендентах на роль элиты нации, а сама «имперская нация» трактуется как ведомое стадо. Все это результат, в том числе, и чрезвычайно легковесного обращения с термином нация. Автор без тени сомнения утверждает, будто понятие нация «еще только приобретает в публицистике и науке позитивную смысловую нагрузку»⁷⁶, как будто не было многочисленных исследований национального вопроса, и как будто научное понятие лишь идеологический маркер (позитивный или негативный). Легковесность усиливается, когда Кольев приравнивает логику и миф⁷⁷, и утверждает, что миф «проистекает из политического класса, который и определяет уровень политического сознания масс. Миф масс — ничто без магии вождей»⁷⁸. Подобные сентенции суть не что иное, как донельзя примитивизированные положения о «публичной культуре» и роли элит в национальном строительстве Геллнера и Андерсона, которых Кольев, разумеется, клянет как разрушителей национального. Сам же при этом утверждает, что «сила политической группы состоит в том, чтобы сформировать для себя подлинный миф»⁷⁹. В этом, видимо, отличие научного анализа

⁷⁴ Кольев А. Н. *Нация и государство*. — М., 2005. — С. 6.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. — С. 7.

⁷⁷ Там же. — С. 15.

⁷⁸ Там же. — С. 16.

⁷⁹ Там же. — С. 53.

от псевдонауки: Геллнер и Андерсон хоть и оговаривают мобилизующую роль мифов и деятельность элит в нациестроительстве, но им и в голову не пришло бы постулировать «подлинный» миф в отличие от «ложного». Кольев вообще не утруждает себя строгостью терминологии. Он осуждает «потрясателей» во главе с В. А. Тишковым, за то, что те считают этнос «лишь мифом»⁸⁰, то есть меняет смысл термина по ходу книги так, как ему удобно. Нет, этнос не миф (то есть социокультурное образование), он — биологическая реальность, утверждает Кольев. А потом, вдруг, заявляет, что «этнос — это группа людей, соединенная чувством биологического родства, закрепленным в традиции, мифе»⁸¹. Как можно работать, например, с таким определением нации — «это сообщество, объединенное надэтнической культурой, творческим поиском идеи (смысла, духовной санкции) совместного существования в форме суверенной государственности»⁸². Оно не только бессмысленно само по себе, но при этом еще и противоречит тому, что сам же автор говорит об этнической генетической изначальности наций.

Впрочем, в своем непоследовательном примордиализме, прямо смыкающимся с расизмом, он не одинок. В работах А. Н. Севастьянова можно встретить много высказываний, корреспондирующих с заявлениями Кольева. Так, апеллируя к идее расово-этнической основы современных наций, берущей начало в «немецкой расово-антропологической концепции как этносоциальной общности», А. Н. Севастьянов пишет: «Для нас, понимающих вторичный, производный характер культурного (вообще социального) компонента от биологического, ясно, что ничего третьего в теории нации предложить невозможно. Либо немецкий биологический (расово-антропологический) подход — и тогда нация есть высшая фаза развития этноса. Либо подход “французский”, этатистский, и тогда нация есть согражданство, безотносительно к этничности, — просто население страны, замкнутое государственной границей, не больше, не меньше»⁸³.

⁸⁰ Кольев А. Н. *Нация и государство*. — М., 2005. — С. 387, 388.

⁸¹ Там же. — С. 389.

⁸² Там же. — С. 463.

⁸³ Севастьянов А. Н. *Этнос и нация*. — М., 2008. — С. 110–111. См. также: Авдеев В. Б., Севастьянов А. Н. *Раса и этнос*. — М., 2007.

Примордиализм при сознательной политизации понятия нации⁸⁴ оборачивается грубой политехнологией. Такой идеолог вынужден постоянно балансировать между сюжетом мифа нации и сюжетом нации как биологического организма. Надо отдать должное специалистам в этом деле: они с легкостью балансируют, выдергивая то духовно-мифическое, то кровно-биологическое понимание нации. Только вот нация, во имя которой «распинаются» подобные идеологи, при этом оказывается у них «природно-биологическим материалом», которым «бюрократия» должна управлять, «применяя евгенические законы»⁸⁵. Но ведь и в Третьем Рейхе немецкий народ был таким же объектом экспериментов, как и другие народы. Уместно спросить: если имперская нация и так биологически лучшая, зачем же ей самозванные вожди с их евгеническими экспериментами? Если такие вопросы с требованием все же дать верифицируемое понимание сущности нации возникают, идеологи, подобные Кольеву, прячутся за другую свою идейную опору — мифологическую. Вопрос о рождении и истории нации и государства по Кольеву есть «судьба и тайна, не поддающаяся научной рациональности». Он пишет: «Тайна рождения и индетерминированность исторической динамики становятся главными отличительными элементами идентичности, если дело касается нации и государства»⁸⁶. Это очень удобно: жонглировать то биологическим, то мифическим ходом рассуждения, если не можешь дать внятного определения понятия нации.

Кольев предлагает «ремифологизировать нацию», что, согласно ему, означает выбор априорных политических ценностей, например: «Россия, русский народ, православная вера»⁸⁷. Но и то, и другое, и третье — отнюдь не априорно, а более чем реально и не нуждается ни в какой мифологизации. Но для представителей теоретического гибрида «примордиалистов-конструктивистов» это — не аргумент. «Наша цель, — провозглашает А. Кольев, — интеграция идеи российской

⁸⁴ Кольев А. Н. *Нация и государство*. — М., 2005. — С. 31.

⁸⁵ Там же. — С. 35.

⁸⁶ Там же. — С. 49.

⁸⁷ Там же. — С. 50.

государственности и русской нации. За мысленной разборкой должна осуществиться реальная сборка «проекта “Россия” с указанием того, какие элементы погибли, какие требуют реанимации, какие пригодны для возобновления исторического пути»⁸⁸. Кольев критикует Геллнера и Андерсона за отказ считать, что нации изначально существовали⁸⁹, но при этом собирается конструировать русскую нацию из «биологического материала» с помощью евгеники и «расового подбора». Ведь «расовый подбор — последовательная политика формирования национальной аристократии, концентрирующей в себе национальный идеал»⁹⁰. Основная часть русского народа для него — биологический материал, но он надеется «подобрать» из него аристократию, сам, однако, не пройдя «расового подбора», и следовательно, не имея права различать, кто относится к массе, а кто к аристократии.

Видимо, это общий парадокс националистического подхода к нации. Его адепты сразу же записывают себя в «национальную элиту», а затем по себе начинают мерить остальных. Известно, что в Третьем Рейхе, с его столь любезной Кольеву нормативной базой расовых законов, лишь фюрер в конечном счете определял, кто чистый ариец, кто нет. Ведь не все же «арийцы» будут разделять нацистские идеи. Вот и Кольев глубокомысленно размышляет по поводу того, что «типично русский фенотип может сочетаться с совершенно нерусским культурным стереотипом, и, напротив, фенотипически нерусское лицо может принадлежать человеку с истинно русской душой»⁹¹. Тут уж не обойтись без «жрецов этноса», которые точно определяют, кто есть кто. Примером для Кольева является нацистская «Германия, потрясая в XX в. Европу и весь мир, которая стояла на принципе, что немцем является тот, кто принадлежит к немецкому народу по происхождению, по “закону крови”»⁹². В общем, если «кровные» признаки определения принадлежности к нации подведут, всегда можно обратиться к духовно-мистическим.

⁸⁸ Кольев А. Н. *Нация и государство*. — М., 2005. — С. 52.

⁸⁹ Там же. — С. 368.

⁹⁰ Там же. — С. 381.

⁹¹ Там же. — С. 388.

⁹² Там же. — С. 415.

Весьма сходны с утверждениями А. Кольева о «реализации русской исторической миссии», о «информационных резервациях для национальных меньшинств», о «воссоздании традиции»⁹³ сентенции «консервативной революции» А. Дугина. Сходны даже не столько терминологически, сколько методологически. Методология та же: конструирование нации на деле под прикрытием слов о ее извечности. Примордиализм Дугина⁹⁴ нисколько не мешает конструктивистским выводам. Поскольку обосновать изначальность наций затруднительно, Дугин также с легкостью обращается к мифу, рассматривая нацию как органическое существо с присущим ему судьбой. Ведь, как пишет Дугин в «Метафизике национал-большевизма» «к каждому народу земли приставлен определенный ангел, небесное существо. Этот ангел есть смысл истории данного народа, стоящий вне времени и пространства, но постоянно присутствующий во всех исторических перипетиях народа. На этом основывается мистика нации». Причем особенно важно, что «при крушении монархических династий» этот ангел может воплощаться «в ордене, классе или даже партии», каковой для России, как не трудно догадаться, является Движение «Евразия». И действительно, как пишет Дугин в «Гиперборейской теории»⁹⁵, он и его соратники «призваны воссоздать изначальную картину “сакрального мировоззрения”». Лишь Дугин и его соратники способны аккумулировать «национальный разум, отчуждающийся в индивидуальном множестве и вновь собирающийся (в осознанном, “отснятом” виде) в элите нации в определенные эсхатологические периоды истории». С помощью такого нехитрого приема автор предоставляет себе неоспоримые права на конструирование нации с заранее заданной идентичностью, провозглашая при этом, что речь идет о восстановлении традиции, о реконструкции некоего изначального состояния нации. Нечего и говорить, что этим способом легко обосновывается и искомая «естественная иерархия наций» — она соответствует по Дугину небесной иерархии

⁹³ Кольев А. Н. *Нация и государство*. — М., 2005. — С. 58.

⁹⁴ В «Проекте Евразия» он, например, постулирует «нацию-государство» еще в Киевской Руси до св. Владимира и рассуждает об изначальности и природности этносов.

⁹⁵ Дугин А. Г. *Гиперборейская теория*. — М., 1993.

ангелов этих наций. Также как и Кольев, Дугин высмеивает рациональный дискурс нации и утверждает жизненность иррационального видения нации. Дугин даже идет дальше, говоря не только о надрациональном, но и надчеловеческом в понимании нации: о «достоверности опыта особого инициатического типа». И Дугин с легкой душой конструирует проект русской евразийской империи, о чем мы уже писали в первой главе нашей работы.

А. Кольев предлагает отстраивать Россию как нацию — государство на основе возврата к «православной сакральной империи»⁹⁶ — идеи, которую еще накануне I мировой войны активно отстаивали В. В. Розанов, М. О. Меньшиков и многие другие русские мыслители конца XIX начала XX века⁹⁷. Как писал М. О. Меньшиков, «империя — как живое тело — не мир, а постоянная и неукротимая борьба за жизнь, причем победа достается сильным»⁹⁸. Спустя столетие их старые идеи и аргументацию уже в современной России воспроизводят новые авторы.

Круг, как говорится, замкнулся. И многолетние научные дискуссии уже в наши дни завершились очередным всплеском русского национализма и имперской идеологии, о которых будет сказано ниже. Но что делать ученым — исследователям? Неужели отдать этнонациональную проблематику на откуп политикам и обслуживающих их идеологам, трактующих плюрализм современного научного дискурса как свидетельство беспомощности научного знания? Думаем, делать этого не следует.

Причины многообразия трактовок термина нация — в исторической сложности самого феномена, предметной организации научного социального знания и, разумеется, идеологической «нагруженности» национального дискурса. В итоге «нация» предстает одновременно в различных не совместимых друг с другом измерениях: как некое идеальное образование, предстоящее пред мыслимым взором националистов,

⁹⁶ Кольев А. Н. *Нация и государство*. — М., 2005. — С. 272.

⁹⁷ Подробнее см.: *Империя и нация в русской мысли начала XX века*. — М., 2004. — С. 67, 91, 101, 128, 323.

⁹⁸ Там же. — С. 67.

и как совокупность граждан, и как реально существующая культурная система со своим исторически сложившимся своеобразием, и т. д. Не случайно к определению нации подходят то через выделение каких-то объективных признаков, то через самосознание ее членов, то через отождествление с государством, то как к продукту идеологии национализма. Дать классификацию путей возникновения наций и национализма, оказывается куда проще, чем применить эту классификацию к реальному многообразию истории. В итоге ключевые проблемы этнонационального дискурса — историческая преемственность этносов и наций, с одной стороны, и историческая взаимосвязь наций и национализма, с другой, — не получают однозначных решений. Известно, что в большинстве случаев нации возникали «проективно», начиная с «эталонной» французской нации, ставшей продуктом Великой французской революции, и заканчивая, скажем, современной китайской нацией. Но сама идеология всякого националистического проекта апеллировала к древности нации и в качестве аргумента указывала на ее этнические основы. В результате дискурс о нациях изначально формировался как самопротиворечивый. В том числе благодаря отсутствию общепринятого содержания и неопределенности понятия «национальное государство».

2.2. Методологический анализ концепций национального государства

Государствоведы выделяют пять основных взглядов на природу государства: теологический, классический, юридический, социологический и технико-кибернетический⁹⁹.

Первый из указанных подходов рассматривает государство как проявление божественной воли. С точки зрения классического подхода, государство представляет собой соединение трех основных элементов: власти, территории и населения. Такой взгляд характерен, например, для немецкой традиции, в рамках которой государство понимается как «юридический термин, который относится одновременно к *Staatsgewalt*, исполнительной ветви, гарантирующей внутренний и внешний

⁹⁹ Чиркин В. Е. Современное государство. — М., 2001. — С. 28.

суверенитет, к Staatsgebiet, четко ограниченной территории, и к Staatsvolk, совокупности граждан»¹⁰⁰. Истоками юридического подхода является идея И. Канта о том, что государство представляет собой «множество людей, объединенных законами». В центре рассмотрения представителей данного подхода находится правовые отношения и юридический порядок¹⁰¹.

В социальных науках большинство определений государства в той или иной мере исходят из дефиниции, данной М. Вебером. Он считал, что каждому государству современного типа присущи такие исходные характеристики, как:

– административный и правовой порядок, «изменяемый посредством законодательства»;

– принудительная власть данного порядка как над гражданами, так и «над всеми действиями, происходящими на подведомственной ему территории»;

– монополия на легитимное насилие¹⁰².

Наконец, с точки зрения подхода, обозначенного В. Чиркиным как технико-кибернетический и называемого в политологии «системным анализом», государство представляет собой абстрактную систему, действующую на основе функций «входа» и «выхода».

Существуют и иные трактовки государства, из которых наиболее интересной является политико-философская интерпретация Энтони де Ясаи. В отличие от большинства исследователей Э. де Ясаи рассматривает государство не как пассивный инструмент, служащий интересам общества в целом, класса или социальной группы и т. д., а как активно действующий субъект, преследующий собственные интересы¹⁰³. Такая трактовка аналогична подходу экономистов к изучению производственной фирмы. Однако, в отличие от последнего, государство, по мнению де Ясаи, стремится максимизировать не прибыль, а объем властных полномочий и использовать

¹⁰⁰ Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм*. — М., 2002. — С. 346.

¹⁰¹ Чиркин В. Е. Современное государство. — М., 2001. — С. 31.

¹⁰² Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократия // *Политические исследования*, 1997, № 5, с. 10–11.

¹⁰³ Ясаи Энтони де. Государство. — М.: ИРИСЭН, 2008. — С. 16.

последние для достижения собственных конечных целей, каковы бы они ни были. Главным инструментом государства при этом является завоевание поддержки тех или иных групп подданных путем перераспределения в их пользу богатства, отбираемого у других.

В исследованиях, посвященных «нации» и «национализму», как правило, не существует четкого указания на характеристики государства современного типа. Тем не менее, если суммировать весь массив представлений о государстве, который содержится в работах по данной проблематике, то получится определение, очень близкое к тому, которое дал Э. Гидденс. С его точки зрения, государство представляет собой, *во-первых*, набор институционализированных форм монопольного контроля над территорией с демаркированными границами, *во-вторых*, свод санкционированных законом правил, а *в-третьих*, непосредственный контроль над средствами внутреннего и внешнего насилия. Такой же точки зрения придерживается М. В. Ноженко¹⁰⁴. Если к перечню указанных характеристик добавить «народный суверенитет», «приоритет права» и «демократическую форму правления», то это будет то понимание современного государства, которого в дальнейшем я буду придерживаться.

Обращаясь непосредственно к концепциям сущности и формирования национальных государств, отметим, *во-первых*, что все они строятся на основе уже проанализированных нами интерпретаций «нации», а потому основой их наиболее общего различия является уже отмеченная проблема первичности: «Что первично, нация или национальное государство?» В зависимости от ответа на этот вопрос все концепции, так или иначе объясняющие происхождение и эволюцию национальных государств, можно разделить на *перенниалистские* и *модернистские*. При этом для самой «мягкой» формы перенниализма характерно представление о нации как сообществе, которое, как правило, стремится к обретению собственной государственности. Поэтому нации, имеющие собственные государства, представляют собой «не вполне гармоничный сплав

¹⁰⁴ Ноженко М. В. Национальные государства в Европе. — М., 2007. — С. 12.

более поздней “гражданской” и более древней “генеалогической” моделей социальной и культурной организации»¹⁰⁵. Для модернистов, интерпретирующих историю последних четырех столетий человечества в парадигме неизбежного перехода от «традиционного общества» к «современному» (западному) обществу, напротив, становление нации не мыслится без трансформации государства. Другими словами, не нации получают в свое пользование государства, а государства обретают нации. Или же государства и нации вместе проходят путь своего становления.

Таким образом, в центре рассмотрения перенниалистов всегда оказывается сама нация. История обретения ею государственности оказывается сюжетом «второго плана», поскольку представляет собой лишь один из этапов ее развития. С точки зрения модернистов нации и государства настолько тесно переплетены друг с другом, что когда идею нации «словно моллюска, извлекают из, на первый взгляд, твердой раковины “нации-государства”», она «предстает... в чрезвычайно смутном и неуловимом облике»¹⁰⁶. В свою очередь для социально-экономической версии социетального подхода принципиальным оказывается действие объективных экономических факторов, под определяющим влиянием которых происходит и «рост наций», и «рост государства». В дальнейшем в центре нашего внимания будут находиться социетальная и модернистские концепции формирования национальных государств, поскольку именно они наиболее содержательно объясняют причины и этапы становления нового типа государственности на европейском континенте. В частности предметом дальнейшего исследования будут ключевые идеи, получившее блестящее воплощение в работах Б. Андерсона, Дж. Бройи, Э. Геллнера, К. Дойча, М. Манна, Ч. Тили, М. Шадсона, Э. Хобсбаума, М. Хроха и некоторых других авторов. Если работы К. Дойча можно отнести к великолепным образчикам социетальной версии образования наций и национальных государств, то труды

¹⁰⁵ Смит Э. Д. Образование наций // Этнос и политика. Хрестоматия. — М., 2000. — С. 93.

¹⁰⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. — СПб., 1998. — С. 301.

остальных авторов являются собой образцы «социокультурного» (Б. Андерсон, Э. Геллнер), «политического» (Ч. Тилли, М. Манн, Дж. Бройи) и «социально-конструктивистского» (Э. Хобсбаум, М. Хрох) *модернизма* — теоретического направления, основывающегося на различии «современного» (западного) и «традиционного» обществ и вытекающей из этого различия динамики всемирной истории в координатах «вызов Запада» — «ответ остального мира»¹⁰⁷.

Рассмотрим подробнее аргументы каждого из авторов и, сравнив их между собой, постараемся ответить на вопрос каким образом и какими путями осуществлялось формирование национальных государств в Западной, Центральной и Восточной Европе в XVIII — начале XX столетия.

Социально-культурный модернизм. Это направление исследований исходит из того, что становление национальных государств в Европе неразрывно связано с вызванной капитализмом социокультурной трансформацией общества. Наиболее яркими его представителями являются Бенедикт Андерсон и Эрнест Геллнер.

С точки зрения методологии исследования характерной чертой взглядов Э. Геллнера является требование *совместного исследования* формирования наций, национальных государств и национализма, общей предпосылкой появления которых в Европе, по его мнению, стал переход к обществу нового типа — «индустриальному обществу». Но в этой связи надо иметь в виду, что воззрения исследователя на нации, национализм и национальные государства формировались на протяжении нескольких десятилетий. Так, первый вариант концепции национализма был представлен Э. Геллнером в работе

¹⁰⁷ См.: Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М., 2008. — С. 74. Имея в виду, что многочисленные теории модернизации в более общем плане могут быть интерпретированы как вариации социетального подхода, концепцию К. Дойча можно было бы включить в корпус работ социально-экономического модернизма. Но поскольку ее содержание далеко не исчерпывается «социально-экономической» составляющей, ее логичнее характеризовать как социетальную концепцию. Позиция сторонников инструментально-конструктивистского подхода (Брубейкера, Вердери и др.) нами будет рассмотрена здесь в самом общем виде.

1964 года «Мысль и изменения», в которой он «связывал возникновение национализма с новой ролью языковой культуры в современном мире»¹⁰⁸. На этом этапе политике и государству уделялось не так много внимания, как в дальнейшем: здесь политическое измерение сводилось, в первую очередь, к констатации роли интеллектуалов в формировании националистических движений. Вторая версия концепции содержится в книге «Нации и национализм», вышедшей в свет в 1983 году¹⁰⁹. В этой монографии главным оказалось выявление роли систем всеобщего государственного образования в поддержании «высоких» культур в современных индустриальных обществах. Наконец, в работах автора 1990-х годов «Пришествие национализма» и «Условия свободы»¹¹⁰ была представлена идея «часовых поясов Европы», пришедшая на смену сформированной в книге «Нация и национализм» достаточно сложной типологии национализма, базирующейся на факторах власти, доступности образования, однородности/неоднородности культур.

Основополагающим постулатом взглядов исследователя является утверждение, что национальное государство и национализм взаимно обуславливают друг друга, а сам национализм представляет собой принцип, согласно которому политические и культурные границы нации должны совпадать¹¹¹. В связи с этим, по его мнению, национализм и нация неразрывно связаны с двумя концептами — понятиями «государство» и «культура». Данная идея была сформулирована исследователем в меткой метафоре: национальное государство является результатом брачного союза государства и культуры. При этом

¹⁰⁸ Смит Э. Д. (2004) Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 62.

¹⁰⁹ В России эта книга была издана восемь лет спустя. См.: Геллнер Э. Нации и национализм. — М., 1991.

¹¹⁰ Геллнер Э. Условия свободы. — М., 1995; Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 165–182.

¹¹¹ Под нацией исследователь понимал «обширную совокупность анонимных индивидов, которые приобщены либо к определяющей данную нацию высокой культуре, либо к культуре низкой, но находящейся в зависимости от этой высокой культуры, попадающей в ее потенциальный ареал и дающей своим носителям шанс войти когда-нибудь в число носителей высокой культуры». (Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 166.)

речь шла не о любых типах культуры, а только о культурах «высоких», то есть «передаваемых не путем неформального общения с непосредственным окружением, а при помощи формального обучения»¹¹². Тем не менее, не каждое государство и не каждая высокая культура могут образовать «брачный союз». Здесь существует ряд существенных ограничений, главным из которых является *тип обществ*.

В своей главной работе «Нации и национализм» и в более поздних исследованиях Э. Геллнер рассматривал два основных типа обществ — аграрное (или агро-письменное) и индустриальное (или развитое индустриальное)¹¹³. При этом он утверждал, что в аграрном обществе все «противится приведению политических границ в соответствие с культурными», так как здесь «из двух потенциальных партнеров — культуры и власти — *ни один* не имеет тяготения к другому»¹¹⁴. Хотя в аграрную эпоху и возникает множество культур (в том числе и высоких), но отсутствует то, что Э. Геллнер назвал «культурным империализмом» — стремление одной из культур «занять главенствующее положение и заполнить собой всю политическую единицу»¹¹⁵. И только в эпоху индустриализации оказывается возможным союз государства и высокой культуры. В связи с этим центральным вопросом концепции стало выяснение причин появления этого союза.

Хотя в аграрных обществах, отмечает Геллнер, наличествуют и высокая, и низкая культура (носителями которых являются высшие и низшие сословия), здесь нет единой культуры, носителями которой являлись бы все жители государства. Напротив, разные слои общества здесь являются носителями различных образцов культуры. Дифференциация между такими культурами была как вертикальной (то есть иерархической), так и горизонтальной.

Первый тип дифференциации, с точки зрения Геллнера, был вызван тем, что в аграрных обществах «культурные

¹¹² Геллнер Э. Нации и национализм. — М., 1991. — С. 9.

¹¹³ В книге «Нации и национализм» также упоминается и доаграрное общество, однако ему исследователь практически не уделял внимания, поскольку на этой стадии в принципе не существует одного из партнеров будущей пары — современного государства.

¹¹⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. — М., 1991. — С. 42–43.

¹¹⁵ Там же. — С. 45.

различия определяют общественные позиции, регулируют доступ к ним и не позволяют индивидам их покидать»¹¹⁶. Иными словами, здесь отсутствовала вертикальная мобильность, провоцирующая и закрепляющая изоляцию различных социальных страт друг от друга. Горизонтальная дифференциация была связана с тенденцией сельскохозяйственных сообществ «культивировать особенности, отличающие их от соседних в географическом смысле сообществ, имеющих такой же статус». В свою очередь, данное культивирование наряду с «замкнутым образом жизни» способствовало «развитию культурных и лингвистических отклонений», что приводило к возникновению разнообразия «даже там, где вначале оно отсутствовало»¹¹⁷.

Так как агро-письменные общества из-за отсутствия вертикальной мобильности являлись обществами сословными, то под понятие «нация» в них попадала достаточно узкая прослойка населения. По мнению Э. Геллнера, здесь термин «нация» «обозначает скорее размытое составное целое, включающее главным образом представителей так называемого свободного дворянства, живущего на определенной территории и готового участвовать в политической жизни»¹¹⁸. Ю. Хабермас обозначил данное явление как *Adelsnation* — «нация знати», описав следующий механизм ее возникновения: «правящие сословия, которые встречались друг с другом в “парламентах” или в других “представительных собраниях”, представляли страну или “нацию” *перед лицом двора*»¹¹⁹ (курсив Хабермаса).

Преобразование агро-письменного общества в развитое индустриальное общество повлекло за собой и преобразование *Adelsnation* (нации знати) в *Volksnation* — нацию народа. Новый тип разделения труда существенным образом изменил общество, которое теперь не могло иметь «стабильной ролевой структуры»¹²⁰. В индустриальном обществе возникает

¹¹⁶ Геллнер Э. Нации и национализм. — М., 1991. — С. 151.

¹¹⁷ Там же. — С. 153.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 366.

¹²⁰ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 157.

потребность в большом количестве новых профессий и особых навыков, появляются эгалитаризм и мобильность. Однако возникновение этих новых явлений привело не к формированию новых закрытых каст специалистов, а, напротив, к «отсутствию глубинных дистанций между представителями различных профессий»¹²¹. Развитие экономики и технический прогресс требовали большого количества людей, способных к быстрому овладению новыми навыками, а также к смене профессий. В связи с этим меняется и *образование*, которое становится универсальным. Если в аграрном обществе «было невозможно и нежелательно иметь универсальное образование, то в современном индустриальном обществе это необходимо»¹²². Теперь на первое место выходит базовое, типовое обучение, которое предшествует получению узкоспециализированных знаний и навыков. В связи с этим *возникает насущная потребность в единой образовательной системе*, внедрение и поддержание которой способны осуществить только централизованные органы управления, то есть государство.

В таком обществе, с сильно развитой вертикальной и горизонтальной мобильностью и потребностью в типовом обучении, необходимой стала *культурная, в том числе и лингвистическая, стандартизация*. Становлению Volksnation также способствовало и формирование новой страты — пролетариата, состоявшего из «оторванных от своих корней крестьян». Бывшие крестьяне, становясь пролетариатом, стремились каким-либо образом восстановить привычные для них, но разрушенные общинные связи. Именно язык и культура смогли в городских условиях заменить им деревню и прежние родовые структуры, став новыми «скрепами общества»¹²³. В связи с этим индустриальные общества «определенно способствуют распространению однородной культуры», причем данная культура должна быть «высокой», то есть «подчиненной сложной системе норм и стандартов». Другими словами, необходимой становится «гомогенизация» общества, осуществить которую способен только государственный аппарат. Все это приводит к постепенному сведению государственных

¹²¹ Геллнер Э. Нации и национализм. — М., 1991. — С. 72.

¹²² Там же. — С. 7.

¹²³ Смит Э. Д. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 62.

границ к границам *культурным*, что Э. Геллнер выразил в формуле: «одна культура — одно государство; одно государство — одна культура»¹²⁴. Такое государство, с его точки зрения, и является национальным.

Важно иметь в виду, что Э. Геллнер не считал возможным обретение каждой высокой культурой «своего» государства. Для того чтобы национальное государство было образовано, необходим «национализм». «Национализм — это... всегда игра на выбывание, так как большинство участвующих в ней культур неизбежно проигрывают. Культур слишком много, и если бы каждая из них образовывала свое государство, то такое количество жизнеспособных государств просто не уместилось бы на Земле»¹²⁵. Толчком для появления национализма является индустриализация, а его главной причиной — целенаправленная госполитика по культурной гомогенизации полиэтнического населения. Кроме того значительную роль в процессе становления национальных государств играла интеллигенция, так как именно она была способна «превратить этнические конфликты в националистические движения, выступавшие за отделение от существующей политической единицы». Таким образом, с точки зрения Э. Геллнера, не нации создают национализм, напротив, национализм порождает нации и национальные государства¹²⁶.

Исследователь выделяет три стадии развития национализма и, соответственно, три формы образования национальных государств в Европе. По его мнению, в период с 1815 по 1918-е годы в Европе начался постепенный переход к национальным государствам, обозначенный Э. Геллнером как стадия «*политического ирредентизма*». В это время, с одной стороны, сохранялись прежние государственные структуры, а с другой стороны, появилась «националистическая идея, выдвигаемая как политический принцип». Суть данной идеи сводилась к разрушению существующих государств и границ¹²⁷.

На следующей стадии, названной «*триумф и поражение национал-ирредентизма*», «происходит распад многонациональных империй». На их месте «возникает ряд более мелких

¹²⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. — М., 1991. — С. 160.

¹²⁵ Там же. — С. 180.

¹²⁶ Там же. — С. 127.

¹²⁷ Геллнер Э. Условия свободы. — М., 1995. — С. 162.

государств», каждое из которых «заявляет о своем намерении вести по особому национальному пути ту этническую группу, с которой оно отождествляется»¹²⁸. В Европе «конец веку национал-ирредентизма» положила первая мировая война, спровоцировавшая возникновение большого числа новых суверенных государств. Однако изначальный триумф национал-ирредентизма — распад прежних империй — оборачивается и его поражением. Причина этого состояла в том, что новые государства также не были этнически однородными, и в них проблемы меньшинств оказались не менее острыми, чем они были в разрушенных империях, охваченных националистической агитацией. В связи с этим образовавшиеся государства не только унаследовали «все слабые места прежней системы», но одновременно приобрели и новые. Поскольку на большей части европейского региона никогда не было компактного расселения этнических групп, то «всякие политические границы шли вразрез с чьими-то интересами и были несправедливы в самом очевидном смысле этого слова». В отношении же Восточной Европы «бесспорная и справедливая политическая карта была просто невозможна»¹²⁹. В этой части континента даже разрушение империй как «тюрем народов» приводило к образованию новых «тюрем» для этнических меньшинств. Ситуация усугублялась тем, что «новые меньшинства... в прошлом нередко входили в состав этнических или лингвистических групп, культура которых была доминантной». Поэтому новый статус оказывался для них «непривычным и вызывал естественное негодование и сопротивление»¹³⁰. Одним из способов борьбы в данном случае становилось обращение к своей «исторической родине»: «Они могли искать покровительства у своего родного государства, призванного защищать их собственную культуру»¹³¹.

Триумф ирредентизма и определенное его поражение привели к следующей стадии, обозначенной Э. Геллнером как «*Nacht und Nebel*» — «ночь и туман». На данной стадии посредством «массовых убийств» или депортации целых этнических

¹²⁸ Геллнер Э. Условия свободы. — М., 1995. — С. 162.

¹²⁹ Там же. — С. 168.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. — С. 169.

групп реализовывался максимально жестокий вариант приведения культурных границ в соответствие с границами государственными¹³². В Восточной Европе массовые убийства и принудительное переселение «позволили привести в порядок этническую карту, ... хотя, конечно, не полностью»¹³³.

Наконец, после окончания второй мировой войны в Европе настала стадия «снижения накала этнических переживаний»¹³⁴. По мнению Э. Геллнера, «на поздних, относительно благополучных этапах развития индустриального общества национализм получает все меньшее подкрепление». Это связано, во-первых, с тем, что «в изначально культурно близких» странах Европы «на поздних стадиях развития производственной и потребительской конкуренции... наблюдается заметная культурная конвергенция». Поэтому теперь «становятся возможными любые формы федерации или конфедерации». Кроме того, на данной стадии высокая культура хотя и «остаётся необходимым условием морального гражданства и эффективного участия в экономической и политической жизни», но уже не «продуцирует сколько-нибудь заметных националистических настроений». Таким образом, национализм удалось «приручить»¹³⁵.

При этом Э. Геллнер обращает внимание на то, что предложенная им схема перехода от аграрного к индустриальному обществу не является универсальной. Он отмечал, что «есть целый ряд причин, помешавших ее полной реализации в действительном историческом процессе», в том числе неравномерность и неодновременность данного процесса в различных частях Европы. Поэтому для уточнения предложенной схемы он ввел понятие «часовых поясов».

Если Геллнер связывал образование наций и национальных государств, главным образом, с переходом к индустриальному обществу с соответствующими ему практиками культурной гомогенизации населения, почти не уделяя внимания трансформациям общественного сознания полиэтнического населения

¹³² Геллнер Э. Условия свободы. — М., 1995. — С. 162.

¹³³ Там же. — С. 170.

¹³⁴ Там же. — С. 175.

¹³⁵ Там же. — С. 176, 179.

Европы, то в концепции Б. Андерсона объяснение причин этой трансформации занимает ключевое место.

Отличительной чертой национального государства, с точки зрения Б. Андерсона, является предпринятое им расширение границ символического поля, в котором теперь оказывается и само государство: его начинают воспринимать как «отечество», во имя которого можно не столько убивать, сколько добровольно умирать¹³⁶. Он отмечает: «у современной культуры национализма нет более захватывающих символов, чем монументы и могилы Неизвестного солдата»¹³⁷. Для него нация представляет собой товарищество, братство, основанное на ответственности. Это ответственность живущих членов нации за будущее, за еще нерожденных членов. Именно «во имя этих нерожденных нас призывают упорно трудиться, платить налоги и приносить другие жертвы — строить национальные парки, сберегать наследие, сокращать государственные долги, очищать окружающую среду и охранять национальные границы»¹³⁸. Это и «странная новая ответственность» уже ушедших, кто превратился в памятники-символы: «с их помощью наша страна, совершая отдельные ошибки, на самом деле всегда остается права»¹³⁹

Для Б. Андерсона исследование национальных государств сводится к выявлению причин не столько формирования национальных движений или трансформации политических институтов (хотя этим процессам он тоже уделяет внимание), сколько возникновения наций как особого типа сообществ. Он определяет нацию как «воображенное политическое сообщество», которое «воображается ... как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»¹⁴⁰ (курсив — мой).

¹³⁶ Эти идеи Б. Андерсона созвучны мыслям О. Ренана, утверждавшего, что «нация — это великая солидарность, которая держится на сознании как уже принесенных жертв, так и жертв, которые предназначено сделать в будущем». (Цит. по: *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 240).

¹³⁷ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 33.

¹³⁸ *Андерсон Б.* Непогрешимость наций. 2006. URL: <http://www.politizdat.ru/article/71/>

¹³⁹ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 33.

¹⁴⁰ Там же. — С. 30.

Воображенность, как уже отмечалось, обуславливается тем, «что члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ общности»¹⁴¹. При этом нации являются ограниченными, поскольку «даже самая крупная из них, насчитывающая, скажем, миллиард живущих людей, имеет конечные, хотя и подвижные границы, за пределами которых находятся другие нации»¹⁴². Суверенность связана с тем, что понятие «нация» «родилось в эпоху, когда Просвещение и Революция разрушили легитимность установленного Богом иерархического династического государства». Наконец, нация является сообществом, «поскольку независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать», она «всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество»¹⁴³.

Интересно, что нации, национальные государства и национализм в концепции Андерсона не являются закономерными явлениями: их появление во многом случайно. Будучи «особого рода культурными артефактами», возникшими в конце XVIII века¹⁴⁴, они оказались результатом взаимного пересечения многих, весьма различных, исторических процессов, связанных, в том числе, с идеологическим «творчеством» и «пиратством». Однако, возникнув, они сразу обрели способности как к «переносу... на огромное множество социальных

¹⁴¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 31.

¹⁴² Там же. — С. 32.

¹⁴³ Там же. Заметим, что идея воображенности не была создана непосредственно Б. Андерсоном. Аналогичные представления об общих чаяньях незнакомых друг другу индивидов, связанных узами национального братства, были высказаны еще в 1944 году Х. Коном. В своей работе «Идея национализма» он отмечал: «Национализм — наша идентификация с жизнью и надеждами неисчислимых миллионов, которых мы никогда не узнаем, с территорией, которую мы никогда не посетим целиком». (Цит. по: *Коротеева В. В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. — М., 1999. — С. 25.) Однако несомненным достижением концепции Б. Андерсона является выявление предпосылок для формирования подобного рода представлений.

¹⁴⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 29.

территорий», так и к тому, чтобы «вплавлять в себя либо самим вплавляться в столь же широкое множество самых разных исторических и идеологических констелляций»¹⁴⁵. Так «нация» оказалась изобретением, на которое невозможно было заполучить патент. Она стала доступным предметом для пиратства, попадавшим в очень разные, порой самые неожиданные руки»¹⁴⁶.

Любопытно, что в современной России эта мысль Андерсона получила признание: «Появление на международной арене нового субъекта истории — суверенного правового государства, было результатом творчества¹⁴⁷ и оказалось решающим фактором интеграции этнически и культурно разнообразных групп общества в «некую целостность нового типа, которая терминологически получает новое название — «общество организованной солидарности» или «нация» или «капиталистическое общество»¹⁴⁸.

По мнению Б. Андерсона, появление национализма в Европе было напрямую связано с эрозией таких «культурных систем», как *религиозное сообщество* и *династическое государство*¹⁴⁹. Интегрирующей основой первых являлись «священные языки» религиозных текстов. В связи с этим, данные сообщества имели две отличительные черты: *во-первых*, они были внетерриториальными, то есть не были привязаны к конкретной местности. Так, католики или мусульмане из различных регионов, говорящие на разных языках, оказывались связанными друг с другом, в первую очередь, посредством общих священных текстов, написанных на латыни или классическом арабском. *Во-вторых*, реальный доступ к таким текстам

¹⁴⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 29.

¹⁴⁶ Там же. — С. 89.

¹⁴⁷ «Оно, — пишут В. Г. Федотова, В. А. Колпаков и Н. Н. Федотова, — было “изобретено” во время подготовки Вестфальского мира после тридцатилетней войны». (Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М., 2008. — С. 149.)

¹⁴⁸ Там же. — С. 157.

¹⁴⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 35.

был ограничен, поскольку был мал круг людей, владеющих священными языками. Как указывает Б. Андерсон, читатели священных текстов «были крошечными островками грамотности, которые возвышались над бескрайними океанами необразованности»¹⁵⁰. Однако постепенный упадок латыни привел к тому, что религиозные сообщества западного христианского мира начали постепенно «фрагментироваться, плюрализироваться и территориализироваться»¹⁵¹.

Эрозии религиозных сообществ сопутствовал и постепенный закат династических государств. Как уже указывалось, в династических государствах все было организовано «вокруг высшего центра», легитимность которого исходила «от божества», а не «от населения»¹⁵². Главным являлся принцип наследования данной сверху (от Бога) властью. Жители таких государственных образований являлись не гражданами, а подданными. В этих политических системах индивиды оказывались связанными друг с другом лишь посредством общего статуса подданных одного монарха, а не как жители одной страны, так как «границы были проницаемы и нечеткими, а суверенитеты неощутимо переходили один в другой»¹⁵³.

Тем не менее, разрушение прежних культурных систем — религиозных сообществ и династических государств — не влекли за собой автоматического появления ни наций, ни национальных государств. В действительности, за эрозией указанных систем «скрывалось глубинное изменение в способах восприятия мира»¹⁵⁴. Б. Андерсон считает, что основной составляющей этого изменения было *новое восприятие времени, которое базируется на современном представлении об одновременности*. Это означало, что теперь люди оказались способны рассматривать конкретный момент не только в связи с прошлым и будущим, но и представлять себе, что происходит в это же время с другими людьми, которых мы не можем визуально наблюдать, вообразить себе, какие события

¹⁵⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 39.

¹⁵¹ Там же. — С. 42.

¹⁵² Там же. — С. 43.

¹⁵³ Там же. — С. 43.

¹⁵⁴ Там же. — С. 45.

разворачиваются там, где нас нет. По мнению Б. Андерсона, распространение такого ощущения времени стало следствием появления художественных романов и газет.

Знакомые и незнакомые друг с другом, но связанные фабулой романа герои, *одновременно* совершают некоторые действия, описываемые автором, а ежедневные газеты заложили также представление о том, что множество людей одновременно совершают одно и то же действие — читают напечатанные на их страницах материалы. В целом, новое восприятие времени позволяет каждому индивиду представить мир как совокупность одновременных действий и событий, а следовательно, делает возможным и существование воображаемых сообществ. Оно порождает уверенность в том, что существует множество других членов сообщества, связанных между собой, например, общими и практически одновременными действиями, такими, как прочтение утренней газеты. Это же закладывает основы и для возникновения наций — воображаемых сообществ, члены которых обретают представление друг о друге посредством знаний как об общих символах и институтах, так и о неких знаках одновременности.

Таким образом, «ключом к зарождению совершенно новых представлений об одновременности» стало развитие «печати-как-товара», и именно оно заложило основы для формирования сообществ «горизонтально-секулярного, поперечно-временного» типа¹⁵⁵. Данная логика вместе с Реформацией, которая «во многом была обязана своим успехом печатному капитализму»¹⁵⁶, привели к уже упомянутому падению статуса латыни как языка священных текстов. По словам Б. Андерсона, «коалиция протестантизма и печатного капитализма быстро создала огромные читательские публики — не в последнюю

¹⁵⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 60.

¹⁵⁶ Как указывает исследователь, в период с 1520 по 1540-е годы «книг на немецком языке было опубликовано втрое больше», чем за предыдущие два десятилетия. «И в этой удивительной трансформации Лютер, безусловно, был центральной фигурой», поскольку «его сочинения составили не менее трети *всех* (курсив Б. Андерсона) книг на немецком языке, проданных с 1518 по 1525 годы» // Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 62.

очередь среди купцов и женщин, которые, как правило, либо плохо знали, либо вовсе не знали латынь»¹⁵⁷. Происходило не просто обращение к народным языкам, а, по сути, искусственное создание новых письменных — печатных — языков, которых было много меньше разговорных диалектов.

Так печатный капитализм заложил основу для формирования современных наций. Созданные им языки породили сообщества, чьи границы оказались, *во-первых*, ограниченными пределами расселения конкретных лингвистических групп, а *во-вторых*, имели мало общего с существовавшими политическими границами династических государств. В связи с этим произошла своеобразная территориализация сообществ, усилившая эрозию династических государств и обеспечившая предпосылки для появления государств национальных. Однако сам процесс перехода к национальным государствам в Европе был связан с двумя формами национализма — «*лингвистическим*» и «*официальным*».

По мнению Б. Андерсона, лингвистический национализм является «однозначно европейским по своему происхождению». Возникший в начале XIX века в подверженных эрозии династических империях Европы, лингвистический национализм базировался на представлениях о том, что «каждая настоящая нация обладает собственным специфическим языком и литературной культурой, посредством которых выражается исторический дух народа»¹⁵⁸. Этот национализм породил другую форму национализма — официальную, которая «сложилась исторически как реакционный ответ на народные национализмы снизу, направленные против правителей, аристократов и имперских центров»¹⁵⁹. *Появление официального национализма было обусловлено тем, что «фундаментальная легитимность» большинства династических империй «была совершенно не связана с национальностью».* Например, справедливо отмечает Андерсон, «Романовы правили татарами и латышами, немцами и армянами, русскими и финнами.

¹⁵⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 62–63.

¹⁵⁸ Там же. — С. 211.

¹⁵⁹ Там же.

Габсбурги возвышались над мадьярами и хорватами, словаками и итальянцами, украинцами и южными немцами. Ганноверы управляли... шотландцами и ирландцами, англичанами и валлийцами»¹⁶⁰. Поэтому политизация языка, превращение его в основу национальной идентификации, заставили династии выбрать один из языков в качестве не просто «универсально-имперского», а национально-государственного. В свою очередь, данный выбор привел к национальной самоидентификации монархов¹⁶¹.

Такая «натурализация» династий Европы привела к возникновению «официальных национализмов», представлявших собой средство совмещения нового типа легитимности с монархической властью. С точки зрения Б. Андерсона, наиболее ярким примером данного процесса являлась Российская империя, «в которой цари правили сотнями этнических групп и множеством религиозных общин, а в своих собственных кругах говорили по-французски, что было знаком их цивилизованного отличия от подданных»¹⁶². Осознание Романовыми себя великороссами, явившееся ответом на лингвистические национализмы народов, населявших империю, привело к политике русификации. Аналогичным образом «Лондон пытался англоизировать Ирландию (и добился заметных успехов), Германская империя пробовала онемечить свою часть Польши (с очень незначительным успехом), Французская империя навязывала французский итало-говорящей Корсике (частично добившись успеха)»¹⁶³. Такие попытки удержания династической власти «над огромными многоязычными владениями, накопившимися

¹⁶⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 105.

¹⁶¹ «Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы — что они англичане, Гогенцоллерны — что они немцы, а их кузены с несколькими большими затруднениями превращались в румын, греков и т. д.». (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 107.) Это сделало возможным отношение к представителям правящих династий не только как к символам нации, но, в ряде случаев, и как к ее предателям, что было совершенно невозможно в период расцвета династических государств.

¹⁶² Андерсон Б. Западный национализм и восточный национализм: есть ли между ними разница? // URL: <http://old.russ.ru/politics/20011219-and.html>

¹⁶³ Там же.

еще со времен Средневековья», Б. Андерсон очень метко охарактеризовал как «натягивание маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи»¹⁶⁴.

Не смотря на ряд очевидных достоинств, социокультурный модернизм Э. Геллнера и Б. Андерсона имеет ряд недостатков, на которые сразу же обратили внимание другие исследователи. Так, одним из слабых мест концепции Э. Геллнера, по мнению Э. Д. Смита, является «установление причинно-следственных связей». Смит указывает, что в ряде случаев национализм предшествовал, а не являлся следствием индустриализации¹⁶⁵. Кроме того есть сложности и с установлением взаимосвязи между высокими культурами и государством. «Служит ли достижение конкретным народом высокой культуры актом получения власти, благодаря которому народ как бы вступает в сферу политики и становится “субъектом” истории?»¹⁶⁶ Еще один недостаток теории Э. Геллнера, считает Э. Д. Смит, заключается в придании слишком большого значения культурной гомогенности. Поскольку большинство государств являются полиэтническими, стремление к культурной однородности в них «нечасто достигает своей цели» либеральными и демократическими методами. Напротив, во многих случаях это стремление приводит к усилению авторитарных или даже тоталитарных тенденций¹⁶⁷.

Некоторые исследователи выделяют в качестве одного из недостатков концепции Э. Геллнера отсутствие объяснения причин возникновения в границах «не своих» государств «стандартизированных высоких культур, стремящихся обрести свое собственное государство»¹⁶⁸. Опираясь на работы Ч. Тили, Э. Гидденса и М. Манна, А. Миллер также подчеркивает, что «по крайней мере в Англии» отправной точкой развития

¹⁶⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 108.

¹⁶⁵ Смит Э. Д. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 78.

¹⁶⁶ Там же. — С. 81.

¹⁶⁷ Там же. — С. 86. Однако Э. Геллнер не оспаривал данный факт, о чем свидетельствует, например, выделенная им стадия национализма «Nacht und Nebel».

¹⁶⁸ Миллер А. И. Теория Э. Геллнера и ее место в литературе вопроса // Национализм и формирование наций. Теории-модели-концепции / под ред. А. И. Миллера. — М., 1994. — С. 6.

национализма была не индустриализация, а «централизация власти, установление прямого правления и эффективного административного контроля», произошедшие задолго «до наступления индустриальной революции»¹⁶⁹. Схожая критическая аргументация была высказана и Дж. Бройи, который утверждал, что «многие националистические доктрины и многие националистические политические движения расцвели в таких обществах, которым еще только предстояло претерпеть переход к индустриализации». По его мнению, «в неиндустриальных обществах есть средства распространения национальной культуры», и в них также можно обнаружить «политически значимые формы национализма». И, напротив, «национализм как специфическое политическое движение часто бывает довольно слаб в культурно однородных индустриальных обществах, живущих в границах современных наций-государств». Таким образом, заключает Дж. Бройи, «связь между национализмом... и индустриализмом на самом деле нигде не является такой тесной, как она подается в воззрениях Геллнера»¹⁷⁰.

Наконец, не совсем корректным представляется вывод Э. Геллнера о том, что совпадение культурных и политических границ автоматически приводит к становлению национального государства. По мнению М. В. Ноженко, «данный принцип является релевантным не только для суверенных, но и автономных территориальных и даже внетерриториальных образований. Например, он подходит для описания Квебека или языковых сообществ Бельгии, однако в этих случаях мы имеем дело не с национальными государствами, а с разными видами политической автономии»¹⁷¹.

На мой взгляд, несомненным достоинством теоретических построений Геллнера является рассмотрение процессов формирования высокой стандартизированной культуры

¹⁶⁹ Миллер А. И. Теория Э. Геллнера и ее место в литературе вопроса // Национализм и формирование наций. Теории-модели-концепции / под ред. А. И. Миллера. — М., 1994. — С. 8.

¹⁷⁰ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 221.

¹⁷¹ Ноженко М. В. Национальные государства в Европе. — СПб., 2007. — С. 49.

с разных точек зрения: социально-экономической, социокультурной и политической. А основные претензии могут быть предъявлены к его периодизации национализма, общий недостаток которой заключается в том, что основана она на сугубо политических критериях, в то время как собственно генезис национализма объясняется Геллнером в социокультурных и социально-экономических категориях.

Что касается Б. Андерсона, то основные претензии к его концепции связаны, как уже отмечалось, с семантической слабостью определения нации как «воображаемого» сообщества. По мнению Э. Д. Смита, «термины вроде “изобретения” и “воображения” могут означать различные вещи и обычно используются именно в тех смыслах, от которых Андерсон стремится дистанцироваться: очень легко перейти от “воображаемого” в смысле “вымышленного” к “воображаемому” в смысле “иллюзорного” или “сфабрикованного”»¹⁷². В результате может сложиться впечатление, что «нация не обладает никакой реальностью, не зависимой от ее образов и репрезентаций», что «подрывает социологическую реальность нации»¹⁷³. Также Э. Д. Смит считает, что хотя «воображение» и «помогает понять, как легко концепция нации *может* распространяться и пересаживаться на другую почву», открытыми остаются вопросы о том, «почему она *должна* распространяться и почему пересаживаться должна именно *она* (нация)?»¹⁷⁴. Наконец, возражения Э. Д. Смита касаются и самого определения нации, которое, по его мнению, охватывает «слишком широкие политические сообщества», а не только те, которые являются нациями¹⁷⁵.

В. В. Коротева отмечает стремление Б. Андерсона ответить на вопрос о том, «как возникают границы воображенного сообщества». При этом в качестве основного объяснения она выделяет наличие у множества наций «чтение литературы на родном языке». Это, по ее мнению, является противоречием во взглядах автора, показывающего, что в Новом Свете или бывших

¹⁷² Смит Э. Д. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 255.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же. — С. 255–256. Курсив Энтони Смита.

¹⁷⁵ Там же. — С. 257.

европейских колониях Азии и Африки язык не имел особого значения¹⁷⁶. Однако это критическое замечание вряд ли оправданно, если учесть, что только Э. Геллнер претендовал на создание единой, универсальной модели национализма, в то время как остальные исследователи не ставили перед собой такой задачи¹⁷⁷. Поэтому, считает М. В. Ноженко, «концепция Б. Андерсона является примером рассмотрения разных национализмов, отличия между которыми обусловлены временем их появления, структурными условиями (например, затрудненностью коммуникации между метрополией и колониями или обособленностью административных единиц в случае Южной Америки), а также теми целями, которые преследовали идеологи национализма (например, попыткой натянуть узкую кожу на династическое государство)»¹⁷⁸.

Вместе с тем концепция Б. Андерсона характеризуется своеобразной «аполитичностью». Как мы помним, Андерсон характеризует нацию как *политическое* сообщество. Однако в последующем при рассмотрении процесса формирования наций и национальных государств политический аспект формирования наций оказывается практически полностью вынесенным за рамки анализа. Он заявляет о себе лишь при описании официального национализма, определяемого автором как «реакционная политика». В то время как при рассмотрении лингвистического национализма основное внимание уделяется способам формирования представлений о «мы-сообществе», носящем, скорее, культурную, нежели политическую окраску.

Таким образом, к сильным сторонам «социально-культурного модернизма» можно отнести представление о нации не только как о принципиально новой форме политического, но и культурно связанного сообщества, состоящее из нового («модульного» Э. Геллнер) типа людей, сформированных новыми системами массового образования. Его основной

¹⁷⁶ Коротеева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. — М., 1999. — С. 69.

¹⁷⁷ Там же. — С. 14.

¹⁷⁸ Ноженко М. В. Национальные государства в Европе. — СПб., 2007. — С. 36.

слабостью является, несмотря на подчеркивание обязательной взаимосвязи между нацией и государством, слишком малое внимание к политическому аспекту национального строительства. В представленной далее точке зрения — «политическом модернизме» — напротив, в центре рассмотрения находится не столько социальная и культурная, сколько политическая трансформация, повлекшая за собой формирование национальных государств на европейском континенте.

Политический модернизм. Одним из ярких представителей «политического модернизма» является Ч. Тилли. Как и все сторонники данного подхода, он концентрирует внимание не на нации, а на государстве. С его точки зрения, именно современное государство обладает первостепенной важностью, поскольку исторически оно сложилось раньше нации. А нация для него является «просто конструкцией, зависящей от государства» и поэтому не представляющей самостоятельной исследовательской ценности¹⁷⁹.

Ч. Тилли относит появление национальных государств (а, следовательно, и наций) к началу XIX века. По мнению исследователя, необходимыми условиями для их возникновения являются два фактора: *во-первых*, «способность государства отслеживать, ограничивать и контролировать ресурсы (включая культурные) в пределах собственной территории» и, *во-вторых*, готовность других государств согласиться с правом данного государства регулировать указанные сферы¹⁸⁰.

Он связывает приход эры национализма на европейский континент с политизацией проблемы культурного многообразия в границах одного государства и в этой связи выделяет два разных типа национализма: *управляемый государством* (state-led nationalism) и *стремящийся обрести собственное государство* (state-seeking nationalism). Первый из них предполагает, что граждане идентифицируют себя как членов нации и отдают приоритет государственным интересам. Во втором случае, напротив, представители определенной общности стремятся получить политический контроль над государственными

¹⁷⁹ Смит Э. Д. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 148–149.

¹⁸⁰ Tilly Ch. States and Nationalism in Europe // Theory and Society, 1994, vol. 23, № 1, pp. 132–133.

институтами в рамках существующей страны или надеются получить его в рамках нового государства¹⁸¹.

Несмотря на выделение двух различных типов национализма, основное внимание Ч. Тилли уделяет управляемому государством национализму и ставит вопрос о том, что стало причиной политизации проблемы культурного многообразия. По его мнению до 1800 года сопротивление населения спускаемым «сверху» нормам, правилам и культурным образцам происходило в тех случаях, когда империи стремились: 1) навязать официальную религию меньшинствам, не разделяющим взгляды господствующей церкви; 2) усилить контроль над населением, которое до этого обладало достаточной степенью автономности по причине непрямого правления или слабости имперской администрации¹⁸². Однако к концу XVIII века государства Европы стали испытать насущную потребность в более масштабных унификации и контроле.

Методологически значимым моментом концепции Ч. Тили являются представления о том, что национальное государство создает война. Для него война — «это двигатель прогресса создания государств, но также и процесса формирования нации»¹⁸³. С точки зрения исследователя, государства «проводили все более эффективную мобилизацию для внешних войн», которая «способствовала росту внутренней интеграции, смешивая людей из различных областей, провинций и социокультурных среды и прививая национализм при помощи идеологической обработки и самих процессов мобилизации, сражений, демобилизации и возвращения к гражданской жизни»¹⁸⁴.

Кроме того, с точки зрения Ч. Тилли, национальные государства, по сути, возникли случайным образом. Они являются производными от двух программ политических элит: 1) получения от сопротивляющегося населения все большего количества ресурсов на ведение войны; 2) замены управления

¹⁸¹ Tilly Ch. *States and Nationalism in Europe // Theory and Society*, 1994, vol. 23, № 1, p. 133. Отчасти такая типология созвучна идее Б. Андерсона, который, как было указано ранее, выделял официальный и лингвистический национализмы.

¹⁸² Ibid., p. 137.

¹⁸³ Смит Э. Д. *Национализм и модернизм*. — М., 2004. — С. 149.

¹⁸⁴ Калхун К. *Национализм*. — М., 2006. — С. 141.

уступчивых к дани посредников, наделенных существенной автономией, прямым правлением «сверху-вниз» (direct top-to-bottom government). При этом вторая из указанных программ зачастую являлась непосредственным следствием первой¹⁸⁵. Так как новые международные конфликты и новые технологии ведения войны требовали, «чтобы государства отнимали у своих обществ все большие — невиданные прежде — ресурсы». Реализовать это было возможно только посредством создания мощного централизованного аппарата управления. Другими словами, теперь сбор налогов начал производиться «не квази-автономными феодальными элитами или откупщиками, а национальным правительством и бюрократией»¹⁸⁶.

Новый тип управления нашел свое отражение и в новых способах организации контроля над государственным пространством. *Во-первых*, государства стали «отгораживать» себя, придавая большее значение своим границам. Если до этого во многих государствах Европы не существовало жесткого контроля над перемещением через границы рабочей силы, торговцев, товаров и денег, то в XIX веке органы управления начали уделять этому особое внимание. На вооружение был взят опыт тех немногочисленных стран, которые смогли к тому времени создать эффективную систему регистрации людей и товаров, ввести государственные пошлины и сборы.

Во-вторых, государства усилили контроль за населением внутри своих границ. Здесь немаловажную роль стало играть то, что Ч. Тилли назвал *культурным контролем* (cultural control). Так же как и Э. Геллнер, исследователь особо отмечает создание государственной образовательной системы и внедрение стандартизированного языка. Кроме того, он выделяет организацию музеев, государственную поддержку театров, создание национальных символики, праздников, традиций и так

¹⁸⁵ Tilly Ch. States and Nationalism in Europe // Theory and Society, 1994, vol. 23, № 1, p. 138. Следует отметить, что Ч. Тилли проводил разграничение между национальными государствами, которые постепенно сформировались в ходе экономических и военных преобразований, и теми, которые создавались «по плану» дипломатами и политическими элитами путем заключения международных соглашений. Тем не менее, в своей концепции основное внимание он уделяет именно первому способу образования государств.

¹⁸⁶ Калхун К. Национализм. — М., 2006. — С. 141–142.

далее. В некоторых случаях государства могли также использовать и религию как основу для мобилизации. Как указывает Ч. Тилли, обращение к религии было эффективно в случае управляемого государством национализма тогда, когда первое создало собственную конфессию, например, в Англии¹⁸⁷.

Однако ни ужесточение контроля, ни привнесение новых стандартов и практик (которые, несомненно, культивировали чувство общности) не позволили бы государству достичь собственных целей. Для того чтобы население не оказывало яростного сопротивления осуществляемым реформам, государство предприняло ряд мер, «компенсирующих» возросшие издержки. К ним Ч. Тилли отнес, помимо прочего, расширение понятия гражданства, придание особого статуса идее народного суверенитета и способам ее претворения в жизнь, предоставление возможностей для выражения коллективного мнения посредством введения прав на петиции и ассоциации, а также создания институтов представительства¹⁸⁸.

Таким образом, с точки зрения Ч. Тилли, именно стремление государств создать эффективную милитаристскую систему стало причиной становления нового типа государственности — национальной. Схожую позицию занимает и М. Манн, считающий, что военные факторы обладали несомненной важностью в процессе формирования национализма.

М. Манн отмечает, что сам он является сторонником «скорее “модернистской”, чем “перенниалистской” или “примордиалистской” точки зрения»¹⁸⁹. Согласно исследователю, нация представляет собой «межклассовое» (cross-class) сообщество, которое появилось на европейском континенте не позднее XVIII века. При этом «класс» понимается им не столько в классическом марксистском понимании (то есть как общность, базирующаяся на экономических отношениях), сколько в социологическом смысле, как синоним страт. До наступления

¹⁸⁷ Tilly Ch. *States and Nationalism in Europe // Theory and Society*, 1994, vol. 23, № 1, p. 140–141. Ч. Тилли также говорит о том, что при стремящемся обрести собственное государство национализме роль религии оказывалась важной тогда, когда доминирующее сословие принадлежало к иной вере, как в случае Османской империи.

¹⁸⁸ Ibid., p. 139.

¹⁸⁹ Mann M. (1993): *The sources of social power*, vol. II. *The rise of classes and nation-states 1760–1914*. 1993. — Cambridge. — P. 215.

эпохи национализма доминирующие, а также в редких случаях и подчиненные классы были способны лишь к экстенсивной политической организации. Поэтому «национализм и как идеология, и как движение является всецело современным феноменом»¹⁹⁰.

Однако он считал, что у наций существовала и некая «до-современная» (premodern) история, включавшая в себя две «протонациональные фазы»: *религиозную* и *коммерческо-статистическую*. Первая началась в XVI веке, когда протестантизм и Реформация способствовали формированию потенциальных наций. Здесь М. Манн практически повторяет идею Б. Андерсона о том, что христианские церкви создали широкие слои грамотной публики, читавшей на родном языке и состоявшей в том время из представителей среднего класса.

Вторая фаза началась примерно с 1700 года и была связана с секуляризацией коммерческого капитализма и военной модернизацией государства. Изначально государствам «удалось монополизировать единственную функцию — военного насилия». Однако затем они «внезапно грубо и зримо вторглись в жизнь своих подданных, обложив их налогами, воинской повинностью». С точки зрения исследователя, государства начали превращаться в своеобразные «клетки», «прутья которых ограничивали свободу подданных»¹⁹¹. Тем не менее, регулярные контракты с представителями власти, государственная регистрация, военная подготовка, деловые встречи в кофейнях стали институтами секуляризации и внедрения культуры знати. Если использовать терминологию Э. Геллнера, то в этот момент началось распространение высокой культуры среди достаточно широких слоев населения. Поскольку теперь все государства управлялись посредством закона, элементы общего «гражданства» стали также распространяться по территории страны, создавая основы для более универсальной солидарности¹⁹².

¹⁹⁰ Mann M. (1993): The sources of social power, vol. II. The rise of classes and nation-states 1760–1914. 1993. — Cambridge. — P. 215–216.

¹⁹¹ Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 383.

¹⁹² Mann M. The sources of social power, vol. II. The rise of classes and nation-states 1760–1914. 1993. — Cambridge. — P. 217.

В XIX веке национальное строительство прошло две другие, уже собственно националистические, фазы своего развития: 1) *милитаристскую* и 2) *индустриально-капиталистическую*¹⁹³. То есть М. Манн, вслед за Ч. Тилли утверждает, что столетиями политическая борьба структурировалась налоговыми кризисами, вызванными войнами. Милитаризм подталкивал элиты монархических государств к рационализации управления, а обложение налогами поставило вопрос о легитимности государства¹⁹⁴.

Вовлечение широких слоев населения в промышленность (а затем и в политику), которым ознаменовалась вторая из указанных фаз, привело к тому, что понятие нации стало означать не общность происхождения, как это было ранее¹⁹⁵, а совокупность граждан. На данной фазе произошло также расширение экономических функций государства, повлекшее за собой создание средств сообщения, необходимых для индустриального роста. Более интенсивной стала коммуникация, произошло становление системы всеобщего образования, способствовавшие, как это уже не раз отмечалось ранее, «сплочению ряда гражданских обществ, в какой-то мере уже ограниченных территорией государства»¹⁹⁶. Все это привело к тому, что исследователь обозначил как «семейную» метаморфозу населения: оно не просто стало нацией, но и получило «родину» или «отечество», создав тем самым национальную семью в окружении других национальных семей¹⁹⁷.

Несмотря на выделение двух стадий национального строительства в XIX веке, М. Манн подчеркивал, что «становление

¹⁹³ Mann M. The sources of social power, vol. II. The rise of classes and nation-states 1760–1914. 1993. — Cambridge. — P. 217.

¹⁹⁴ Ibid. — P. 221–222.

¹⁹⁵ То есть как «сообщества людей одного и того же происхождения, еще не объединившиеся в политическую форму государства, но связанные совместным поселением, общим языком, обычаями и традициями». (Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 365.)

¹⁹⁶ Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 383.

¹⁹⁷ Mann M. The sources of social power, vol. II. The rise of classes and nation-states 1760–1914. 1993. — Cambridge. — P. 225.

межклассовых наций стимулировалось скорее военным, а не капиталистическим оформлением государств». Это было связано с тем, что распространение фискального бремени происходило внутри государств более равномерно, чем развитие торговли и промышленности. Таким образом, возникновение новых административных институтов, призванных взимать налоги, осуществлялось одновременно на всей территории страны, а не только в экономически развитых регионах.

На мой взгляд, одним из главных недостатков концепции Ч. Тилли является интерпретация появления национальных государств через призму милитаризма. Разумеется, стремление государств вести эффективные войны существенно трансформировало и сами государства, и их население. Указанное стремление имело множество последствий, например, развитие промышленного производства, рост бюрократического аппарата и даже, как в России времен Петра I, секуляризацию образования. Все это, в свою очередь, способствовало культурной гомогенизации. Однако если именно война стала первопричиной национального строительства, то почему государству удалось так легко навязать «новые правила игры» населению, от которого милитаризм требовал не только налогов, но и человеческих жизней? «Разве могло расширение гражданских прав компенсировать людские потери? Другими словами, почему сопротивлявшееся прежде любым попыткам унификации и контроля население восприняло идею того, что государство должно защищать не наемники, а сыны отечества? Рациональное объяснение Ч. Тили — “гражданские права в обмен на материальные издержки и человеческие жизни” — кажется не вполне убедительным»¹⁹⁸.

Этот же упрек можно адресовать и концепции М. Манна, связывающего возникновение наций и национализма главным образом с милитаризацией государства и зарождением капитализма. Но возможен и другой поворот событий. «Не потому ли, — спрашивает Э. Смит, — что государство было настолько всепроникающим и чуждым, ... люди стремились обрести некое чувство общности вопреки государству?» Кроме того, концепция

¹⁹⁸ Ноженко М. В. Национальные государства в Европе. — СПб., 2007. — С. 56–57.

исследователя не дает представления о том, почему национализм тесно связан с культурой, если он является порождением «межгосударственного порядка и образующих его милитаризованных государств»¹⁹⁹.

Наконец, общим недостатком представленных теорий является их западноевропейская ориентация. Например, Ч. Тилли, хотя и выделяет в качестве отдельного типа «стремящийся обрести собственное государство национализм», но строит свою теоретическую модель для объяснения феномена «управляемого государством национализма», характерного для Западной Европы. Сходным образом и М. Манн «исключает из рассмотрения ряд типичных случаев», например национальные движения «народов, не имеющих своих политических структур»²⁰⁰. В связи с этим более полной мне представляется концепция еще одного политического модерниста — Дж. Бройи, который, напротив, подчеркивает изначальную оппозиционность национализма по отношению к государству.

Исходной посылкой рассуждений Дж. Бройи является представление о национализме как политике. Он считает, что «концентрация на культуре, идеологии, идентичности, классе или модернизации приводит к игнорированию того фундаментального момента, что национализм и “сверху”, и “снизу” является политикой и что политика связана с властью». При этом «власть в современном понимании, главным образом, представляет собой государственный контроль»²⁰¹. Следовательно, ни изменения в сфере языка, ни модернизация, по его мнению, не могут быть причиной национализма: «изначально национализм являлся одним из аспектов “незапланированной” современности. Только позднее, когда идеи и современности, и национализма зазвучали осознанно и весомо, люди смогли целенаправленно применять идею национализма для содействия модернизации»²⁰².

Обоснование современности наций и национализма Дж. Бройи строит, исходя из институциональной логики: по его

¹⁹⁹ Смит Э. Д. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 161–162.

²⁰⁰ Коротеева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. — М., 1999. — С. 62.

²⁰¹ Breuilly J. Nationalism and the State. — Manchester, 1993. — P. 1.

²⁰² Ibid. — P. 213.

мнению, национальная идентичность создается и увязывается с определенными интересами только посредством современных институтов, таких, как «парламент, массовая литература, суды, школы, рынки труда и так далее»²⁰³. Но почему же именно современные институты смогли стать основой для наций и национальных государств в Европе? Для ответа на этот вопрос Дж. Бройи выявляет различие между до-современными и современными институтами на основе разницы в типах разделения труда, анализирует последствия перехода от многофункциональности институтов прошлого к монофункциональности институтов настоящего и акцентирует внимание на проблеме разрыва между государством и обществом как следствии утверждения нового типа разделения труда²⁰⁴.

Дж. Бройи выделяет два идеальных типа²⁰⁵ разделения труда: *корпоративный* (до-современный) и *функциональный* (современный). Согласно его концепции, первая идеальная модель представляла собой выполнение определенными институтами, «действующими от имени какой-то определенной группы», большого количества функций. Другими словами, институты являлись многофункциональными, поскольку отсутствовала их четкая специализация²⁰⁶. Например, церковь одновременно выполняла религиозные, культурные, образовательные и политические функции, а также являлась землевладельцем. Такая полифункциональность содержала в себе конфликтный потенциал, так как, *во-первых*, она провоцировала споры между институтами о границах их компетенций. *Во-вторых*, она давала почву и для внутриинституциональных конфликтов, поскольку требовалось разграничение компетенций и между различными институциональными уровнями.

²⁰³ Breuille J. Nationalism and the State. — Manchester, 1993. — P. 210.

²⁰⁴ Эти идеи Бройи представляют собой развитие идеи Э. Геллнера о том, что корни национализма заключены «в определенном типе разделения труда, очень сложном и к тому же бесконечно, беспредельно изменчивом». (Геллнер Э. Нации и национализм. — М., 1991. — С. 67.)

²⁰⁵ Дж. Бройи специально оговаривает, что выделенные им типы разделения труда являются идеальными, так как в реальности можно обнаружить множество отклонений, по крайней мере, от корпоративного типа. (Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 223.)

²⁰⁶ Там же. — С. 222–223.

В связи с этим «к концу XVIII века такое разделение труда было подвергнуто острой интеллектуальной критике» призывавшей к переходу на принципиально иной способ, «при котором каждая социальная функция сосредотачивалась бы в отдельном институте». В результате «во многих частях Западной и Центральной Европы» произошел переход от корпоративного разделения труда к функциональному²⁰⁷.

Этот переход к новому типу разделения повлек за собой ряд следствий.

Во-первых, он привел к изменению функций существующих институтов. Одни институты теряли свои «общественные функции управления», заняв нишу «частной сферы» (например, церкви стали преобразовываться в «добровольные объединения верующих»). Другие, напротив, утратили свои «частные права» (например, монархия утратила право на «принципиальный источник дохода от королевских земель, предоставление монополий или владение ими»). Итогом данного процесса стало формирование идеи «государства как “общественной”, а “гражданского общества” как “частной” сферы»²⁰⁸.

Вторым следствием перехода стала идея государства как «единственного источника политических функций», являющегося, в терминологии М. Вебера, монополистом на насилие в пределах определенной территории. А это, в свою очередь, требовало более ясного, чем прежде, определения границ, особенно потому, что процесс формирования современного государства в Европе происходил в условиях межгосударственного противостояния. Таким образом, *государство стало единственным источником внутреннего* (в пределах собственной территории) *и внешнего* (во внешне-государственных отношениях) *суверенитета*. А суверенизация привела к формированию общегосударственных интересов.

Третьим следствием разрушения корпоративных связей стало *превращение* прежде включенных в различные сообщества людей в *атомизированных индивидов*. Как указывает

²⁰⁷ Бройл Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 223.

²⁰⁸ Там же. — С. 224.

Дж. Бройи, возник «новый взгляд на людей — прежде всего как на индивидов, а не членов группы»²⁰⁹. Следовательно, формирующиеся личные интересы необходимо было согласовать с интересами государства. И эту проблему смог решить национализм.

Национализм оказался способен увязать общественные и частные интересы, выстроить связь между государством и обществом посредством двух политических решений: *введения института гражданства и выделения коллективной сущности общества*. Общество, с одной стороны, стало определяться как объединение граждан, чья ответственность перед государством развивалась в «процессе... участия в либеральных и демократических институтах». Это привело к становлению *политического* смысла нации как сообщества граждан, для которых «значение имели политические права, а не культурная идентификация»²¹⁰. С другой стороны, политические элиты, столкнувшиеся с проблемой легитимности в ее двояком проявлении — «интеллектуальном» (как придать государственному действию законный статус?) и «политическом» (как апеллировать к социальным группам, с тем чтобы обрести поддержку для своей политики?), — были вынуждены формировать у населения *чувство идентичности*.

Так возникли представления о коллективных интересах, которые были облечены, в первую очередь, в форму культурных запросов. И несмотря на то, что данное политическое решение диссонировало с «первой серьезной политической доктриной современности» — либерализмом, оно не только позволило разрешить проблему легитимности, но и сформировало взгляд на нацию как культурную общность. Как заключает Дж. Бройи, национализму удалось соединить логически *противоречащие друг другу понятия* нации и как объединения граждан, и как культурной общности²¹¹.

Ситуации, при которых содержание национальной идеологии было тесно связано с институциональным контекстом,

²⁰⁹ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 224.

²¹⁰ Там же. — С. 225.

²¹¹ Там же.

а сама идеология была по преимуществу политической, наблюдались в первых национальных государствах Европы — Франции и Англии. Однако эти случаи Дж. Бройи обозначил как «прелюдию к национализму»²¹². В целом же, ни появление нового принципа разделения труда, ни формулирование двух политических решений, предложенных национализмом, не влекли за собой автоматического превращения существовавших в Европе государств в национальные. Напротив, национальные движения и государства находились (и, как правило, находятся) в состоянии противостояния.

Как указывает Дж. Бройи, «в мире, где политическая легитимность прежде никогда не основывалась на национальности», национальные движения с самого начала были *оппозиционными*. Только на более позднем этапе «правительства, сформированные националистической оппозицией либо взявшие на вооружение идеи таких оппозиций, сами делали националистические аргументы основой своих претензий на законный статус»²¹³. Таким образом, национализм изначально представлял и как оппозиция существовавшим государственным образованиям, и как фактор формирования национальных государств.

Однако такое положение вещей можно констатировать только в момент перехода к новому типу государств — национальному. Впоследствии в политической практике возникли ситуации, когда национальные движения начали развиваться в рамках уже сформировавшихся национальных государств. В этом случае они стали оппозиционными национальным государствам. В связи с этим в своей книге «Национализм и государство» Дж. Бройи проводит разграничение между «оппозицией ненациональным государствам» и «оппозицией национальным государствам»²¹⁴ и выстраивает типологию национализмов, выделяя в качестве наиболее распространенных «унификационный» и «сепаратистский» национализм.

Признавая ценность концепции Дж. Бройи как достаточно полной политической теории национализма, многие

²¹² Breuille J. Nationalism and the State. — Manchester, 1993. — P. 75–95.

²¹³ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 226.

²¹⁴ Breuille J. Nationalism and the State. Manchester, 1993. — P. 9.

исследователи отмечают ряд ее недостатков, указывая, к примеру, что «некоторые национализмы не стремились достичь полной независимости, предпочитая получение максимальной культурной и социально-экономической автономии для своего отечества в рамках более крупного федеративного суверенного государства»²¹⁵. Однако данное замечание не является, на мой взгляд, принципиальным. Гораздо существеннее тот факт, что национализм реализуется не только в формах политики, но и представляет собой форму культуры («культурный национализм»). «Сведение Бройи понятия национализма к его политическим формам, — справедливо отмечает Э. Смит, — хотя и делает более ясным его политические цели и роль, но упускает важнейшие аспекты национального культурного и социального возрождения, которое национализм стремится осуществить»²¹⁶. Также, признавая важность политологического объяснения национализма как попытки нивелирования раскола между современным государством и обществом, Э. Д. Смит критикует Дж. Бройи за то, что тот «не придает значения роли неполитических факторов», к которым могут быть отнесены образы и символы нации, создаваемые «интеллектуалами», «лицами свободных профессий» и «лицами умственного труда». Поскольку «без таких образов и репрезентаций политическое движение было бы просто анти — (или про-) государственным движением»²¹⁷.

Кроме того возникают проблемы с самим «последовательно политическим подходом к анализу национализма». *Такой подход*, подразумевающий рассмотрение исключительно политических институтов, групп и сообществ, хотя и позволяет сосредоточиться исключительно на политическом противостоянии, не в полной мере объясняет факт апелляции националистических движений к досовременным или дополитическим общностям²¹⁸. Действительно, сам Дж. Бройи при рассмотрении случаев формирования Германии и Италии как национальных государств указывает на значимость представлений о существовавших прежде, но утраченных общностях, ставших

²¹⁵ Смит Э. Д. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 174.

²¹⁶ Там же. — С. 175.

²¹⁷ Там же. — С. 177.

²¹⁸ Там же.

основой унификационного национализма. Однако он не дает ответов на вопросы о том, «почему в некоторый исторический момент интересы данного сообщества вторгаются в сферу политики, почему политическое сообщество расширяется»²¹⁹.

Не трудно заметить, что Дж. Бройи избегает всяких внеполитических объяснений национализма, особенно из области экономики или культуры. Результатом этого становится характеристика национализма исключительно как формы политики, но только лишь формы. Таким образом, Дж. Бройи хотя и «выполняет поставленную перед собой ограниченную задачу», но оставляет «другим исследователям построение более общей теории»²²⁰.

Таким образом, к несомненным достоинствам «политического модернизма» можно отнести 1) признание четких и признанных в международном масштабе территориальных границ наций, 2) акцентирование первичной роли политических элит и политических институтов в процессе образования наций и национальных государств, 3) разносторонний анализ роли государства «как центрального элемента националистических идеологий во всем мире»²²¹. Но «политический модернизм» имеет и слабые стороны. Так, если в рамках «социально-культурного модернизма» основное внимание было уделено новому типу сообщества, то здесь те особые связи, которые объединяют отдельных индивидов в горизонтальное братство — нацию, оказываются за пределами исследования. Не до конца понятным оказывается и механизм распространения национальных идей во всех слоях населения. «Что и кто побуждает обычных людей идентифицировать себя с нацией?». Во многом ответы на данный вопрос дают представители «социально-конструктивистского подхода».

Социальный конструктивизм М. Хроха и Э. Хобсбаума.

Даже поверхностное сравнение концепций двух этих исследователей позволяет заметить их значимое отличие: в концепции М. Хроха не прослеживается стремление к созданию общей модели становления национальных государств в Европе.

²¹⁹ Смит Э. Д. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 177.

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же. — С. 182–183.

Исследователь ограничивается в основном рассмотрением тех случаев, когда национальное государство возникло в результате сецессии. Он считает, что процесс отделения обусловлен деятельностью национальных движений, и в связи с этим уделяет основное внимание процессу формирования, распространения и превращения национальной идеологии в политический лозунг.

Несмотря на отказ от создания универсальной модели национального строительства, М. Хрох все же исходит из того, что «процесс создания наций понимается не как неисчислимое множество единичных и неповторимых событий, а как часть масштабной трансформации общества, поддающаяся контролируемому обобщениям»²²². Для М. Хроха, в отличие от Э. Хобсбаума, главными в данном случае являются не столько действия элит и способность интеллектуалов «изобретать» национальные сообщества, а «объективные предпосылки для образования наций»²²³. Поэтому он подчеркивает, что в центре его рассмотрения находятся национальные, а не националистические движения. Ибо в его представлении «национализм» представляет собой мировоззрение, в рамках которого ценности нации обладают абсолютным приоритетом перед «всеми иными ценностями и интересами»²²⁴.

Исследователь определяет нацию как «большую социальную группу, цементируемую не одним, а целой комбинацией нескольких видов объективных отношений (экономических, политических, языковых, культурных, религиозных, географических, исторических), и их субъективным отражением в коллективном сознании». При этом с его точки зрения три вида отношений «остаются абсолютно незаменимыми». К ним относятся: 1) «память» об общем прошлом, толкуемом как «судьба» группы или хотя бы ее ключевых элементов»; 2) «плотность и интенсивность языковых или культурных связей»; 3) «концепция равенства всех членов группы, организованных в гражданское общество»²²⁵.

²²² См.т Э. Д. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 121.

²²³ Там же. — С. 122.

²²⁴ Там же. — С. 124.

²²⁵ Там же. — С. 122.

С точки зрения М. Хроха процесс формирования нации «не был предопределен и необратим», он мог прерываться или «возобновляться после долгой паузы». При этом на европейском континенте национальное строительство происходило в два этапа. На протяжении первого из них в Западной Европе современный тип государства формировался вокруг одной доминирующей этнической культуры. Затем, путем преобразований, имевших форму реформ или же революций, происходило параллельное оформление и гражданского общества, и национального государства «как сообщества равноправных граждан». Однако в Восточной Европе дело обстояло совершенно иным образом. Здесь правящий класс, состоявший из «чужеземцев», «доминировал над этническими группами, которые занимали компактную территорию», но не имели ни собственной знати, ни политического единства, ни «продолжительной культурной традиции»²²⁶.

Тем не менее, утверждал М. Хрох, принципиальная разница в формировании национальных государств в различных частях Европы заключалась не столько во времени, сколько в способе обретения нового типа государственности. Он считал, что главной движущей силой становления национальных государств в Центральной и Восточной Европе являются национальные движения.

По мнению М. Хроха, началом национального строительства в Центральной и Восточной Европе следует считать момент, «когда отдельные группы в пределах недоминантной этнической общности принялись обсуждать собственную этническую принадлежность» и воспринимать ее с позиций превращения «в будущем в полноценную нацию». Со временем данные группы смогли обозначить для себя те «конкретные черты, которых не доставало их будущей нации» и начали прилагать усилия к тому, чтобы их общность смогла обрести эти черты. Затем они стали убеждать представителей своей этнической общности в «важности сознательной принадлежности к нации»²²⁷. Иначе говоря, предпосылками последующего строительства национального государства оказываются

²²⁶ Смит Э. Д. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 123.

²²⁷ Там же. — С. 124.

а) появление групп, проблематизирующих современное состояние и перспективы собственной этнической общности; б) формулирование этими группами плана действий и в) распространение их убеждений в иных социальных слоях населения. Опираясь на эти представления, М. Хрох выделил три основные фазы развития национальных движений: «А», «В» и «С».

С его точки зрения, в первой из указанных фаз активисты национальных движений проводили «тщательное исследование языковых, культурных, социальных и иногда исторических черт» своей этнической общности, пытаясь закрепить установленные ими факторы в сознании других. В этот период развития национальных движений осуществлялся сбор информации «об истории, языке и обычаях недоминантной этнической группы». Посредством этого «исследователи-эрудиты» закладывали «основу для последующего формирования “национальной идентичности”». Однако в данной фазе еще не происходило формулирование каких-либо «национальных» требований. Превращение научных интересов в политическую программу произошло в следующей фазе «В»²²⁸.

На данном этапе появляется «новое поколение активистов», старающееся обрести большое количество сторонников «для реализации планов по созданию будущей нации» посредством «патриотической агитации». Здесь М. Хрох выделяет три процесса, способствующих данной трансформации: *во-первых*, «социальный и/или политический кризис старого порядка»; *во-вторых*, «возникновение разногласий между влиятельными группами населения»; *в-третьих*, «утрата веры в традиционные нравственные системы», в том числе и «упадок религиозного авторитета»²²⁹. Все это вместе с развитием социальной мобильности и коммуникации позволило (в первую очередь, самим активистам) сформировать «повестку дня» для социально-политической трансформации.

Наконец, в фазе «С» национальные движения становились массовыми благодаря тому, что «подавляющая часть населения начинала придавать особое значение своей национальной принадлежности». Распространению национальной

²²⁸ Смит Э. Д. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 125–129.

²²⁹ Там же.

идеологии среди широких слоев населения зачастую способствовало «социальное напряжение или противоречие, которое могло бы наложиться на языковые (а подчас и религиозные) различия»²³⁰.

Успешное прохождение всех трех стадий, по мнению Хроха, влечет за собой появление нового национального государства, поскольку «отождествление с национальной группой предполагает... создание персонифицированного образа нации», а «персонифицированный национальный организм... требует себе собственного отдельного пространства»²³¹.

Опираясь на указанные обобщения, М. Хрох делает вывод, что для успеха национального движения и, следовательно, становления национального государства, необходимо наличие как минимум четырех условий. *Во-первых*, необходим кризис легитимности, связанный «с социальными, моральными и культурными деформациями». *Во-вторых*, нужен «базисный уровень вертикальной социальной мобильности». *В-третьих*, надо достичь «довольно высокого уровня социальной коммуникации, в том числе грамотности, школьной подготовки и рыночных отношений». И, *в-четвертых*, должны возникнуть конфликты интересов, наложенные на языковые, конфессиональные, этнические расколы²³². Нередко процесс становления наций и национальных государств в Центральной и Восточной Европе обрывался, однако предыдущий опыт предоставлял будущим национальным движениям серьезные ресурсы.

Предложенная исследователям схема позволяет во многом понять, почему в ряде случаев появление национальных идеологий и устремлений привело, по меньшей мере, к получению значительной политической автономии (а зачастую и к формированию национального государства), а в других случаях этого не произошло. Именно поэтому идеи М. Хроха привлекают внимание многих исследователей. Тем не менее, концепция автора не лишена и определенных недостатков.

²³⁰ Смит Э. Д. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 125, 131.

²³¹ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 136–137.

²³² Там же. — С. 133.

По мнению некоторых специалистов, наиболее слабым местом в рассуждениях М. Хроха является представление о нации как политизированной этничности: в его концепции «этносты» являются своеобразным материалом для наций. «Складывается впечатление, — пишет М. В. Ноженко, — что этнические группы были даны изначально, а «исследователи-эрудиты» просто «открывали» их для мира. Однако, как указывают многие специалисты, этническая самоидентификация тоже является феноменом Нового времени, и границы этнических «мы-сообществ» стали формироваться достаточно поздно. Другими словами, этническая общность, также является воображаемым сообществом.

Даже в тех частях европейского континента, где разница между правящими «чужеземцами» и управляемыми «местными» явно бросалась в глаза, происходило, скорее, выделение «чужих», чем определение «своих». До возникновения у интеллектуалов интереса к народной культуре, «обычные» люди не имели представлений о том, что они говорят на диалекте какого-то общего языка, объединяющего их с соседями. Поэтому политизация представления о том, что «нами» не имеют права управлять «чужие» произошла достаточно поздно — сначала должно было возникнуть представление о «нас»²³³.

Впрочем, это довольно спорное утверждение. На мой взгляд, наиболее уязвимым местом концепции является объяснение появления наций и национальных государств исключительно деятельностью национальных движений, существующих как бы вне общего исторического контекста развития Европы. В итоге без ответа остается вопрос о том, почему в одних случаях переход в фазу «С», то есть массовое распространение национальной идеи, приводит к формированию национального государства, а в других это распространение ограничивается предоставлением широкой культурной и политической автономии. Если нация является, с одной стороны, порождением национальных движений, а, с другой стороны, она неразрывно связана с идеей отдельного политического пространства, то почему на современной политической карте, например,

²³³ Ноженко М. В. Национальные государства в Европе. — СПб., 2007. — С. 78–79.

присутствует государство Польша, но отсутствует независимая Страна Басков? Другими словами, почему успешный переход в фазу «С» в случае польского национального движения привел к становлению государственности, а в случае с басками этого не произошло? При ответе на эти вопросы, очевидно, следует учитывать и множество других факторов, связанных с особенностями развития различных регионов Европы. Достаточно удачная попытка такого рода была предпринята Э. Хобсбаумом.

Представления Э. Хобсбаума о нациях, национализме и национальных государствах являются превосходной иллюстрацией модернистской парадигмы, поскольку его взгляды перекликаются со многими ее представителями. Во-первых, подобно Э. Геллнеру он определяет национализм как «принцип, согласно которому политические и национальные образования должны совпадать». При этом исследователь дополняет данную дефиницию замечанием, перекликающимся с идеями Б. Андерсона²³⁴. А в целом для него национализм представляет собой «политическую программу», целью которой является формирование нациями государств «того стандартного образца, который утвердился со времен Французской революции»²³⁵.

Во-вторых, Э. Хобсбаум считает, что нация «всецело принадлежит к конкретному, по меркам истории недавнему периоду», поскольку она неразрывно связана «с определенным типом современного территориального государства, с “нацией-государством”». Поэтому «анализ национализма должен предшествовать анализу наций»²³⁶. Также он поясняет, что появление наций и национальных государств обусловлено «вполне определенным этапом экономического и технического развития», в силу того, что литературные национальные языки «не

²³⁴ Так, он утверждает, что в современных условиях «политический долг» членов нации «выше всех прочих общественных обязанностей, а в экстремальных случаях (таких, например, как война) он должен подчинять себе любого рода обязанности». (Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 года*. — СПб., 1998. — С. 18-19.)

²³⁵ Хобсбаум Э. *Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм*. — М., 2002. — С. 334.

²³⁶ Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 года*. — СПб., 1998. — С. 19.

могут возникнуть до распространения книгопечатания, массовой грамотности... и всеобщего школьного обучения»²³⁷. В третьих, исследователь подчеркивает ключевой момент своей концепции: ту роль, «которую играют в процессе формирования наций искусственное конструирование, целенаправленное изобретение и социальная инженерия»²³⁸.

При этом Хобсбаум справедливо указывает на методологические трудности, с которыми сталкиваются исследователи наций, национальных государств и национализма. Так, в частности, он считает, что все предпринимавшиеся ранее «попытки установить объективные критерии “статуса нации” или же объяснить, почему некоторые социальные группы превратились в “нации”, а другие — нет» были безуспешными прежде всего потому, что сами критерии, которые использовали исследователи — язык, этническая принадлежность, общие территория и история, или иные культурные характеристики — являются «зыбкими, неустойчивыми и двусмысленными»²³⁹.

Другой сложностью является «измерение» степени распространенности националистических идей в обществе. Как отмечает Э. Хобсбаум, «национальная идея в формулировке ее официальных поборников не обязательно совпадает с истинным самоощущением соответствующих народов»²⁴⁰. Так как официальные лозунги и воззрения лидеров национальных государств и национальных движений не дают возможности «понять, что же в действительности думали даже самые лояльные граждане и верные сторонники»²⁴¹. В связи с этим он пытается подчеркнуть значимость как субъективных, так и объективных факторов, использовать идеи Геллнера и периодизацию становления национальных движений М. Хроха. При этом основное внимание исследователь уделяет переходу от фазы «В» к фазе «С», который, по его мнению, является «ключевым моментом в истории национальных движений»²⁴².

²³⁷ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. — СПб., 1998. — С. 20.

²³⁸ Там же. — С. 19.

²³⁹ Там же. — С. 12–13.

²⁴⁰ Там же. — С. 213.

²⁴¹ Там же. — С. 21.

²⁴² Там же. — С. 23.

Особое внимание в своей работе «Нации и национализм после 1780 года» Э. Хобсбаум уделяет способам конструирования новых сообществ, которые представляют собой не просто набор политических решений, но и элементы социальной инженерии. И, поскольку для исследователя понятия «нация» и «государство» неразрывно связаны между собой, он уделяет большое внимание вопросу формирования «национального патриотизма».

В частности он задается вопросом: «почему понятие национального патриотизма, столь далекое от реального жизненного опыта большинства людей, могло так быстро превратиться в чрезвычайно мощную политическую силу?»²⁴³. По его мнению, это связано с целенаправленными усилиями государства. Как указывает Хобсбаум, вместе с национальными государствами возникли совершенно новые символы: государственный гимн, флаг и герб, «посредством которых независимая страна заявляет о своей идентичности и суверенности». Данные символы «внушают чувство уважения и преданности», поскольку в них отражается «полнота прошлого, национальной мысли и культуры»²⁴⁴. Однако сами они являются достаточно поздним изобретением. Так, первым государственным гимном является британский, появившийся в 1740 году. А многие государственные флаги представляют собой «различные вариации на тему французского триколора, оформившегося в 1790–1794 годах»²⁴⁵. В целом же ситуации, напоминающие людям об их гражданстве, «постоянно ассоциируются с символами и полуритуальными действиями, большинство из которых... являются изобретенными историческими новшествами»²⁴⁶, результатом «изобретения традиций».

Под «изобретенной традицией» Э. Хобсбаум понимает «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил». Целью такой традиции

²⁴³ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. — СПб, 1998. — С. 74.

²⁴⁴ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии, 2000, № 1, с. 58.

²⁴⁵ Там же, с. 54.

²⁴⁶ Там же, с. 58–59.

является «внедрение определенных ценностей и норм поведения». При этом исследователь подчеркивает, что спецификой изобретенных традиций является то, что «их связь с историческим прошлым, по большей части фиктивная». Другими словами, данные традиции представляют собой ответ «на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой»²⁴⁷.

Несмотря на то, что изобретенные традиции можно найти в любые исторические периоды, чаще всего их появление было связано с радикальными преобразованиями обществ. В ходе таких трансформаций «быстро разрушались социальные формы, под которые подстраивались старые традиции, а взамен возникали такие формы, к которым эти традиции уже невозможно было приложить»²⁴⁸. Как было показано многими исследователями, становление национальных государств в Европе происходило как раз в период кардинальной социально-экономической и политической перестройки прежней системы династических государств. А это значит что многие «государства и национальные движения могли использовать в собственных целях определенное чувство коллективной принадлежности», способное превратиться в национальный патриотизм. Это чувство «уже существовало и обладало... потенциальной способностью действовать на новом, макрополитическом уровне, соответствующем современным нациям и государствам». Поэтому прежние связи, которые еще до прихода эры национализма объединяли воедино жителей тех или иных территорий, Хобсбаум определил как «*протонациональные*»²⁴⁹. В своей работе «Нации и национализм после 1780 года» он уделяет целую главу рассмотрению различных протонациональных связей, однако в итоге приходит к заключению, что только два их вида — религия и государство (верховная власть) — имеют определенную связь с национализмом. Здесь Э. Хобсбаум оппонирует Б. Андерсону, с точки зрения которого как раз эрозия двух основных «культурных систем»

²⁴⁷ Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии, 2000, № 1, с. 48.

²⁴⁸ Там же, с. 51.

²⁴⁹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. — СПб., 1998. — С. 75.

прошлого — религиозного сообщества и династического государства — открыла дорогу национализму.

В частности, исследователь приводит примеры Ирландии и Польши, где конфессиональная принадлежность сыграла важную роль при становлении национального самосознания. Он признает, что «религия — это старый испытанный способ, позволяющий через общую обрядовую практику и своеобразное братское чувство соединить людей, в остальном имеющих между собой мало общего». Тем не менее он указывает, что религия не является универсальной «скрепой» для национализма, поскольку «племенные религии оперируют, как правило, на слишком ограниченном для современных наций пространстве и противятся его расширению», а «мировые религии... по определению универсальны, а потому должны стирать этнические, языковые, политические и прочие различия»²⁵⁰. Поэтому «религия сама по себе», с точки зрения Э. Хобсбаума, не является «необходимым отличительным признаком протонациональности», однако «святые иконы», которые она создает, «представляют собой важнейший компонент как протонациональности, так и современного национализма».

Подобно М. Хроху, важнейшим критерием протонационализма Хобсбаум считает «чувство принадлежности (в настоящем или прошлом) к устойчивому политическому образованию». Здесь он, так же как и Э. Геллнер, и Ю. Хабермас обращается к разнице между «нацией знати» и «народом-нацией» (в терминах Ю. Хабермаса — *Adelsnation* и *Volksnation*). При этом он подчеркивает, что хотя в «национализме знати» можно... видеть протонациональный феномен», «скрепа» принадлежности к государству будет более прочной в том случае, если она «ассоциируется с определенным *Staatsvolk* или “государственным народом”»²⁵¹. Однако в любом случае связь в настоящем или прошлом с политическим образованием способна «оказывать непосредственное воздействие на сознание простого народа», порождая чувство общности²⁵².

²⁵⁰ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. — СПб., 1998. — С. 109–110.

²⁵¹ Там же. — С. 117–118.

²⁵² Там же. — С. 121.

Хотя протонационализм и «облегчал задачу национализма», однако, по мнению Э. Хобсбаума, нельзя говорить о том, что «оба эти феномена тождественны или что один из них неизбежно влечет за собой другой». Протонациональная основа желательна, но не обязательна для возникновения «националистического движения, ставящего своей целью образование самостоятельного государства»²⁵³. Примером этому может служить национализм, доминировавший на европейском континенте после 1880 года, который зачастую не имел такого мощного союзника, как «чувство принадлежности к устойчивому политическому образованию».

Введение Э. Хобсбаумом понятия «протонациональные связи» сделало существенно прочнее позиции представитель модернистской парадигмы в той части их спора с перенниалистами, которая касается наличия у наций глубоких исторических корней. Ведь для сторонников перенниализма свойственно говорить о «пробуждении» в XVIII–XIX веках наций и национального духа. Это созвучно представлениям идеологов европейского национализма того времени. Как указывает Б. Андерсон, «новые национализмы в Европе почти сразу же стали представлять себя в своем воображении «пробудившимися ото сна», что было чуждо национализмам Америки»²⁵⁴.

Кроме того введение понятия «протонациональные связи» позволяет модернистам утверждать, что хотя во многих нациях и можно обнаружить своеобразные рудименты предшествующих им сообществ, однако нельзя говорить о том, что первые являются прямыми наследницами вторых. Напротив, нередко связь между нациями как феноменами Нового времени и протонационализмом может оказаться либо мнимой, либо чрезвычайно сложной и неясной²⁵⁵. Конечно, Э. Хобсбаум не был первым представителем модернистской парадигмы, попытавшимся установить взаимосвязь между донациональным

²⁵³ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. — СПб., 1998. — С. 124–125.

²⁵⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 211.

²⁵⁵ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. — СПб., 1998. — С. 114, 122.

прошлым и националистическим настоящим. Так, например, в уже рассмотренной работе Б. Андерсона присутствует идея о том, что определенную роль при формировании «воображаемых сообществ» играло не только настоящее, но порой и весьма далекое прошлое. Он пишет о начавшемся в XIX веке процессе приписывания «национальным» героям прошлого образа мыслей, характерного для эпохи национализма²⁵⁶. Однако именно Э. Хобсбаум был первым, кто достаточно подробно рассмотрел процесс своеобразной «конверсии» прошлых связей в элементы новой общности — нации.

Еще одной несомненной заслугой автора является указание на те способы формирования и поддержания национальной идентичности, которые существуют в арсенале государственных органов управления. Так, в первой половине XX века, когда политические лидеры многих «национальных» государств Европы открыли для себя наличие несоответствия между национальной идеей и самоощущением простых граждан, началось активное культивирование патриотических чувств. В этот период существенным подспорьем для социальной инженерии стало появление «новых способов самовыражения» — *средств массовой информации и международного спорта*. С помощью прессы, кино и радио государство получило возможность «унифицировать и изменять в собственных интересах массовое сознание и, естественно, превращать его в объект целенаправленного пропагандистского воздействия». Кроме того помимо прямой пропаганды идей СМИ обладают и важной способностью трансформировать национальные символы «в элемент повседневной жизни рядового человека, разрушая, таким образом, границу между приватно-локальной сферой существования большинства граждан и областью публично-государственной»²⁵⁷.

²⁵⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 214–215. Данный процесс характерен для многих случаев национального строительства. Он находит свое отражение не только в учебниках по национальной истории, но и в художественных произведениях, посвященных героям прошлого.

²⁵⁷ Хобсбаум Э. (1998) Нации и национализм после 1780 года. — СПб., 1998. — С. 224–225.

Разрушению этой границы способствует также спорт, который превратился в межвоенной Европе из состязания индивидов или команд в поединки между государствами. До этого «такие события, как Олимпийские игры или международные футбольные матчи» представляли интерес, в первую очередь, для представителей среднего класса. Основной целью большинства спортивных состязаний являлось также снятие межэтнической напряженности между сегментами политических обществ. Как указывает Э. Хобсбаум, «элемент ритуальной “разрядки” легко обнаруживается в играх между командами Австрии и Венгрии — первых международных футбольных матчах, организованных на континенте». Такие состязания символизировали не различия, а, напротив, государственное единство, поскольку «дружеское соперничество» между этническими группами «должно было, по идее, лишь обострять чувство принадлежности к единому целому». Однако после окончания первой мировой войны международный спорт «превратился в элемент национального соперничества, а сами спортсмены... — в важный символ их воображаемой общности», поскольку «в виде команды из одиннадцати человек с конкретными именами воображаемая общность миллионов кажется более реальной»²⁵⁸.

Таким образом, чувство принадлежности к нации, с точки зрения Э. Хобсбаума, сознательно формируется политическими элитами и интеллектуалами посредством «изобретения традиций». При этом некоторые из таких традиций изобретаются «с нуля», тогда как другие опираются на протонациональные связи, что, безусловно, провоцирует появление представлений о нации как о феномене, имеющем глубокие исторические корни.

Невзирая на ряд достоинств, концепция образования наций и национальных государств Э. Хобсбаума была подвергнута критике, прежде всего за преувеличенное внимание к деятельности элит и недооценку роли народных масс. По мнению Э. Д. Смита, Э. Хобсбаум «не отводит “массам” никакой роли в качестве субъектов истории». В его концепции «они пассивны,

²⁵⁸ Хобсбаум Э. (1998) *Нации и национализм после 1780 года.* — СПб., 1998. — С. 225–226.

действуют по указке элит, ...а их культуры и общественные объединения даже там, где они обладают определенной автономией, не играют никакой роли в политике»²⁵⁹. Кроме того «при рассмотрении наций как состоящих главным образом из “изобретенных традиций” ... слишком большое значение придается изобретению и слишком большая роль отводится изобретателям»²⁶⁰. Наконец, в представленном подходе элитам также приписывается «большой инструментальный рационализм, чем имеет место в действительности»²⁶¹.

С этими замечаниями следует согласиться и добавить, что, во-первых, не всегда «изобретателями» национальных символов и даже некоторых традиций являются политические (или интеллектуальные) элиты, а во-вторых, нередко изобретение традиций оказывается результатом случайного стечения обстоятельств или инициатив «снизу»²⁶². К тому же «сведение национализма к процессу изобретения традиций не позволяет в полной мере понять, что же конкретно должны чувствовать и думать люди, чтобы их можно было причислить к такому политическому сообществу, как нация. Можем ли мы причислять к членам нации тех, кто в силу определенных причин не участвует (или участвует изредка) в ритуальных действиях? Например, являются ли футбольные фанаты большими сторонниками национальной идеи, чем те, кто не интересуется спортом? Кто является большим патриотом: человек, вывесивший на своем доме государственный флаг, или тот, кто считает своим гражданским долгом участие в выборах?»²⁶³.

²⁵⁹ Смит Э. Д. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 238.

²⁶⁰ Там же. — С. 242–243.

²⁶¹ Там же. — С. 240.

²⁶² Показательной в данном случае является традиция празднования Дня взятия Бастилии. Национальным праздником 14 июля стало во Франции только в 1879 году. При этом одним из главных атрибутов праздничных торжеств являются балы и танцевальные вечеринки. «Такая, на первый взгляд, плохо стыкующаяся с самим событием танцевальная традиция, — отмечает М. В. Ноженко, — сложилась еще в первые годы после взятия неприступной тюрьмы. По легенде, через год после того как Бастилию разрушили до основания, на освобожденном месте была установлена надпись “Здесь танцуют”, и под таким лозунгом прошли народные гуляния. С тех пор 14 июля не мыслится французами без балов и танцевальных вечеринок». (Ноженко М. В. Национальные государства в Европе. — М., 2007. — С. 89.)

²⁶³ Там же.

Хотя конструктивистам так и не удалось до конца описать механизмы формирования устойчивой национальной идентичности, бесспорным достоинством «конструктивистского подхода» является экспликация процедур, которые позволяют распространить национальную идеологию на широкие слои населения. Он объясняет более детально, чем все рассмотренные ранее точки зрения, роль политических элит в формировании наций, то, почему люди соотносят себя с воображаемым сообществом — нацией.

Суммируя промежуточные итоги методологического исследования различных версий модернистского подхода к образованию национальных государств, следует еще раз подчеркнуть основные особенности этой исследовательской парадигмы, основывающейся, повторим, на различении «современного» (западного) и «традиционного» обществ.

1. Если для перенниалистов нация является политизированным этнокультурным сообществом, объединенным общим происхождением и претендующим на этом основании на политическое признание, то для модернистов нация — это территориальная политическая общность, гражданское объединение юридически равных граждан на конкретной территории.

2. С точки зрения перенниалистов, нация «укоренена» во времени и пространстве; она неразрывно связана со своей исторической родиной. Модернисты полагают, что нация — это сотворенный феномен. Она сознательно и продумано «строится» ее членами или создается элитами, которые стремятся влиять на эмоции масс, чтобы достичь своих целей.

3. Помимо этого модернисты полагают, что нации, как правило, расколоты и подразделяются на некоторое количество (региональных, классовых, гендерных, религиозных и проч.) социальных групп, каждая из которых обладает своими собственными интересами и потребностями.

4. Невзирая на разницу в приоритетах, отдаваемых представителями различных версий модернизма той или иной группе факторов в процессе образования наций и способствующих появлению государств современного типа, общим для них является понимание исторического движения «от государства к нации». Другими словами, не нации получают в свое пользование государства, а государства обретают или формируют нации.

Вместе с тем с тем, акцентируя внимание на преобразующей социальной действительности совместной социально организованной деятельности людей, модернисты в ряде случаев игнорируют естественноисторический (объективный) характер образования нации и национальных государств.

На мой взгляд, этот недостаток преодолевается в неомарксистской (естественноисторической) версии социального конструктивизма, которой в дальнейшем я буду придерживаться. Согласно этому взгляду «люди сами творят свою историю», но творят ее не произвольно и лишь в актах субъективного и intersubъективного индивидуального опыта, а под воздействием многих не зависящих от них обстоятельств и в соответствии с мерой их познания, определяющей успешность предметно-практического преобразования окружающей их действительности в желаемое состояние. С определенными уточнениями, связанными с различным пониманием «базисных» причин социальных трансформаций, с такой естественноисторической версией социального конструктивизма К. Маркса были солидарны сначала О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, а затем А. Тойнби, Шпенглер, П. Сорокин, К. Ясперс, Э. Балибар, И. Валлерстайн и многие другие выдающиеся социологи и историки, различающие *предметно* и *духовно-практические* формы деятельности. Эта же философская онтология истории, в неявном виде, присутствует в качестве базового основания в рассмотренных нами модернистских концепциях образования наций и национальных государств, «общим местом» которых является представление о человеческой деятельности как способе существования и трансформации всех исторических явлений и процессов, о принципиальной возможности их познания. Различия, как уже отмечалось, состоят лишь в акцентуации тех или иных групп объективных и субъективных факторов, комплексное воздействие которых вместе с тем должно быть учтено. На это, кстати, указывали Б. Андерсон, Э. Геллнер, М. Манн, Э. Хобсбаум, П. Чаттерджи, иные адепты модернистской парадигмы²⁶⁴.

²⁶⁴ Так, Э. Геллнер прямо называл свой подход немарксистской версией «исторического материализма». Б. Андерсон воздерживался от таких квалификаций, что не уберегло его от обвинений Л. Гринфельд

Но в своих работах они, как было показано, они не выдерживали данное требование, отдавая предпочтение социальным, культурным, политическим и др. интерпретациям этого сложного исторического феномена.

Пожалуй, наиболее отчетливо неомарксистская версия социального конструктивизма получила воплощение в работах К. Дойча, обратившего внимание на ряд объективных (социальных, экономических, политических и других) факторов национальной интеграции и роль социальной мобилизации в формировании наций и национальных государств.

Сопоставляя «феодальный» и следующие за ним периоды европейской истории, К. Дойч приходит к выводу, что ни в одном из европейских полиэтнических государств (да и нигде в мире) приобщение к «общим культурным стандартам» никогда «не было полным» ни в одной из социальных групп населения. Общая культура вообще не играла большой роли в интеграции из-за ее незначительного влияния на жизнь основной массы народа — сельского населения²⁶⁵. И лишь «когда это относительно пассивное население было мобилизовано в процессе экономического развития и политической организации, его культурные и социальные характеристики в каждом случае приобретали ключевое значение в процессе национального строительства»²⁶⁶.

По мнению Дойча, «рост наций» теснейшим образом связан с образованием государств нового типа: эти процессы взаимно обуславливают друг друга, объективным образом формируются под влиянием ряда факторов. Какие же общие

в «материалистическом понимании социальной реальности». Подробнее о взглядах Л. Гринфельд см.: Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. — М., 2005. — С. 87–89.

²⁶⁵ «И даже там, где ее влияние было сильным и с течением веков привело к культурной ассимиляции, сохранявшаяся пассивность и отсутствие возможностей прямого участия в решении более важных дел в конечном счете не обеспечило полной интеграции — независимо от того, было ли подчиненное сельское население в известной мере приобщено к единой культуре, как в Италии, или оставалось резко дифференцированным, как чехи и немцы в Богемии или малайцы и китайцы в Малайе» // Дойч К. Рост наций // Этнос и политика. Хрестоматия. — М., 2000. — С. 64.

²⁶⁶ Там же.

черты характеризуют рост наций и формирование национальных государств в прошлом? По мнению К. Дойча, это:

1. Переход от натурального хозяйства к экономике обмена.
2. Социальная мобилизация сельских жителей в ядрах (центральных районах) с большей плотностью населения и более интенсивным обменом.
3. Рост городов, социальной мобильности в них, а также между городом и деревней.
4. Развитие базовых коммуникационных сетей, соединяющих важные реки, города и торговые пути в потоке транспорта, путешествий и миграций.
5. Дифференциальное накопление и концентрация капитала и профессиональных навыков, иногда также социальных институтов, и эффект "перекачки" их в другие районы и группы населения с последующим вступлением различных социальных слоев в националистическую фазу.
6. Появление концепции интереса у индивидов и групп с неравным, но переменчивым статусом, и рост индивидуального самосознания, а также осознания своей предрасположенности присоединяться к группе, объединяемой общим языком и коммуникативными привычками.
7. Пробуждение этнического самосознания и принятие национальных символов, введенных преднамеренно или сложившихся естественным путем.
8. Совмещение этнического, самосознания с попытками политического принуждения, а в некоторых случаях попытки преобразовать свой народ в привилегированный класс, которому подчинены представители других народов»²⁶⁷.

Последовательно рассматривая все эти группы факторов, Дойч устанавливает иерархию их значимости, в которой рост этнического и национального сознания оказывается «вторичен» по отношению к естественно исторически возникающей группе социально-экономических причин — переходу к экономике обмена, росту городов, базовых коммуникационных сетей, концентрации капитала и профессиональных

²⁶⁷ Дойч К. Рост наций // Этнос и политика. Хрестоматия. — М., 2000. — С. 65. См. также: Deutsch, Karl W. Tides among Nations. — New York: Free Press, 1979. — P. 18.

навыков, — каждый из которых, в конечном счете, стимулирует рост «социальной мобилизации».

Социальная мобилизация — ключевое понятие и ведущий фактор роста «национализма» индивидуального сознания и, разумеется, сознания группового. «Периоды социальной мобилизации, быстрых изменений традиционного социального контекста, — пишет Дойч, — обостряют сомнения и самосознание индивидов. Вопросы “Кто я?”, “На кого я похож?”, “Кому я могу доверять?” приобретают новую остроту и требуют нетрадиционного ответа. По мере поиска ответов на эти вопросы люди пытаются оценить себя, свои воспоминания, предпочтения, привычки, конкретные образы и даже специфические слова, посредством которых все это передавалось и фиксировалось в их памяти. Поскольку старые культурные или религиозные образцы, верования и обряды подвергаются сомнению, эти внутренние поиски должны привести к воспоминаниям детства и к родному языку, запечатлевшему значительную часть жизненного опыта и в определенном смысле сформировавшего характер и личность. В итоге поиски своей индивидуальности могут привести к национальности, а стремление к общению с себе подобными может раскрыть индивидуальную связь между этнической национальностью и потенциальной возможностью товарищества (т. е. национальной жизни)»²⁶⁸.

Если индивидуальное осознание языка, религии и культурных традиций своего народа, продолжает Дойч, может показаться делом личной психологии, то национализация (национализм) группового и массового сознания²⁶⁹ явно связана с всплесками социальной мобилизации (поддерживаемых властью), которые делают необратимым процесс распространения национальных символов: «Поток воспоминаний открыт и отчасти самовоспроизводится, и до тех пор, пока сохраняются основы для существования этнической группы и социальная мобилизация и коммуникации продолжают спланировать ее членов, национальное самосознание сохраняется. И едва ли

²⁶⁸ Deutsch, Karl W. *Tides among Nations*. — New York: Free Press, 1979. — P. 27.

²⁶⁹ Выражающаяся, прежде всего, в устойчивом воспроизводстве «национальных символов».

можно ожидать, что оно уступит место наднациональной лояльности до тех пор, пока в сфере объективной реальности не появится основа для привлекательности более широких наднациональных символов, не менее актуальных и частых в повседневной жизни индивидов и столь же существенных для их интересов, языка, коммуникаций и мыслей, как те переживания, которые привели к осознанию национальности».

При наличии объективной социальной мобилизации символы и институты группового сознания могут сложиться совершенно непреднамеренно. Процесс социальной мобилизации, считает Дойч, может даже преобразовать функции существующих символов или институтов таким образом, что они могут превратиться в проводников группового самосознания независимо от их первоначального предназначения²⁷⁰. С другой стороны одним из значимых факторов социальной мобилизации населения оказывается государство, формирующее общие национальные символы.

Вместе с тем, социально-философская рефлексия К. Дойча была односторонней. Постулируя национализм как «состояние ума, которое при принятии решений в социальных коммуникациях придает особое значение “национальным” сообщениям воспоминаниям и образам»²⁷¹, Дойч, во-первых, упускает из вида многочисленные предметно — практические воплощения национализма. А во-вторых, не достаточно внимания уделяет роли политических элит и государственной бюрократии государства, целенаправленно формирующих, выражаясь современным языком, общее символическое поле для своих наций. Иначе говоря, в истории образования и функционирования национальных государств, реализующейся

²⁷⁰ «Например, — пишет Дойч, — распространению национализма нередко способствовала наднациональная церковь. Ранние средневековые церковные провинции, такие как Галлия или Англия, сами по себе не могли создать единство Франции или Англии, но они способствовали этому наряду с другими факторами, рассмотренными выше. Имена святых покровителей провинций и регионов, таких как святой Стефан для Венгрии, святой Вацлав для Богемии, святой Патрик для Ирландии и Мать Божья Ченстоховская для Польши, превратились в патристический боевой клич» // Deutsch, Karl W. *Tides among Nations*. — New York: Free Press, 1979. — P. 28.

²⁷¹ Deutsch, Karl W. *Tides among Nations*. — New York: Free Press, 1979. — P. 301.

в сложной диалектике Бытия и Сознания социальных групп, К. Дойч акцентирует внимание на объективных моментах, в ряде случаев оставляя вне поля внимания роль субъектов исторического действия. В ходе дальнейшего исследования проблемы взаимосвязи глобализации с формированием и эволюцией государств автор попытается не допускать подобной односторонности.

Глава 2. Формирование наций и национальных государств в Европе

2.1. Раннегосударственные и имперские формы социальной интеграции

Продолжая наше исследование, прежде всего, зафиксируем ограниченность западоцентричных моделей исторического развития и созданных на их основе «вестернизированных» интерпретаций и периодизаций глобализации, редуцирующих многообразие прошлых и будущих конкретно-исторических форм осуществления этой тенденции к одной из потенциально возможных. Интерпретация глобализации как вестернизации, безусловно, хорошо согласуется с большим массивом исторических фактов конца XIX-го середины XX столетий. Но в более длительной исторической перспективе и ретроспективе ее нельзя считать удовлетворительной²⁷². Как свидетельствуют многочисленные данные, «центр» и «периферия» постоянно менялись местами и история человечества, даже в Евразии, никогда не была «улицей с односторонним движением», неизбежно ведущим к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития. История — нелинейный процесс и результат взаимодействия, конкуренции и борьбы многочисленных индивидуальных и коллективных субъектов исторического развития: индивидов, обществ, государств и цивилизаций. Соответственно и глобализация как одна из ее тенденций (тенденция к объединению человечества) была результирующей многих попыток организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных «цивилизационных» (социокультурных) и политических моделей²⁷³. Итогом таких попыток оказывалось временное доминирование и распространение в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций, политической формой существования которых в большинстве случаев выступала империя.

²⁷² Подробнее см.: Гранин Ю. Д. Глобализация или «вестернизация»? // Свободная мысль, 2013, № 1/2, с. 51–64.

²⁷³ Подробнее см.: Гранин Ю. Д. Глобализация, нации и национализм. История и современность. — М., 2013. — С. 84–92.

Это сейчас термин «империя» и соответствующие ему реалии воспринимаются как нечто регрессивное. Однако на протяжении многих столетий до и после новой эры имперская политическая форма в ряде случаев несла в себе позитивный культурно-исторический смысл, утверждая в «колониях» и «провинциях» единую для всех государственную политическую идеологию и единые законы совместного проживания миллионов этнически и религиозно разных людей. Существовая главным образом за счет налогов и дани²⁷⁴, оседлые династийные империи, которые вслед за Тойнби лучше именовать «универсальными государствами», прокладывали новые торговые пути, строили дороги и, делегируя часть своей власти на «периферию», создавали универсальный правящий класс, связанный узами родства, верований и религии, цементирующий имперское «культурное ядро» и вырабатывающий проекты не только политической, но и культурной экспансии на значительные расстояния. Так, повторим, параллельно или сменяя друг друга, на просторах Евразии формировались и развивались «китайская», «индийская», «эллино-македонская», «римская», «арабо-мусульманская», «западноевропейская» и выросшая из нее «евро-атлантическая» формы и векторы глобализации, соответствующие им «полюсы» регионального и межрегионального развития, которые, объявляя соседей «варварами», естественным образом считали себя «центрами» окружающего мира и, формируя глобальные стратегии, реально претендовали на мировое господство.

По справедливому замечанию А. Г. Франка, перемещение «центра мира» — колебательный процесс, отмеченный «сменяющимися друг друга движениями относительно воображаемой линии, которая отделяет Восток от Запада в Евразии»²⁷⁵.

²⁷⁴ Последняя форма характерна для так называемых «кочевых» империй (Чингиз-хана, Тамерлана и др.), которые П. Н. Савицкий справедливо относил к «континентально-политическим» образованиям, милитарное властвование которых над покоренными народами не ведет ни к какому (экономическому, политическому или культурному) прогрессу, и которые, в отличие от «оседлых» династийных империй, собственно империями не являются. Подробнее см.: *Савицкий П. Н. Борьба за империю // Империя и нация в русской мысли начала XX века.* — М., 2004. — С. 268–302.

²⁷⁵ Frank A. G. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age.* — Berkeley, Los Angeles, 1998. — P. 1.

Эту мысль подтверждают многочисленные историко-экономические и историко-культурные исследования ученых-реориенталистов, убедительно доказавших что, начиная с XII века н. э. и вплоть до середины (или конца) XVIII столетия, центром торгового, экономического, и даже индустриального прогресса (до 15 века) была Азия. Не говоря уже об использовании пороха в военных целях и строительстве океанских флотилий, даже производство чугуна в Китае базировалось на передовой технологической базе (использование кокса и непрерывная продувка домны), которая стала известна в Англии 500 лет спустя, и осуществлялось на предприятиях, насчитывавших сотни рабочих. Существовала и разветвленная транспортная сеть, и развитая финансовая система.

Кроме того крупнейшие азиатские империи значительно превосходили любые европейские государства своей военной мощью, размерами культурного и политического влияния. Уже в XI веке уровень образованности (20–30 % населения) в средневековом Китае был довольно высок, значительными темпами росли тиражи печатных книг по истории, философии, медицине, сельскому хозяйству и военному делу. К XIV веку в Китае имелись многие предпосылки промышленной революции, которые историки отмечают в Англии конца XVIII века. Это была, пишут американские ученые Д. Линь Ифу и К. Станкела, «относительно развитая рыночная экономика», формировавшая стремление к получению прибыли и обеспечивавшая быстрое распространение передовой техники. Сельскохозяйственная революция, которая в Англии произошла в XVIII столетии, в Китае осуществилась на 700 лет раньше, обеспечив существование гигантских городов-миллионеров²⁷⁶.

Тем не менее в борьбе за мировое господство победа досталась Европе. Объясняя этот исторический парадокс, многие связывают его, например, с добровольным отказом Китая и Японии от научно-технической и промышленной модернизации, которая воспринималась как угроза основам

²⁷⁶ See: Lin Yitfu J. The Needham Puzzle: Why the Industrial Revolution did not Originate in China // Economic. Development and Cultural Change. — Chicago, 1995, vol. 43, № 2, p. 269–270; Stunkel K. R. Technology and Values in Traditional China and the West // Comparative Civilizations Review, № 23, 1990, p. 78–79.

спланивающим социумы традиционным мировоззрению и культуре²⁷⁷, с деспотизмом и сакральным характером имперской власти в мусульманских странах, многими другими причинами. Но скорее всего успехи Европы, все-таки, определялись рядом преимуществ западноевропейской модели (типа) развития. Исторический успех которой, помимо прочего, был связан с трансформацией политических субъектов и политических форм осуществления глобализации в европейском регионе планеты: *переходом от этногосударственных и этноимперских к национальным и национально-имперским формам общежития*. Здесь самое время взять паузу и хотя бы в общих чертах рассмотреть процесс образования в Европе этнических государств, империй древности и средневековья.

Как показывают исследования, образование этнических государств²⁷⁸ принципиально (по механизмам) не отличалось от процессов создания государств надэтнических — империй. В этнических государствах происходит с большим или меньшим успехом «переплавка» их исходной — племенной основы. В плане социально-экономическом этому соответствует аграрная стадия развития человеческого общества и накопление богатств элитой посредством военно-административных методов — войн, дани, незаконного и законного грабежа, осуществляемого дружиной. В плане социокультурном решающую роль в образовании этнического государства играет интегративный миф, носителем которого выступает надплеменная элита. Указанный механизм является общим для образования этнических государств как древности, так и средневековья. Везде элита становится фактором формирования этнокультурной идентификации и этнокультурного единства. Масштабы этого единства расширяются от локальной

²⁷⁷ Самый впечатляющий пример — добровольный, вызванный основанными на конфуцианской этике моральными соображениями, отказ Китая на долгое время после 1433 г. от дальнего мореплавания и строительства океанских судов, а также изготовления механических часов и водяных машин. Подробнее см.: Diamond J. *Guns, Germs and Steel. The Fates of Human Societies*. — New York, London, 1999. — P. 248.

²⁷⁸ То есть государств, образовывавшихся на племенной основе, где формирующееся «государство» выступает необходимой политической формой образования этносов.

территории через родственный в этнокультурном отношении регион до государства. По мнению специалистов «на всех этапах элиты предстают как аккумулятивное начало общественного развития, важнейший сгусток культурного и этноконфессионального взаимодействия, нередко как инициаторы этнокультурной идентификации, критериев этнического отбора и фобий в этой области»²⁷⁹. Мощным инструментом интеграции и одновременно сплочения элиты становится языковая унификация, использование того или иного языка или диалекта в качестве нормативно государственного.

На племенной догосударственной стадии общее этническое самосознание представителей родственных племен не проявлено. Отсутствие политического единства означало отсутствие этнического самосознания. Формирующиеся политические структуры становились первоочередными этноконсолидирующими и этнодифференцирующими факторами²⁸⁰. Исследователи отмечают, что племенные этнонимы, фиксирующие момент общего происхождения, выполняют различительную функцию. Напротив, самоназвания, декларирующие признание принадлежности к какому-либо политическому объединению, направлены на стремление к уподоблению, выражают тенденцию к интеграции²⁸¹. Характерным в этом отношении является трансформация галльского самосознания до и после римского завоевания. Оказываемое римлянам сопротивление не было общегалльской борьбой, стимулированной общим самосознанием, а политикой отдельных племен. Напротив, получившая права римского гражданства и перенявшая римские культурно-бытовые и мировоззренческие нормы племенная знать, существующая в рамках провинции как политического института, формирует общегалльскую самоидентификацию, что находит свое отражение в трансформациях этнонимов: понятия, относящиеся к самоназваниям

²⁷⁹ Элиты в контексте этнокультурного взаимодействия // Элиты и этнос средневековья. — М., 1995. — С. 7.

²⁸⁰ Куббель Л. Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. — М., 1982.

²⁸¹ Томановская О. С. Этнос и этноним в предклассовом обществе // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. — М., 1982.

племен, выступают как различительные, а связанные с существованием Римской Галлии — как интеграционные. Пика этот процесс достигает в момент падения имперских структур, из которых выходит элита, обладающая консолидированным самосознанием и способная выстраивать самостоятельные государственные структуры. Как пишет Е. В. Ляпустина, «до римского завоевания было лишь культурное единство, обнимающее огромное разнообразие племен; этническую, то есть обладающую известной структурной целостностью, определенность Галлии придала успешная интеграция в Римскую империю»²⁸².

Огромную роль в политической и этнической мобилизации играет выдвигание межплеменного мифа и монополия знати на воспроизведение этого мифа. Элита германских племен периода миграций и образования варварских королевств консолидировалась на основе создания мифа о легендарной земле Ойуме, бывшей одновременно прародиной и целью. Монополия на миф о ней укрепляла власть и авторитет элиты, подчинение представителей различных племен и, как отмечает В. П. Буданова, «позволила процессам консолидации распространиться за узкие этнические рамки конкретных племен»²⁸³. В перспективе это вело к формированию этнического государства. При формировании ранних государств сложение знати на полиэтнической основе при доминировании одного из племен было правилом. Переработка племенных легенд и творение этнического мифа становилось формой легитимации иноэтнической по происхождению знати. В случае, если процесс этнической консолидации (сам, конечно же, шедший не без применения насилия) искусственно прерывался завоеванием, получала распространение такая форма этнического мифа, которая возводила знать к одной этнической основе, а простолюдинов к другой (Англия, Франция, Венгрия, Чехия). Это

²⁸² Ляпустина Е. В. Романизация провинций и формирование галло-римской знати // Элиты и этнос средневековья. — М., 1995. — С. 17.

²⁸³ Буданова В. П. «Ойум» в судьбе германских племенных элит // Элиты и этнос средневековья. — М., 1995. — С. 43. См. также Буданова В. П. «Желанная земля» в духовной традиции германской элиты // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. — М., 2002. — С. 13–21.

обеспечивало санкцию на управление и даже претензии на богоизбранность знати. В некоторых средневековых государствах существовавшее тогда понятие «нации» отождествлялось с дворянством, бюргерство же из него исключалось. *Этногенетический миф становился частью государственной идеологии и способствовал укреплению этнопатриотических элементов в самосознании элиты.* Племенная, догосударственная стадия этими мифами обесценивалась. Этим идеологически закреплялась практическая политика раннефеодальных монархов по уничтожению институционально-территориальной организации догосударственных племен и создания этногосударственной административной системы.

Из истории Древней Руси и взаимоотношений киевских князей с племенными вождями мы знаем, что «государственная власть и воплощавшая эту власть княжеская дружина оказывались “завоевателями” формирующейся государственной территории вне зависимости от того, существовали ли принципиальные различия в этническом составе дружины и подвластных ее земель»²⁸⁴. В случае с древнерусским государством основой этнической идентификации оказывается использование славянским населением варяжского слова *gora* (русь, рось), и превращение его в этноним сначала полиплеменной и даже иноэтничной элиты в этноним, объединяющий все население формирующегося государства вне зависимости от племенного происхождения.

Вообще, характерным процессом для образования этногосударственной элиты была добровольная социокультурная ассимиляция иноэтнической знати, чему история дает много примеров. Само сознание этнической принадлежности в государствах средневековья неразрывно сопряжено не столько с представлением о кровном родстве или используемом речевом диалекте, сколько с идеей верности своему государю, соблюдением положенных норм поведения для данного сословия и приверженностью героическим преданиям о деяниях предков. Ослабление средневековых государств сопровождалось сменой

²⁸⁴ Петрухин В. Я. Русские князья и дружина: социальная терминология и этнические связи // Элиты и этнос средневековья. — М., 1995. — С. 93.

приоритетов у аристократии: местные интересы становились для нее важнее общих, символизированных в верности королю. Преступавший свою клятву феодал не осознавал себя при этом изменником Родины. Социокультурные возможности этнического государства по обеспечению этнического самосознания даже у элиты не были высокими в силу общей неразвитости идейно-образовательной сферы.

Слабым местом государств домодернизационной эпохи была неспособность укреплять и использовать в качестве инструмента интеграции общенациональный язык. С другой стороны, именно это позволяло идеологам дворянской элиты включать в состав по-средневековому понимаемой «нации» представителей всех знатных родов без различия их этнического происхождения²⁸⁵. В любом случае, проблема этнического самосознания в средневековых государствах решалась не отсылкой к происхождению, а трактовалась с политических позиций. Португальская знать, например, не говоря уже о народе, не мыслила себя в качестве чего-то отличного от испанской, пока в ходе Реконкисты она не получила от местной власти земли и готова была поддержать ее в конфликте и военных действиях против Леоно-Кастильской короны. Рост этногосударственного самосознания сопровождался ростом популярности местночтимых святых и обретением королевским двором статуса культурного центра. Идентичность движется от верности короне к осознанию себя в качестве особого этноса. Постепенно осознание принадлежности к португальской нации переходит к простонародью не без помощи тех или иных политических или бытовых столкновений с прибывшими из Испании.

Итак, этнический миф, право на истолкование которого присваивает себе элита, становится как основой консолидации этнической элиты, так и средством «переплавки» племен, причем не обязательно родственных (достаточно указать на насильственную и добровольную франкизацию сакских и славянских плен в ходе расширения державы Карла Великого) в единый этнос — основу этнического государства. В литературе,

²⁸⁵ *Гранин Ю. Д.* Этнос, национальное государство и формирование российской нации. — М., 2007. — С. 9–10.

особенно отечественной стало почти общим местом иронизировать над нациями — «вымышленными», «искусственными» общностями Б. Андерсона. За этой иронией нет ничего кроме предрассудков примордиализма. Не только нации, но и этносы являются искусственными в том смысле, что составлены из «переплавленных» племен, и вымышленными, поскольку для осуществления такой переплавки необходимы были социокультурные инструменты обеспечения интегративной идентичности, главным из которых был этнический миф, санкционирующий власть общегосударственной элиты и этноконфессиональную общность населения государства. С точки зрения разделяемой автором неомарксистской версии социального конструктивизма этническое государство столь же искусственно, как и национальное государство, и потому столь же естественно.

Этнические государства могут возникать как из продуктов распада империй, так и становиться для них зародышем, трансформироваться в империи. Так возникали империи древности. Образование империй характеризуется в литературе как военно-экономическая экспансия государств и протогосударственных образований. Экспансия, объективно провоцируемая прежде всего недостаточностью природных ресурсов территории для традиционно-успешной хозяйственной деятельности веками живущих здесь этносов и народов и сопутствующим ростом «избыточного» населения. Последнее стремительно увеличивается независимо от эффективности имеющихся способов производства материальных благ и систем хозяйствования. Климат, рельефы местности, водоснабжение и другие «географические» характеристики разных территорий нашей планеты со временем сильно меняются, в том числе под воздействием деятельности людей, что ставит населяющие их этносы и народы в очень неравные условия жизни, способствуя или препятствуя их хозяйственно-экономическому прогрессу, периодически стимулируя борьбу между социумами за контроль над торговыми коммуникациями и рынками.

Таким образом, объективно неравные естественные и экономические условия жизни рано или поздно приводят к тому, что внутри некоторых обществ возникают мощные очаги

социальной напряженности, вызванные тем, что производительные силы начинают «давить на население» (Ф. Энгельс), создавая «лишних» людей — маргиналов, которые, в свою очередь «давят» на господствующие политические и хозяйственные элиты, побуждая их к изменению геополитических стратегий. Одна из этих стратегий — прямая военная агрессия против соседних государств с последующим полным либо частичным включением их территорий в состав государства-агрессора. Другая — колонизация близлежащих и отдаленных территорий. Различие между этими двумя способами образования империй состоит в масштабах, степени и формах осуществления насилия, а также в степени участия регулярных репрессивных сил государства. В конечном счете «государство» (метрополия) поддерживает конкистадоров, продвигаясь за их отрядами. Именно так в середине первого тысячелетия до нашей эры древнегреческие полисы колонизировали побережье Средиземного и Черного морей, подобным же образом Московская Русь колонизовала территории Сибири и Дальнего Востока, а Испания, Голландия, Англия и Франция — Америку, Африку и значительную часть Азии. Следствием этой колонизации оказывался, помимо увеличения числа транспортных потоков и коммуникаций, перенос за пределы локальных территорий, регионов и континентов произведений литературы и искусства, техники и технологий, религиозных и светских идеологий, научных знаний и типов рациональности, норм и образцов экономической, политической и социальной жизни.

Несмотря на то, что колонизация новых земель зачастую не имеет явно выраженной «имперской цели», результат оказывается тем же, что и при государственном завоевании соседей: расширение масштабов и этнического состава государства, влекущие за собой политические и экономические выгоды. Образование имперских государств есть в значительной мере итог попытки решить свои внешнеполитические и внутренние проблемы за счет экономически и военно более слабых соседей. Вместе с тем, успешными оказывались завоевательные попытки периферийной для античного мира Македонии, немногочисленного союза монгольских племен, или бедуинов Аравии, которые, уступая побежденным экономически и цивилизационно, превосходили их духовно-психологически.

Гегель считал образование империй прошлого закономерным процессом, обусловленным мощью духа империеобразующих народов, которые затем уже создают и сильное государство, и великую культуру. Такие государства неизбежно поглощают духовно более слабые народы, образуя империи. Но в чем источник «силы духа» «имперских» народов? Разумеется, великий философ полагал — в «мировом духе». Претендующий на научность вариант объяснения этого явления был дан в пассионарной теории этногенеза Л. Н. Гумилева, согласно которой великие переселения народов и сопутствующие им распад и образование империй связаны с возникновением особого рода духовной энергетике и стереотипов поведения у отдельных, иногда малочисленных этносов, источником чего были и продолжают оставаться изменения биосферных процессов в той или иной части планеты. Эта духовно-физиологическая энергия была названа Л. Н. Гумилевым пассионарностью, а ее носители — пассионариями, людьми «длинной воли», которая позволяла им завоевывать и осваивать огромные территории. Для объяснения исторических процессов, однако, важнее выявление собственно социальных закономерностей, которые могут оказывать влияние в том числе и на этнический состав населения.

Империи были основными проводниками глобализационных процессов на досовременной стадии глобализации. Первоначально инструментом имперского объединения выступает военная сила. Империи развивались, экстенсивно, расширяя свою территорию за счет наращивания военной мощи. Как и этнические государства, ранние (древние и средневековые) империи живут в большей степени за счет дани, чем благодаря развитию торговых путей. Силловые методы поддержания власти над множеством племен и народов весьма ограничены: «военные и политические структуры не в состоянии были распространить отношения, свойственные регулярной форме правления на действительно глобальные расстояния»²⁸⁶. Чем больше империи полагаются на силу, тем менее они устойчивы. Добиться реального подчинения

²⁸⁶ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. — М., 2004. — С. 491.

провинций империя могла благодаря только социокультурной и управленческой модернизации. Важным способом поддержания целостности империи являлось формирование универсальной правящей элиты — разноэтничной и связанной узами родства, общим стилем жизни, культурными установками и верованиями. Еще один важнейший способ интеграции многоязычного и поликонфессионального населения в империи — ее оплодотворение универсалистской идеей. Как правило, в этом качестве выступает религиозное обоснование имперского объединения, постепенное продвижение к более или менее равному подданству различных народов в рамках империи. По верному замечанию авторов книги «Глобальные трансформации» «сильными становились те империи, где экстенсивное расширение военной и политической власти подкреплялось расширением власти культурной»²⁸⁷.

Вместе с тем для большинства населения империй воздействие великих религий часто носило поверхностный характер, и формирование идентичностей определялось местными верованиями. Имперские власти были вынуждены идти на значительные теологически и обрядовые уступки.

В целях интеграции элиты в этнических государствах мог использоваться как один из племенных этнонимов, так и — в случае с империями как более масштабными образованиями в этом качестве использовалась религиозная принадлежность или же надэтничный этноним. Размытие этнических границ, торможение этнической консолидации становится необходимым при возникновении надэтнических конфессиональных общностей в связи с имперским самосознанием. Большую роль в этом играют мировые религии. Империи, возникавшие на языческой основе, с трудом справлялись с задачей обеспечения социокультурной интеграции, и либо быстро разваливались, как держава Александра Македонского, либо были вынуждены применять паллиативные меры вроде своза статуй богов покоренных народов в Рим или же совмещением в одном храме римских и неримских божеств.

²⁸⁷ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. — М., 2004. — С. 394.

Мировые религии становятся мощным фактором «глобализации сознания», поскольку обладают мощным интегративным потенциалом и становятся эффективной идеологической основой для масштабных и долговременных завоеваний, в ходе которых под имперское крыло объединяются как родственные, так и этнически неродственные народы. Очевидно, что арабские завоевания не могли бы быть успешными без исламской идеологической основы. В Византийской империи православие заменяло собой национальность, а этнос был размыт общим понятием «ромей». Среди византийской знати значительным было число фамилий самого разного иноземного происхождения. Высшие военные и гражданские должности занимали лица латинского, арабского, турецкого, кавказского, славянского происхождения. Этническое самосознание у иноземных представителей византийской знати отсутствовало²⁸⁸. Принятие ислама в Османской империи могло открыть путь к высшим постам тому, кто не был этническим турком. Из шести человек, имевших в Турции в период войн середины XIX века титул генералиссимуса, только один был этническим турком, остальные: чеченец, черкес, венгр, немец, еврей. Но все они осознавали себя турками и подданными султана. Можно вспомнить и знаменитого Гольц-пашу, остававшегося, разумеется, германским подданным, но бывшего при этом вице-председателем Высшего военного совета Турции. В империи степень внутренней интегрированности элиты столь высока, что не только различная этническая, но даже различая конфессиональная принадлежность не становится препятствием для занятия высших должностей. Фактическим правителем России при Александре II был М. Т. Лорис-Меликов, этнический армянин, армяно-грегорианского вероисповедания.

В чем глобализационное, всемирно-историческое значение образования империй, например, империи Александра Македонского и Римской империи? Прежде всего в том, что они способствовали распространению великих цивилизаций и великих культур на огромных пространствах Ойкумены, утверждая в провинциях единую для всех народов государственную

²⁸⁸ *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии. — М., 1974.

наднациональную идеологию и единые законы совместного проживания. Точно так же Московское царство, колонизируя земли за Волгой и Уралом, выполняло по сути ту же цивилизаторскую миссию, реализовывало римскую идею «единого правового пространства» в Евразии. Неважно, хорошо ли было это право, важно, что превращение десятков миллионов этнически и конфессионально разных людей в «граждан» или «подданных» одного государства создавало возможность для сосуществования и взаимообогащения различных культур и религий, для нормальной хозяйственной жизни, научного и технического прогресса. В этом, кстати, отличие европейского колониализма Нового времени, который не создавал для колонизируемых народов общего правового пространства с колонизаторами.

Перед империями стояла задача обеспечения социокультурной интеграции не только элиты, но и населения империи в целом, в особенности окраинных территорий. С проблемой их абсорбции империи справлялись с большим или меньшим успехом. Китай постепенно ассимилировал кочевников, регулярно наседавших на его границы и даже добивавшихся военно-политических успехов, а вот проблема интеграции внутри страны решалась труднее. Со сходной ситуацией сталкивался Древний Египет, более или менее успешно решавший проблему взаимодействия с кочевым окружением, но всегда сохранявший опасность раскола на Верхний и Нижний Египет. Можно вспомнить и пресловутое массовое бракосочетание македоно-греческих воинов с персиянками, проведенное Александром Македонским в Сузах. Конечно, такие меры не могли способствовать реальной интеграции внутри имперской державы. В подавляющем большинстве случаев потенциально существовавшая возможность имперской площадки полиэтнического диалога и культурного взаимопроникновения не воплотилась в реалии межцивилизационного синтеза. Более того, собирание под эгидой верховной государственной власти миллионов людей, различных по языку, вере, обычаям и другим цивилизационным характеристикам, по мере роста расового, этнического, национального и даже «экономически-локального» самосознания реально создавало предпосылки

различного рода сепаратизмов. Противостоять им могла лишь социокультурная сила сцепления и инерции структур крепкого государственного организма.

Проблема социокультурной интеграции в империях в основном решалась с помощью так или иначе выраженной имперской идеологической доктрины. Завоеваниям Александра Македонского предшествовали кризис полисной демократической идеологии, смешение греческих и восточных культов, растущая аполитичность населения и приобретающая популярность на этом фоне монархическая панэллинская доктрина (развивавшаяся Исократом, Ксенофонтом и Аристотелем), провозглашавшая спасительную роль сильной личности, стоящей над обществом и способной объединить разрозненные эллинские государства в державу, подчиняющую себе варваров²⁸⁹. В качестве способа объединения греков, в число которых включались и македоняне, и решения социальных проблем, в том числе проблемы бедности, Исократ предлагал завоевательный поход на Восток под предводительством македонского царя, который его противниками в Элладе сам рассматривался как варвар. В разрез с классической греческой политической традицией, наиболее ярко представленной Платоном, Исократ прославлял единоличную форму правления в ее наиболее чистой тиранической форме. Выдвинув программу панэллинизма, Исократ политизировал понятие «эллин», целенаправленно подчеркивая этническую общность эллинов и противопоставляя их варварам. Военный завоевательный поход на Восток становится одновременно подтверждением этнической общности греков и способом ее формирования. Идея шовинизма пролагает путь к будущей империи²⁹⁰.

Свою лепту в обоснование имперской идеологии внес учитель Александра Македонского Аристотель, в целом благоволивший к монархической форме правления и развивавший идею этнически чистого греческого «среднего класса», согласно которой греки будут заниматься делами управления и войны и разделят более или менее равномерно земли восточных

²⁸⁹ Фролов Э. Д. Факел Прометея. — Л., 1991.

²⁹⁰ Исаева В. И. Исократ. — М., 1994.

варваров, обратив последних в рабов²⁹¹. Такой имперский этнизм играл свою роль в идеологическом обосновании македонской державы. Крайне показательно, что по мере успехов имперского проекта происходит постепенный отказ от имперского этнизма, принятие восточных форм легитимации имперской власти, провозглашение Александра в Египте сыном Амона-Ра по модели легитимации власти фараонов. Место панэллинской идеи в идеологической жизни формирующейся империи занимает идея человечества. В этом контексте следует рассматривать такие мероприятия как бракосочетание в Сузах, молитву в Описе, имевшие целью формирование общеимперской западно-восточной элиты. При жизни, а особенно после смерти Александра благодаря концепциям стойков Зенона и Плутарха, все больше обоснование получает идея братского объединения людей, устранения этнических предрассудков и высокомерия, общего служения всех народов высшей власти²⁹².

В Риме такую же функцию легитимации имперской власти и обеспечения подвластности ей различных в этническом и конфессиональном отношении народов играли процедуры привоза статуй периферийных богов в Рим и особенно — обожествление императора. Стандартным приемом укрепления общественного единства были, особенно с времен Цезаря, военные экспедиции и триумфы по поводу их успешного завершения. Продолжительное существование имперского Рима обеспечивалось не только традиционными для ранних империй способами применения военной силы и сбора дани, но и рядом культурных инноваций, связанных с насаждением в провинциях правящего класса, связанного общими культурными традициями, верованиями и историческими вкусами. Рим после завоевания новой территории оставлял у власти большую часть местной элиты, приобщая ее культурно и политически к римскому правящему классу (во многом за счет обучения латинскому языку и культуре). Свою роль играло постепенное распространение на провинциалов прав римского гражданства.

²⁹¹ Чанышев А. Н. Аристотель. — М., 1988.

²⁹² Шахермайр Ф. Александр Македонский. — Ростов н/Д, 1997.

Новые возможности перед обоснованием имперской панэтничности открыли мировые религии, прежде всего христианство. Мировая религия обеспечивала возможность навязывать общеимперский набор ценностей при сохранении определенной плюральности, терпимости к местным особенностям и обычаям, включая христианскую канонизацию местных языческих духовных авторитетов. Скрепой всего этого оставалась идея превосходства духовной власти над светской, санкционирующая подобное высшему единству духовной власти такое же высшее единство светской власти — имперское. Свое обоснование эта идея нашла в концепции Града Божия и Града Земного у А. Августина. Основатель первой империи средневековья — Франкской, Карл Великий, коронованный папой в Риме в качестве императора в 800 году, считал, что своей деятельностью реализует идею святого Августина об утверждении на Земле Града Божия. Карл поставил перед собой эту цель, проникнутый сознанием долга перед Богом, вверившим ему власть над народами империи. Идея божественного происхождения имперской власти Карла теоретически обосновывалась Алкуином. Хотя принятие Карлом императорского титула санкционировало строительство империи как строительство Града Божия, император не допускал вмешательства священнослужителей в процесс принятия решений и ограничивал их роль служебными обязанностями²⁹³.

Идея об империи как зримом воплощении Града Божия легла в основу следующего — более долговечного имперского проекта — Священной римской империи германской нации, основанной Оттоном I в 962 году. Вселенский, католический проект сопряжен здесь с представлением о доминирующей нации. Становление империи было вместе с тем и образованием нации, если допустить здесь применение этого термина. Пребывание в составе Франкской империи привело к ускоренному интегративному процессу у племен, не имевших до этого собственной государственности. «Среди представителей господствующего класса отдельных племенных герцогств зарождалось чувство общности, обусловленное общностью интересов и все более выходявшее за рамки этих герцогств, способствуя

²⁹³ Левандовский А. П. Карл Великий. — М., 1995.

политическому и личному сближению элиты Восточно-Франкского королевства»²⁹⁴. Расширение империи сопровождалось ассимиляцией славянских земель и регулярным подчинением итальянских территорий. Преемник Оттона I Оттон III сознательно использовал для укрепления своей власти идею «возрождения» Римской империи. Имперская «римская» идея пронизывала всю атрибутику власти. В концепцию возрождения «империи римлян» вписывалось и возведение интересов церкви в ранг высшего принципа. Использование «римской» стилистики было призвано не только обеспечить самоутверждение новой империи наряду с Византийской, но и привлечь на сторону империи итальянцев. Однако императорское правление в Риме воспринималось как чужеземное господство, что приводило к восстаниям и периодической утрате контроля империи над Римом и Северной Италией. Позже интегративные возможности империи в условиях феодальной раздробленности были весьма ограничены. Низшее рыцарство, непосредственно починявшееся императору, не имело представительства в имперском сейме. Попытки введения имперского налога и более действенных центральных учреждений оказались малоэффективными. Но Священная Римская империя стала чревом для зарождения многих европейских национальных государств.

Последней христианской версией обоснования имперского проекта можно считать гуманистическую мечту о всемирном государстве, развитую Данте Алигьери в трактате «Монархия» в связи с итальянским походом императора Генриха VII. Данте полагал, что объединение в составе Священной Римской империи необходимо для всех итальянских городов-государств, поскольку лишь в ее составе их граждане смогут пользоваться гражданскими правами и пребывать в мире под сенью имперского престола. Данте утверждал, что всемирная монархия необходима для благосостояния мира, и что римский народ снискал право на первенство в этой монархии. Специфика гуманистического прочтения идеи всемирной монархии сказывается у Данте в том, что он не считает необходимой

²⁹⁴ Балакин В. Д. Творцы Священной Римской империи. — М., 2004. — С. 31.

зависимость авторитета монарха от папы римского и настаивает на верховенстве имперской власти. Как гуманист, Данте отмежевывается от той критики, которой подверг языческие империи Августин и приводит деяния Александра и Августа в качестве примера для современных монархов. Данте соглашается с античным тезисом о божественности власти римских императоров. Империя призвана по Данте решать задачи, стоящие перед всем человеческим родом, взятым как целое и устанавливать общие для всего мира законы из единого центра. Вместе с тем, имперская власть должна учитывать местные особенности и управлять «скифами иначе, чем гармантами»²⁹⁵.

Распад традиционных империй всегда был вполне закономерен: они достигали могущества, с которым не могли справиться. Их экстенсивные управленческие и культурные механизмы не могли обеспечить глубокой интеграции. М. К. Петров хорошо показал, что на основе культурной кодификации «профессионально-именного» типа (в отличие от «универсально-понятийного») нельзя обеспечить сколь угодно устойчивой интеграции в больших масштабах. Кроме того ранние имперские системы испытывают недостаток административных средств (институтов, организаций, информации, персонала), чтобы создать эффективно действующую администрацию на всех включенных в их состав территориях²⁹⁶. Отсюда, между прочим, ясна целенаправленная деятельность римлян по прокладыванию дорог, которые были для них прежде всего инструментом военно-политического контроля. Но, все равно, скорость регулирования глобальных потоков была низкой, а институционализированных форм межцивилизационного общения не было.

Подводя промежуточные итоги, отметим следующее. С древнейших времен, во времена господства эллино-македонской и римской цивилизаций, а затем и в средние века, глобализация шла рука об руку сначала с династийным империализмом, а затем в Новое время — с колониализмом и национализмом

²⁹⁵ Голенищев-Кутузов И. Н. Данте. — М., 1967.

²⁹⁶ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. — М., 2004. — С. 39.

основных европейских наций (национальных государств), распространяя свое присутствие по схеме «центр — периферия».

Начиная, по меньшей мере, с первого тысячелетия до н. э. и вплоть до XVI столетия новой эры, евроазиатский вектор объединения человечества был связан с множеством попыток интегрирования разноплеменного населения Европы и Азии сначала в составе «ранних (этнических) государств», а затем и сформировавшихся путем завоеваний полиэтнических империй, стремившихся превратить в «граждан» или подданных мультирелигиозное и мультикультурное население имперских территорий. Различаясь между собой религиозно и культурно древние и средневековые, языческие, христианские и мусульманские, азиатские и европейские империи, распространявшие свое присутствие по схеме «центр»-«периферия», были схожи в главном: их отличала неэффективность доминирующего рабовладельческого способа материального производства, сословный характер общественного устройства, экономическая многоукладность, сакральный характер власти, отсутствие значительного числа экономически и политически свободных индивидов в подавляющем большинстве провинций (Рим, Византия), тотальное государственное принуждение, распространявшееся на все сословия и чиновничество (Египет, Персия, Китай, Индия, Ближний и Средний Восток). Помимо этого ранние имперские системы испытывают недостаток административных средств — институтов, организаций, информации, персонала — чтобы создать эффективно действующую администрацию на всехвключенных в их состав территориях. Соответственно скорость регулирования глобальных потоков была низкой, а институционализированных форм межэтнического и междивизиационного общения (диалога) не было.

Ранние имперские образования испытывали трудности интегрирования не из-за отсутствия универсальных идей и норм совместной жизни, а из-за дефицита общественных институтов и средств их пропаганды и распространения (системы массового светского образования, административных и печатных языков, СМИ), что приводило их к краху и формированию на их обломках череды новых этнических государств. Так что первая стадия (виток) глобализации, считает диссертант, преимущественно осуществлялась в пределах политического

цикла «этническое государство — империя — конгломерат этнических государств, образовавшихся на обломках империи»²⁹⁷.

Основой второй стадии глобализации человечества стало национальное государство. Оно смогло обеспечивать преодоление социокультурных и этнических различий благодаря действию таких механизмов, как национальная валюта, регулярная армия, общеобязательная государственная школа. Глобализация стала осуществляться в национальных формах: организационных формах национальных государств, промышленное, экономическое и военно-техническое развитие позволило им со временем сформировать «европейскую идентичность» и распространить свое присутствие в Америке, Азии и Африке.

Средневековая христианская Европа также проделала путь от варварских королевств, элита которых отождествляла себя (и отчасти была в родстве) с римской знатью, к недолговечной Священной римской империи германской нации, в свою очередь распавшейся на моноэтнические и полиэтнические феодальные анклавы, постепенно оформившиеся в морские республики и феодальные государства. Которые, будучи по размерам значительно меньше современных им азиатских «династийных империй»²⁹⁸, были также слабо территориально, экономически, лингвистически и культурно интегрированными,

²⁹⁷ Этот тезис о циклах не противоречит тезису о нелинейном характере исторического развития. Так как нелинейность не отрицает возможности построения некоторой воображаемой исторической последовательности сосуществования и смены форм социальной общности. А означает, что исторически первые и более простые формы общежития не исчезают, а будучи базовыми, в изменившихся исторических обстоятельствах (например, в случае глобальных мировых катастроф или катаклизмов) могут быть воспроизведены и воспроизводятся как элементы (продукты) распада более сложных социальных форм совместной жизни людей.

²⁹⁸ Исторических форм империй в истории человечества было великое множество. В качестве особых типов выделяют кочевые и оседлые, колониальные (морские) и внутренние (сухопутные), династийные и республиканские, азиатские и европейские, и многие другие империи. В контексте предпринятого исследования автор предлагает различать национальные (ядром которых является «национальное государство» — метрополия) и полиэтнические внутренние империи. Более детальное установление различий между империями выходит за рамки нашего исследования.

как и их восточные соседи. Их населяли народности и племена, языки и обычаи которых так сильно различались, а внешние связи были так фрагментарны, что они сохраняли самобытность существования, не взирая на постоянные междоусобные войны королей и феодалов и, подчас, не знали, в каком королевстве они живут. Однако начавшийся переход к индустриализму (с сопутствующими ему концентрацией экономической жизни в отдельных регионах, ростом городов, ремесел, развитием науки и техники, торговли, миграции, социальной мобильности населения и, конечно, с усилением централизованного государства) постепенно изменил ситуацию, открыл новую эпоху в развитии глобализации человечества — эпоху попыток объединения народов Европы и других континентов на основе западноевропейской модели развития, с имманентными ей формами жизни в составе «национальных государств» и образованных этими государствами колониальных империй. Первой вехой на этом пути стало формирование принципиально новых социальных общностей — наций и сопутствующего их образованию национализма, появление которых, в свою очередь, было вызвано с процессами финансово-экономической, военно-политической и социокультурной интеграции полиэтнического населения Европы.

2.2. От Европы «народностей» к Европе «наций» и «национальных государств»

В соответствии с предложенными критериями вступление полиэтнической, многоязыкой и мультикультурной, политически раздробленной феодальной Европы в эпоху «наций» и «национальных государств»²⁹⁹ можно рассматривать как начало

²⁹⁹ В данном случае мы оставляем без подробного обсуждения дискуссионный вопрос о том, что предшествовало чему: нация национальному государству или национальное государство — нации. Как показали многочисленные исследования, эта проблема не имеет однозначного решения. В большинстве стран Западной Европы XVII–XVIII столетий этот процесс шел по схеме «государство-нация», в Центральной Европе (Италия, Германский Рейх) — по схеме «нация-государство», тогда как страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы реализовали некий «гибридный» путь развития и образовывались в XIX — начале XX века в результате сецесий — отделения от «политического тела» Австро-Венгерской, Османской

второй исторической стадии европейского вектора глобализации, осуществленной на индустриальной технологической основе. Это было время становления новой западноевропейской цивилизационной модели развития, мотором которой была ускоренная модернизация финансово-экономической, политико-правовой, административной и культурной сфер жизни, сопровождавшаяся развитием науки и техники, формированием западноевропейского рационализма и расширением международных рынков. Одновременно это было время распространения данной модели развития в Европе и по всему миру. Благодаря Великим географическим открытиям западноевропейский модернизационный тип развития обрел межрегиональное и межконтинентальное измерение. Впервые появилась возможность говорить о всемирности, хотя экспансия империй древности и средневековья по своему этнокультурному содержанию уже была глобализационным процессом. Процесс этот не достигал планетарных масштабов. Теперь же, и в этом качественное своеобразие второй стадии глобализации, всемирная история означала по существу историю становления и развития европейских национальных государств и их колоний.

Вне зависимости от того, понимаем ли мы нацию как преимущественно социокультурную или же политическую общность (появление которой связано со становлением в странах Западной и Центральной Европы XVII–XVIII веков гражданского общества), она в противовес общности этнической — локальной, представляет собой глобальную общность — некое средоточие глобального (всеобщего) и локального (особенного) в экономическом, политическом и культурном смыслах. Формирование нации связано с экономической, культурной, языковой и политической интеграцией и стандартизацией, масштабы и качество которых были заданы государством. В Европе начался процесс интеграции этнически, конфессионально, культурно и лингвистически разнородных групп людей в некое относительно гомогенное целое, «перемалывания» многочисленных этносов, столетиями

и Российской империй. Подробнее об этом см.: *Гранин Ю. Д.* Нации, национализм и федерализм. — М., 2002. — С. 97–114.

живших на территории Европы. Так тысячелетний этнизм постепенно отступал под напором государственного национализма, являвшегося вместе предпосылкой и следствием, то есть — политическим принципом формирования национального государства. По существу, политические и социокультурные процессы, шедшие в национальных рамках и подстегивавшиеся «укреплением» этих рамок, являлись глобализационными, хотя и осуществлялись на региональном и межрегиональном уровнях.

Процесс формирования наций и национальных государств имманентен процессу глобализации в Европе на второй стадии его развития. В этом смысле современная глобализация не есть только некое завершение процесса, начавшегося с модернизации экономических и политических структур европейских стран при переходе на рельсы капиталистического развития по логике «модернизация» — «интернационализация» — «глобализация», а переход от второй стадии процесса к третьей.

Образование европейских наций довольно хорошо изучено и описано в работах Б. Андерсона, Ю. Вебера, Э. Геллнера, К. Дойча, М. Манна, Э. Смита, Ч. Тилли, Ю. Хабермаса, М. Шадсона и некоторых других менее известных авторов, хотя единства взглядов по поводу ключевых линий детерминации этого процесса достигнуто не было. Последнее связано, как уже отмечалось, с различием исходных теоретических установок авторов, акцентирующих, в зависимости от предпочтений, внимание на экономических, политических или культурных факторах национальной интеграции. В реальности исторического процесса все они, разумеется, взаимосвязаны. Но ситуация осложняется тем, что исторически национальная интеграция происходит в разной последовательности составляющих ее элементов. Как показал Карл Дойч, «процесс может начаться с интеграции страны, которую мы обозначим «С», затем привести к интеграции населения («Н») и, наконец, к возникновению государства («Г»). Последовательность «С-Н-Г» вполне возможна. Но первой фазой может быть и интеграция народа. В известной степени, арабские племена даже в доисламский период были интегрированы посредством языка («Я») и формировавшейся литературы, затем к интегрирующим факторам

добавилась исламская религия («Р»), а консолидация арабских стран и национальностей произошла намного позже и не достигла завершения. Тем не менее, как политическая реальность существует арабский национализм, созданный усилиями отдельных людей, и последовательность интеграции можно изобразить как «Я-Р-С-Г-Н»³⁰⁰.

В других случаях интеграция могла начаться с политического объединения в той или иной форме. Последовательность валлийско-английской интеграции в британский народ, согласно Дойчу, можно свести к формуле «Г-Р-С-Н». Сходной была интеграция Англии и Шотландии. Но в отношении Ирландии, например, государственная интеграция не повлекла за собой консолидации на массовом уровне. Поэтому англо-ирландскую интеграцию можно изобразить как «Г-С*-Р*-Н*-Г*», где «*» означает срыв интеграционного процесса.

Таким образом, генезис национальной интеграции не сводится к простому коррелятивному процессу синхронизированного роста. Скорее, справедливо отмечает К. Дойч, «это процесс, напоминающий очень плохо налаженный конвейер. На хорошо налаженном конвейере движение всех компонентов происходит с одинаковой скоростью, и все они достигают критических точек сборки примерно в то же время. Однако даже на идеальном конвейере безразлично, начинается ли сборка с шасси, на которое ставится двигатель, собранный в другом месте, и позже добавляются колеса, или же сначала устанавливаются колеса, а потом двигатель. Главное — чтобы на конце линии был готовый автомобиль»³⁰¹.

Действительно, порядок и характер интеграции, преобладание в ней влияния тех или иных групп факторов настолько исторически многообразны, что вряд ли поддаются всестороннему теоретическому обобщению. Не случайно в пределах современного теоретического дискурса сосуществуют много концептуальных моделей национальной интеграции, выстроенных на преобладающем внимании к действию

³⁰⁰ Deutsch, Karl W. *Tides among Nations*. — New York: Free Press, 1979. — P. 284.

³⁰¹ Там же. См. также Дойч Карл. *Рост наций // Этнос и политика*. Хрестоматия. — М., 2000. — С. 64.

социально-экономических (К.Дойч), политических (Э. Геллнер), гражданско-правовых (Ю.Хабермас), коммуникационно-языковых (Б.Андерсон, Э.Геллнер, Э.Смит) и образовательных (М.Шадсон) факторов.

Обобщая итоги исследований этих авторов о формах и способах национальной интеграции населения западноевропейских стран (которые в разной степени и с разным успехом впоследствии были использованы во многих иных странах), можно сделать вывод, что формирование наций исторически связано с развитием западноевропейского капитализма, сопутствующим ему становлением гражданского общества, печатных и административных языков, средств массовой информации, систем массового светского образования, и, конечно, распадом абсолютистских монархических государств, их заменой правовым буржуазно-демократическим государством, оказавшимся совместно с «национализмом» важнейшим фактором интеграции лингвистически, конфессионально и культурно разного населения европейских стран в новые — надэтнические — общности — «нации».

Последовательность здесь нам представляется такой:

1) *интерэтнизация*, взламывание всяких локальных ограниченностей как в ходе расширения постфеодальных отношений, складывания «национальных» рынков, так и вследствие выстраивания абсолютистских государств;

2) экономическая, политическая, техническая и пр. *модернизация общества и государства* (формирование налоговой системы, единая валюта, регулярная армия, окончательная ликвидация сословно-представительных учреждений, начало технического прогресса), перемалывание бюрократической машиной многочисленных этносов, живших в поле влияния формирующегося национального государства;

3) *социальная интеграция* — начало формирования национальной идентичности у всех слоев населения (пока что в монархической форме), усиление социальной мобильности (джентри, дворянство мантии);

4) *политическая мобилизация* — осознание себя нацией, ломка всех барьеров, препятствующих национальной универсальности, включая и исключительность абсолютной монархии (прежний мотор глобализации превращается в ее тормоз),

формирование единого правового поля и общенациональных представительских учреждений, появление идеи нации как общности, нуждающейся в защите со стороны граждан, равных между собой в качестве сыновей этой общности;

5) *национализация*, — то есть утверждение этой новой общности, проведение национального принципа во всех сферах жизни общества, агрессивная внешняя политика, как правило сопровождающая рождение наций, а подчас и процедуры национализации в узком смысле слова (конфискации и формирование фонда «национальных имуществ»), и интернационализация — интенсивное развитие международной торговли, формирование мировых рынков, складывание колониальных империй, достигшее пика к началу XX века;

6) *социокультурная интеграция*, осуществляемая национальным государством, уже обретшим в борьбе за независимость чувство общей судьбы, проведение единых культурных, образовательных стандартов, создание национальной системы образования и культурной инфраструктуры, стандартов в области языка и печати.

Возникновение современной Европы национальных государств не было predetermined процессом и носило вероятностный характер. Но по завершении процесса, ретроспективно можно выделить его этапы, каждый из которых был существенен с точки зрения успешности национальной интеграции: финансово-административный, военно-политический и социокультурный этапы.

Финансово-административный этап. Согласно теориям модернизации процесс европейской модернизации был обусловлен рационализацией и универсализацией основных экономических, политических, социальных и культурных процессов. Эти социальные инновации закреплялись универсально-понятийным способом кодирования и передачи информации и оформлялись административными, транспортными и коммуникационными инфраструктурами. В основе этого процесса лежало формирование современного государства: как его границ, так и институтов. Ранний этап второй стадии глобализации связан с образованием основных европейских наций, о чем шла речь выше.

Параллельно, взаимно поддерживая друг друга, шли процессы укрепления общегосударственных политических административных структур, а в экономическом плане — укрепления позиций и постепенного господства торгового и банковского капитала. Буржуазии нужен был абсолютизм, который сформировал универсальное торговое и правовое пространство и превратил аристократию в слуг государства, то есть вытянул как «гнию» и засушил все, что оставалось жизнеспособным от эпохи феодализма и мешало национальной интеграции. Со временем оставалось лишь удалить эту «болячку», под которой уже сформировалась новая кожа, в результате революций. Укрепление абсолютизма подрывало основу феодализма — родовой принцип принадлежности к власти. Роль родства при занятии должностей неуклонно снижалась, уступая место преданности государю и интересам государства. Устранение монархии и оформление несословной, универсальной в правовом отношении системы власти стало лишь логическим завершением этой политики. Преданность королю на этом этапе была основным рычагом централизации.

Национальное единство пока что, в раннее Новое время, существовало лишь как проект, персонифицируясь в фигуре короля. Это именно переходная форма централизации, феодальная по природе своей и сохранявшая потому многие местные структуры и обычаи. Но верность королю легитимировала национально-государственное строительство. Опорой королевской власти становилось чиновничество. По существу, опора на чиновничество выводила королевскую власть из парадигмы феодальных отношений. Будучи инструментом абсолютизма, чиновничество вместе с тем формировало унифицированные поля правовых отношений, объективно ограничивающие королевскую власть и формирующие массовое правосознание.

Классической формой укрепления административной машины государства и внешней политики, направленной на построение национального единства за счет абсорбции окраин, стали реформы А. Ж. Ришелье во Франции. Важнейшую роль в национальной унификации сыграло учреждение общенациональной финансовой администрации. Утверждение единой денежной системы и чиновничества шли рука об руку.

При Ришелье утратили свое значение провинциальные штаты и парламенты, эти бастионы сословно-представительской организации общества. Их слом был необходимой мерой обеспечения государственного единства. Королевский финансовый аппарат приобретает с XVI века независимость от сословно-представительных органов. Для новой политики не годились казначеи, слишком укоренившиеся в своих провинциях. В 1637 году Ришелье унифицировал провинциальную администрацию. Был создан институт интендантов юстиции, полиции и финансов, непосредственно подчинявшихся королевскому совету.

На первых этапах новую бюрократическую систему было сложно отделить от совокупности лиц, лично преданных министру-кардиналу. Интенданты сосредотачивали в своих руках почти всю административную власть. Интенданты могли действовать «через голову» губернаторов провинций, принадлежавших к высшей аристократии и часто становившихся выразителями сепаратистских настроений. Финансовая политика становилась решающим инструментом построения абсолютистского государства. Сбор налогов и подавление сепаратизма шли рука об руку. Сопrotивление сепаратизма аристократии, опиравшейся на местные парламенты, жестоко подавлялось. Был казнен губернатор Лангедока герцог Монморанси, попытавшийся поднять оружие против центральной власти. Была ликвидирована «гугенотская республика». Народные восстания против центральной власти нельзя назвать в этот период националистическими движениями: их причины прозаичнее — новые налоги. Ришелье энергично насаждал централизацию и унификацию, жестоко подавляя сословный и провинциальный партикуляризм. Местная валюта была упразднена. Велась работа по кодификации законодательных актов. Без этих мер формирование в последующем общего правового пространства уже на буржуазно-гражданской основе было бы невозможно.

Государство утверждало свой суверенитет в области финансов, внутренней и внешней политики. Губернаторам и феодальным сеньорам было запрещено осуществлять самостоятельную финансовую и военную политику. Провинции

последовательно лишались региональных свобод, а парламенты — политических полномочий. Парламентам было запрещено вмешиваться в дела государственной администрации. Провинциальные штаты, поддерживавшие сепаратизм, распускались без права созыва. Степень сопротивления провинциальных штатов централизаторской политике была тем меньше, чем более в них были представлены мелкопоместные дворяне и третье сословие. Нередко на должности интендантов назначались выходцы из буржуазных слоев, доказавшие свою преданность новой политике³⁰². В целом централизаторская политика была на руку крупной буржуазии. Важную роль в сборе налогов стали играть откупщики. Возросло могущество спекулянтов — владельцев капитала. Имел место своего рода союз государства и спекулянтов. Поддержка Парижским парламентом фрондеров, как и его колебания между Фрондой и верностью королевской власти во время правления Мазарини были вызваны именно ненавистью к деятельности откупщиков, от услуг которых правительство Мазарини, продолжавшее централизаторский курс Ришелье, не могло отказаться. Парижский парламент в этом выражал не столько настроения оппозиционные централизации, сколько интересы более широких слоев третьего сословия.

Как пишет Е. М. Кожокин, именно в борьбе двух взаимосвязанных сил — королевских министров и магистратов — зарождалось буржуазное государство. Ни та, ни другая сила сознательно не стремились к этому, но обе защищали институты, без которых современное общество немислимо: чиновничество современного типа в лице интендантов и право общества на независимую судебную систему и возможность контроля за расходованием государственного бюджета со стороны парламентов. Фактически этим закладывалась основа для идей разделения властей и подотчетности исполнительной власти³⁰³. Меры по укреплению абсолютизма отвечали интересам буржуа, стремившимся к единым правилам игры в торговом пространстве и гарантиям безопасности для деятельности

³⁰² Черкасов П. П. Кардинал Ришелье. — М., 1990. — С. 92.

³⁰³ Кожокин Е. М. Государство и народ от Фронды до Великой Французской революции. — М., 1989. — С. 27.

на этом пространстве. Мероприятия государства по унификации обеспечивали совершенно новые условия для горизонтальной, а иногда и вертикальной мобильности. Опора на буржуа была важным рычагом могущества королевской власти наряду с опорой на низшее служилое дворянство. Именно союз горожан с королем привел к постепенному уничтожению самостоятельных феодальных вотчин на территории Франции и возникновению на их месте суверенной монархии, то есть национального государства. Эта линия была успешно завершена Людовиком XIV и Кольбером: введение протекционистских таможенных тарифов, издание мануфактурных регламентов, округление территории благодаря войнам.

Становящееся национальное государство модернизировало «поля обмена и коммуникаций», совершенствуя транспортные инфраструктуры, «сжимая» время и пространство. Тот же процесс, идущий сегодня, мы называем глобализацией. Как пишет З. Бауман, «задача, стоявшая перед государством Нового времени, нуждавшимся в унификации пространства, находившегося теперь под его прямым управлением, не являлась в этом смысле исключением; она заключалась в отделении пространственных категорий и различий от видов человеческой деятельности»³⁰⁴. Государство преодолеvalo партикуляризм, обеспечивая, по словам З. Баумана, «читаемость», прозрачность пространства посредством единой налоговой и финансовой политики, введением национальных мер и весов.

Процесс этот шел при абсолютизме и ускорился после революции. Революционное правительство во Франции не случайно уделяло столь большое внимание вопросам мер и весов. Революционное значение имело и разделение страны на департаменты, поломавшее историко-культурные территориальные привязки, препятствовавшие повсеместному равномерному проникновению национального государства в ткань социальной жизни. Населенный мир становился однородной средой, приспособленной для надобщинного государственного администрирования. Удобное для государственной администрации, но дезориентирующее исторически сложившиеся общины

³⁰⁴ Бауман Зигмунт. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М., 2004. — С. 46.

разграничение пространства — что это, как не отрыв от корней, расширившийся сегодня до глобальных масштабов. Все это показано в ставших классическими работах М. Фуко о дисциплинирующем воздействии таких институтов, как производство, тюрьма, армия, клиника, избирательный процесс. В том, что освобождение от укорененности и дисциплинирование извне дополняют друг друга, критики глобализации правы.

Процесс становления национального государства в раннее Новое время идет как двуединый процесс построения государства и формирования нации под воздействием унифицирующих усилий государства. Важно понимать, что это процесс, и государство здесь не однотипно, а со временем меняется само, в т. ч. и принципиальным образом (абсолютная монархия, конституционная монархия, республика, имперская форма, те или иные варианты реставрации). Мы обращали внимание выше на диалектику самоотрицания абсолютистского государства. Этот универсальный нивелир своими мероприятиями создал условия для формирования гражданского общества на месте общества сословного, то есть создал нацию. Но исключительность его политического принципа отрицала самостоятельность бытия нации. Абсолютизм сыграл для нации роль куколки. Слабость его была в том, что стремление к централизации и унификации, ликвидация сословных и провинциальных свобод, легальной оппозиции, не только создавало условия, но и затрудняло развитие гражданского общества. Ришелье, пишет П. П. Черкасов «создавал централизованное бюрократическое государство, полностью игнорируя интересы гражданского общества, постоянно попирая их, что и определило непрочность его творения»³⁰⁵. Внешне внушительное здание абсолютистской монархии пришло в негодность, лишенное поддержки общества. Продолживший политику Ришелье Людовик XIV «с помощью Кольбера и других послушных министров возводил систему всеобщей бюрократической опеки, система была создана, но опекаемые сохранили в себе способность к сопротивлению»³⁰⁶. Бюрократическими

³⁰⁵ Черкасов П. П. Кардинал Ришелье. — М., 1990. — С. 225.

³⁰⁶ Кожокин Е. М. Государство и народ от Фронды до Великой Французской революции. — М., 1989. — С. 80.

методами оказалось невозможным обеспечить реальную социальную интеграцию.

Диалектика государства и гражданского общества проявилась в том, что государство начало вырождаться в деспотию, а разбуженное и объединенное им гражданское общество стало «расправлять плечи». По мере того, как система национального государства институционализировалась, претензии абсолютных монархий на выражение суверенитета вынуждены были столкнуться с требованием суверенитета со стороны народа-нации. Неизбежным становился новый этап, на котором гражданское общество своим давлением пересоздаст государство, а государство, вышедшее из горнила революции, начнет стремиться реально работать с гражданским обществом, видя в гражданском единстве залог прочности государства. Как отмечает И. Валлерстайн, Французская революция изменила ситуацию, сделав подданных гражданами, а государства — теоретически, а в некоторой степени и практически ответственными перед значительной частью населения³⁰⁷.

Военно-политический этап. Создание национального государства требовало не только административного и финансового, но также политического и гражданского единства. Степень интегрированности общества должна была стать существенно выше, интенсивнее должны были идти процессы, которые мы сегодня называем глобализационными. Буржуазные революции создали единство правового поля, без которого немислимо ни гражданское общество, ни национальное государство. Символом рождения нации стало свершившееся в период Великой французской революции разделение на аристократов и патриотов. Само употребление этого слова практически как штампа революции показывает великую роль национализма в демократизации и унификации социума. Аристократ был подданным, патриот стал гражданином. Аристократы не осознавали себя частью нации, были для нее инородным телом. Ликвидация сословных привилегий дополнила ликвидацию феодального землевладения и унифицированное административно-территориальное деление на департаменты. Этноразноязычные меньшинства в старой Франции были привязаны

³⁰⁷ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. — М., 2003. — С. 146.

к исторически сложившимся провинциям и разделению на департаменты было ударом по партикуляризму. Интенданты Бурбонов в нефранцузских по составу провинциях ограничивались вопросами сбора налогов и верности королю, но не имели целью вмешиваться в национальные и местные обычаи. В завоеванной при Бурбонах Фландрии были сохранены все существовавшие ранее местные органы власти. Уполномоченные присылаемого из Парижа интенданта часто были местного происхождения и обеспечивали контакт с местной элитой. Теперь же все должны были становиться французами. Не случайно, например, сегодня савойские националисты требуют создания в рамках Франции Савойского региона: формальное разделение Савойи на департаменты представляет серьезную помеху их планам. В Эльзасе раздаются требования об объединении департаментов в Эльзасскую общность. Деление на департаменты сдерживает сепаратистские настроения.

В ходе модернизации унификация шла рука об руку с рационализацией. Демократия в отличие от автократии предполагала рационального индивида, фиксированного своими гражданскими правами и обязанностями. Подход на позиции приоритета разума был условием признания за другим аналогичного набора прав. Демократия становилась условием рациональности, сознательного объединения в нацию. Рационализм освободил мобилизующий модернизационный порыв государства. На этом этапе происходило ускоренное формирование нации как политической общности. Если несколько огрубить, *можно сказать, что принципы новоевропейской рациональности порождают национальное государство, поскольку формируют вменяемого и лично независимого гражданина для этого государства.* Впервые в истории возникали нации — сообщества, состоящие из формально равных в правовом отношении представителей разных социальных классов, имеющие общее чувство идентичности, связанное как с той или иной степенью этнической общности, так и прежде всего с опытом борьбы за новую идентичность с внутренними и внешними врагами. «С этой точки зрения национализм можно рассматривать как психологическую и культурную привязанность, создающую связь с национальным сообществом, а также как политический и культурный проект, цель которого

самоопределение, а также создание и формирование государства»³⁰⁸. Ранее конца XVIII века нельзя говорить о сложившихся нациях. Лишь эпоха буржуазных революций сделала национальную идентичность доминирующей. *Старые империи как федерации государств при доминировании одного сменились интегрированными имперскими национальными государствами.* Показателен и раскол среди самих французских революционеров: жирондистов — сторонников федерации, и централистов-якобинцев. Победили последние.

Европейские нации, унифицирующие подвластную им социальную среду, рождались в борьбе. Решающую роль в их формировании на этом этапе играл общий исторический опыт. Сам этот опыт национальной борьбы был многослоен. Он включал в себя и моменты реальной борьбы: война британских колоний в Америке за независимость, войны революционной Франции, антинаполеоновское сопротивление германских государств, войны Испании против интервентов, войны испанских колоний в Америке за независимость, вооруженная борьба за независимость итальянцев, греков. Помимо прочего, войны обеспечивали приращение национальной территории с ускоренной «переплавкой» наличного населения в нацию.

Еще одним существенным компонентом исторического опыта, формирующего нацию, становилась интерпретация в соответствующем идейном духе событий настоящего и особенно прошлого. Национальный исторический опыт также становился более эффективным благодаря воображаемым компонентам. Различные исторические события и деятели превращались в символы национальной борьбы независимо от их реального исторического содержания. В этом смысле национальный миф по существу, то есть по своим мобилизационным задачам, не отличается от этнического мифа. Во время Английской буржуазной революции XVII века миф о «норманнском иге» подпитывал антимонархическую идеологию «освободительной борьбы английского народа» демократического крыла революционеров. Такую же роль противопоставления нации с галльскими корнями и иноземной, франкской по происхождению,

³⁰⁸ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. — М., 2004. — С. 397.

власти играло наименование Людовика XVI Капетом во Время Великой французской революции XVIII века. В XIX веке Наполеон III в целях укрепления мифологии борьбы за национальное единство «оприходует» подвиги Верцингеторикса и введет его в пантеон национальных героев наравне с Жанной д'Арк, хотя у самого героя не могло быть не только «французского», но даже общегалльского самосознания.

Искажение исторической истины не только не помеха, но, напротив, условие деятельности национального государства по формированию национальной идентичности. Нации как новые образования стремятся санкционировать себя вековой историей, которая оказывается не более чем мифом. *При возникновении всех наций имело место сознательное конструирование национальной истории.* Огромную роль в этом играли общенациональные государственные ритуалы и празднества. Первыми это поняли французские революционеры. Праздник Федерации, посадка деревьев Свободы, праздник Верховного существа не только заполняли духовную пустоту, порожденную антиклерикальными мероприятиями революции, но и конституировали в душах людей чувство национального единства, осознание новой идентичности. Глубоко прав Б. Андерсон, когда пишет о том, что лишь нации и национализм могут создавать такие культурные символы как кенотафии и могилы Неизвестного солдата³⁰⁹. Мы отмечали, что переход к национальному способу существования предполагает приобщение к универсально-понятийному способу социального кодирования. Кенотафии и могилы Неизвестного солдата есть именно абстракции в высшем и глубоко реальном смысле этого слова, абстракции не просто мыслительные, но идентификационные. Именно абстрактность, внеэтничность, внеперсональность этих символов оказывается условием идентификации, чувства единства у самых разных людей с самыми разными этнокультурными корнями. Эти корни сплетаются вместе в единую историческую судьбу. Происходит то, что мы сегодня называем глобализационным процессом. Только национализм может

³⁰⁹ Андерсон Б. Воображаемые общности. Размышления о происхождении и распространении национализма // Этнос и политика. — М., 2000. — С. 80.

создать гуманитарные инфраструктуры, необходимые для ассимиляции населения окрестных территорий и «переплавки» народа в нацию.

Важнейшую роль в закреплении национальной интеграции, приобщению граждан к национальному единству играли войны и символизация всего, что связано с армией. Еще в абсолютистский период Ришелье и Людовика XIV участие Франции в европейских войнах, в частности в Тридцатилетней войне, преследовало не религиозные цели, а реализовывало стремление объединить вокруг общего центра тяготевшие к нему окраинные исторические области, бывшие квазинезависимыми или находившиеся под властью других европейских монархов. В ходе этих войн формировалось само понятие национальной государственной границы и складывалась мобилизационная экономика и профессиональные армии. Однако абсолютистская монархия не могла обеспечить единство национального сознания, и до эпохи буржуазных революций воевали монархи, а не нации, а население подчиненных территорий присягало на верность новому монарху, сохраняя все свое этнокультурное своеобразие.

Гражданство же, как верно пишет И. Валлерстайн³¹⁰, выдвинуло на первый план конфликт между нациями, прежде всего потому, что завуалировало существовавшие внутри государств как классовые, так и этнические трения и конфликты и способствовало консолидации государства за счет реальных и, одновременно, иллюзорных средств. В войнах за Французскую республику родились и национальная гордость и символы, выражающие ее, например, национальный гимн. Чрезвычайно интересно, например, что Великая французская революция и война с соседней, родственной в этническом и языковом отношении бурбонской Испанией, создали в провинции Руссильон французский патриотизм и способствовали ее реальному слиянию с судьбой нации. Первая мировая война еще более углубила разрыв между испанскими южными и французскими северными каталонцами, который из плоскости патриотических чувств постепенно, но закономерно переходил в плоскость филологии и орфографии.

³¹⁰ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. — М., 2003. — С. 149.

Поэтому когда С. Хантингтон, высказываясь против тезиса Э. Ренана о нации как «ежедневном плебисците», указывает на то, что нация невозможна без таких родовых признаков, как совокупность ритуалов, гимнов и т. п., выражающих ее «душу», то есть историческую судьбу, наполненную героями и злодеями, жертвами и победами, он, сам не замечая того, солидаризируется с конструктивистской концепцией нации³¹¹. Но С. Хантингтон безусловно прав в другом — признании роли армии и войны в формировании нации. Защищая нацию, государство формирует у своих граждан национальное самосознание; в результате происходит ослабление групповых идентичностей, в том числе этнических³¹². Для обретения идентичности необходима дифференциация по принципу «мы — они», невозможная без формирования национальных стереотипов и идеи превосходства. Превосходство нуждается в подтверждении, а стереотипы способствуют демонизации других в качестве врагов. Поэтому Хантингтон даже постулирует невозможность продолжительного мира между нациями и ставит проблему самой возможности поддерживать национальную идентичность в мирное время³¹³.

С подобным приговором об эрозии патриотизма во время отсутствия войн нельзя согласиться. В этом случае не учитывается именно трехэтапный путь формирования целостности нации: от финансово-административного через военно-политический к социокультурному. Более того, без социокультурного закрепления никакие успехи национальной идентичности на военном поприще не могут быть долговечными.

Успешность строительства национального государства не может быть обеспечена одними лишь военно-политическими методами, также как и финансово-административными, не может на них остановиться. Остается проблема истинной интеграции — социокультурной. Она актуальна для всякого успешного национального государства, то есть такого, в котором формируется нация, независимо от того, возникло ли оно

³¹¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М., 2004. — С. 529.

³¹² Там же. — С. 23, 26, 41, 61.

³¹³ Там же. — С. 57, 58, 62.

на основе абсолютистской монархии, выросло ли оно в империю или же, наоборот, выделилось из империи или освободилось от колониальной зависимости. Военно-политический этап второй стадии глобализации создал современный институт гражданства — великое завоевание государства, скрепляющее индивидов независимо и поверх и этнических, и классовых интересов и выдвигающий на первый план различие между нациями. Гражданство обеспечивало единство государства с помощью возвращения в душах людей чувства общей судьбы, возникающего из осознания общности понесенных во имя нации жертв, которое оформлялось соответствующими мифами и идеологемами. Но именно успешность в этом деле требует перехода в нации-государстве от гражданской к социокультурной интеграции.

Социокультурный этап. Его важнейшими факторами становятся обеспечение реальной коммуникации между представителями разных классов, составляющих нацию, повышение уровня грамотности всех слоев населения на основе общегосударственных стандартов, институциональное оформление и закрепление национальных мифов и ритуалов и перестройка на этой основе системы образования с внедрением в массовое употребление общенационального литературного языка. Если при формировании этносов, при имперской переплавке в традиционных обществах решающая роль принадлежала религии, то при формировании наций важнейший социокультурный фактор — становление институтов гражданского общества и формирование «национального сознания».

Ведь средневековый человек даже не мог вообразить себе такую надэтническую общность как «нация». Его воззрения на окружающий мир и восприятие этого мира были принципиально ограничены тотальным локализмом его образа жизни и устным разговорным языком, словарный запас которого формировался в пределах этнически ограниченного круга общения. Единственным универсальным средством межэтнического общения была латынь, которую монополизировало духовенство, а единственной потенциально доступной книгой — Библия, написанная на той же латыни. И вот этот реальный дефицит знаний и информации о внешнем мире

ограничивал сознание большинства людей XI–XIV веков горизонтами мифа, этнических преданий и традиций.

Но массовое распространение в XV–XVI веках технологий печатания книг и газет радикально изменило осознание и восприятие мира, сделав психологически представимым и приемлемым такой феномен как нация. Если массовое тиражирование лютеранской Библии на немецком языке, вовлекшее в движение Реформации миллионы людей, способствовало разрушению идеологической монополии католической Церкви³¹⁴, то распространение светских книг и газет, замечает Андерсон, помимо прочего, изменило представление европейцев о времени. «Роман и газета были теми формами, которые обеспечивали технические средства для представления воображаемых общностей типа нации. Действия-персонажей романа происходят в одном времени, фиксируемом часами и календарем, но при этом персонажи могут совершенно ничего не знать друг о друге. В этом новизна такого воображаемого мира, создаваемого автором в умах читателей. Представление о социологическом организме, календарно движущемся в гомогенном, пустом времени — это точный аналог идеи нации.

...Газета же представляет собой как бы “крайнюю форму” книги, продаваемой в колоссальных масштабах, но краткосрочной популярности, можно сказать — однодневный бестселлер. То обстоятельство, что газета устаревает на следующий день после ее выпуска, порождает чрезвычайную массовую церемонию: почти одновременное потребление (“воображение”) газеты как артефакта. Мы знаем, что конкретные утренние и вечерние издания будут в основном потреблены между таким и таким часом, в этот, а не другой день. Значимость этой церемонии (Гегель заметил, что газеты современному человеку заменяют утреннюю молитву) парадоксальна. Она осуществляется в молчаливом уединении и происходит лишь в голове. Но каждый участник хорошо осознает, что выполняемая им церемония повторяется одновременно тысячами, если не миллионами, других людей,

³¹⁴ В течение сорока лет, прошедший после издания Библии Гутенберга, в свет вышло более 20 млн томов книг, а в следующем столетии — 150–200 млн.

в существовании которых он уверен, но не имеет ни малейшего понятия об их индивидуальности. Эта церемония повторяется ежедневно или дважды в день, до конца календаря. Можно ли представить себе более живую картину светской, исторически-временной общности?»³¹⁵.

Действительно, отмеченная Андерсеном коалиция протестантизма и «печатного капитализма», использовавшего дешевые массовые издания, быстро создала широкую читающую публику, включавшую также купцов и женщин, обычно не знавших латыни, и одновременно мобилизовала ее для политико-религиозных целей. Помимо этого она принципиально изменила языковую ситуацию. В Европе и других частях света в допечатный период многообразии разговорных языков было огромно. Но разнообразные диалекты поддавались — в определенных пределах — слиянию в механически воспроизводимые «печатные языки», пригодные для распространения посредством рынка.

Таким образом, печатные языки заложили основу национального сознания в трех четких формах. «Во-первых, и главным образом, они создали унифицированные поля обмена и коммуникаций, менее обширные, чем на латыни, но шире, чем на разговорных диалектах. Говорившие на разных формах французских, английских и испанских диалектов и не понимавшие друг друга в разговоре, теперь стали понимать — благодаря печати и бумаге. Постепенно они осознавали, что их языковое поле включает сотни тысяч и даже миллионы людей, но *только эти* сотни тысяч или миллионы. Эти читатели, связанные общим печатным языком, образовали в своей светской, партикулярной, видимой невидимости зародыш национально-воображаемого общества»³¹⁶. Одновременно с появлением национальных языков с XVII века шло, как пишет В. М. Алпатов, «вытеснение многих малых языков, которые либо были обречены на вымирание, либо оттеснялись на периферию, либо после изменения государственных границ

³¹⁵ Anderson, Benedict. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* — London: Verso, 1983. — P. 44.

³¹⁶ См.: Геллнер Эрнест. *Нации и национализм* / пер. с англ. Т. В. Бердаковой и М. К. Тюнькиной. — М., 1991. — С. 86–87.

могли стать государственными языками (чешский, финский, латышский и др.)»³¹⁷. В национальных государствах Нового времени господствовала идея единого языка для всей страны. В Великобритании языки меньшинств, причем таких, как шотландцы, ирландцы, валлийцы, не признавались и жестоко вытеснялись. Они переставали вследствие этого быть не только средством делопроизводства, но и способом коммуникации.

Если печатные и административные языки стандартизировали основной способ массовой коммуникации, то развитие общенациональных систем образования в XVIII–XX веках стандартизировали культуру как ведущий способ национальной интеграции. Распространяясь по схеме «центр-периферия», общая для всех культура шаг за шагом охватывала всю территорию стран Западной Европы, постепенно превращая их полиэтничное мультикультурное население («гасконцев», «бретонцев», «валлийцев», «пьемонтцев» и т. д.) в некое культурно гомогенное целое — в людей, принадлежащих одной «нации».

Этот процесс продолжался не одно столетие, требуя постоянных усилий и контроля со стороны государства. Но настоящему государству взяло на себя роль «воспитателя нации» лишь в XIX веке, когда массовое начальное образование стало нормой в большинстве стран Западной Европы. Связано это было, очевидно, с осознанием государством необходимости социокультурного закрепления гражданского единства, обусловленного унифицированностью правовой системы, и главное — военно-патриотического единства, рожденного в борьбе за возможность самостоятельного существования нации. Свою роль сыграло и использование национальным государством имперских механизмов. Ведь империя всегда осознает себя как особое цивилизационное целое: цивилизация и есть социокультурная форма империи. В патриотизме, национализме осуществлялся сплав военно-политической и социокультурной составляющих национального единства. Сама армия становилась мощным символом национального единства.

Как верно пишет И. Валлерстайн, национализм заключался в воспитании патриотического чувства привязанности

³¹⁷ Алпатов В. М. Глобализация и развитие языков // Антиглобализм: новые повороты. — М., 2005. — С. 101.

к своему государству, что достигалось систематической деятельностью двух институтов, обязательных для граждан: начальных школ и службы в армии, а также повсеместным распространением коллективных националистических ритуалов³¹⁸. Вся совокупность государственных ритуалов служила укреплению веры в приоритетность для человека принадлежности к национальному сообществу и идентификации себя с ним. Таким образом, в XIX веке ведущие европейские государства осознали, что реальная интеграция может быть осуществлена социокультурными, а не юридическими средствами. Началось целенаправленное создание национальной культуры, в ходе которого существующие культурные механизмы дополнялись государственным воздействием. Государство стало контролировать фабрикацию культурных идеалов и символов, которые могли обеспечивать общую идентификацию представителей различных социальных групп, находящихся между собой в конфликтном состоянии. *Одновременно эти идеалы и символы призваны были интегрировать людей с разными этническими корнями таким образом, чтобы возникшее у них чувство общей идентичности совпадало с границами государства.*

Конечно, формирование национальной идентичности было делом не только государства, но государство должно было создавать и создавало с большим или меньшим пониманием значимости этого дела необходимые культурные инфраструктуры для распространения национальной идентичности и подавления периферийных идентичностей внутри государственного целого. К этим инфраструктурам и можно отнести официальный язык, школьное образование, национальную почту, национальную прессу. Лишь в XIX веке, на третьем этапе второй стадии глобализации государство озаботилось как всеобщей грамотностью населения, так и созданием прессы для народа, что несомненно сделала духовную ситуацию в обществе более подконтрольной. Государство стало держать под контролем трактовку истории, более того, само создание «национальных историй» не могло не стать относительно произвольным сочетанием реконструкции прошлого

³¹⁸ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. — М., 2003. — С. 147.

с конструированием пути развития, цель которого предзадана изначально и опрокинута в прошлое. Таким образом государство укрепляло себя не только экономически и военно, но и культурно. Этот процесс З. Бауман удачно назвал «мобилизацией культурных ресурсов, достаточных для поддержания идентичности и своеобразия государства через своеобразную идентичность его подданных»³¹⁹.

Завершая эту главу можно сделать некоторые выводы и уточнить прежнее предельно общее понимание процесса образования наций. Его следует рассматривать как «перерыв постепенности» этногенеза, как своего рода качественный скачок, суть которого состоит в диалектическом отрицании предшествующей «этнической истории» (сначала в европейских, а затем и в других странах) «историей наций». Если воспользоваться терминологией классической модернизационной теории, социально-политический смысл этого события заключается в переходе от традиционных форм общежития (с характерным для них приматом коллективного над персональным, религиозного над светским и вообще ориентированными на традицию как основной способ регуляции социальных отношений и образа жизни) к его современным — инновационным, гражданско-правовым и целерациональным — формам жизни³²⁰.

Вопреки распространенному мнению, противопоставляющему «этносы» в качестве природно-ландшафтных биосоциальных организмов «нациям» как социокультурным феноменам, автор считает, что этносы, как и нации, представляют собой сложные социокультурно связанные сообщества людей, различающиеся между собой некоторыми антропологическими характеристиками, но исторически формирующиеся в ранних государствах и/или аналогах раннего государства,

³¹⁹ Бауман Зигмунт. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М., 2004. — С. 90. И чем дальше идет история, тем эта мобилизация ресурсов становится сильнее. Процесс тот же самый, а интенсивность его повышается с переходом к третьей стадии глобализации с середины 1970-х гг. Теперь говорят уже о навязывании с помощью СМИ не то что, общей идентичности, а прямо таки культурной унификации.

³²⁰ Подробнее об отличиях традиционных и современных обществ (modern society) см. Федотова В. Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии, 2002, № 12, с. 3–4.

не обладающих всеми атрибутами развитых государств: регулярной армией, полицией, пеницитарной, налоговой и финансовой системами. Имеющая монополию на власть и мифотворчество межплеменная элита в этих государствах выступает главным источником этнического сознания и идентификации. Но в отличие от этносов, нации это, прежде всего, не традиционно-мифологически, а *политически организованные* социокультурные и гражданско-правовые социумы, где постепенно, по мере трансформации абсолютистской формы правления, произошла замена «суверенитета государя» понятием «народного суверенитета», с одной стороны, и функциональное обособление государственного аппарата («отделение государства») от «гражданского общества», с другой.

Суммируя сказанное, *можно определить нации как сообщества людей, состоящих из разных социальных и этнических групп и имеющих общее чувство идентичности, коренящееся в общем историческом опыте (реальном, воображаемом или интерпретируемом), целостность которых поддерживается не только «традицией» (моральными императивами, исторической памятью и др. «механизмами»), а прежде всего — политической властью в лице государства, целенаправленно вырабатывающей систему мер по поддержанию национального единства своих граждан.* В контексте истории глобализации человечества нации представляют собой не локальные, а глокальные сообщества индивидов (некое сосредоточение глобального и локального), *связанные помимо общих символов нации, еще и интерпретируемыми в качестве общечеловеческих представлениями о «всеобщих» правах человека и гражданина.*

Анализ европейской и мировой истории свидетельствует об отсутствии жесткой линейной причинно-следственной зависимости между процессами образования наций и национальных государств. Многие европейские исторически первые нации проделали путь от «государства» к «нации», развитие других шло преимущественно от «нации» к «национальному государству», тогда как для третьих был характерен некий «гибридный тип развития». Одни нации образовывались в результате «сецессий» — отделения от политического тела империи, тогда как другие активно использовали унаследованную со времен абсолютизма универсальную имперскую

политическую конструкцию для расширения территориального пространства нации и укрепления ее единства. Политической формой развития многих наций выступала империя: формирование сначала ведущих европейских, а затем и некоторых других национальных государств (например, США), осуществлялось за счет внешних военных и колониальных экспансий, взаимно обуславливающих друг друга. Во всех этих случаях ведущая роль принадлежала «национализму»: новому историческому феномену социальной жизни человечества, диалектически «снимающему» доминирующие ранее этнические формы бытия и существующему в исторически конкретных идеальных и предметно-практических воплощениях — в идеях и чувствах, художественных произведениях и политических трактатах, программах и действиях государства, общественных организаций и «движений», целью которых были и остаются формирование, сохранение, развитие и экспансия (территориальная, политическая и др.) наций и/или национальных государств.

Отвлекаясь от исторической конкретики многочисленных форм национализма можно утверждать, что национализм существует в двух основных видах: государственного и этнического национализма. Источником этнического национализма является воображаемое или объективное неравенство этносов в полиэтническом государстве, его социальным субъектом — этнические элиты и интеллигенция, а способом существования — борьба за создание нации и национального государства или за «национальное самоопределение» в составе либо вне данного государства. Но исторически первым был государственный национализм формирующейся из буржуа и интеллектуалов (интеллигенции) XVII–XVIII столетий «либеральной бюрократии» — слоя, персонифицирующего рациональный характер организации и осуществления демократизирующейся государственной власти и сыгравшего решающую роль в культурно-языковой стандартизации и секуляризации жизни населения большинства западноевропейских стран, реально превратив их в *социокультурную общность равноправных граждан* — «нацию». Нация — цель любого национализма, а национализм — средство национального строительства,

доминирования и экспансии наций, используемое и не имеющими государственности этносами, и национальными государствами. Последние применяли и применяют «национальные формы» глобальных стратегий, стремясь добиться геополитического, экономического и иного преимущества для своих наций, активно используя имперскую политическую конструкцию. *История глобализации XVII–XIX столетий — история поэтапного разнообразного использования национально-особенных форм западноевропейской модели развития в целях финансово-экономического, военно-политического и культурного глобального доминирования нескольких наций-государств.*

Глава 3. Глобализм национальных государств в XIX — первой половине XX столетия

Переходя к этому разделу, следует вновь обратить внимание на принципиальный для автора тезис о диалектике общего и особенного в процессе формирования и распространения западноевропейской цивилизационной модели, которая изначально существовала и развивалась в национально особенных формах — формах политической, экономической и культурной экспансии крупнейших европейских национальных государств с целью глобального доминирования, позже получивших название глобализма. Если глобализация, как я пытался показать, представляет собой историческую тенденцию объединения народов на базе той или иной цивилизационной модели развития, то *глобализм можно охарактеризовать как «свое иное» глобализации — как исторически конкретную совокупность идеологий и практик достижения мирового (глобального) господства*. Последний осуществлялся под флагом «национальных интересов» и «цивилизаторской миссии», в подоплеке которых всегда лежал банальный национализм: стремление расширить территориальное пространство «нации», интегрировав в ее состав другие народы, а если это не получалось, — обернуть ситуацию экономического, политического или иного неравенства в свою пользу — осуществить собственное национальное развитие за счет других народов. О роли и практиках национальных государств в осуществлении объединения миллионов людей на основе выросшей из западноевропейской евро-атлантической модели развития пойдет речь в следующем разделе монографии.

3.1. Национальные государства и колониальные империи

Начиная его, следует вспомнить, что западноевропейская форма глобализации человечества оказалась самой успешной в ряду других, способствовала обретению историей качества всемирности и объединению значительной части человечества на основе европейской модели модернизации. Помимо

либеральных принципов организации экономической жизни в состав этой цивилизационной модели входили демократические нормы общежития (права и свободы человека и гражданина), адекватной политической формой существования которых и институтом считалось демократическое национальное государство. Но исторически наиболее адекватной политической формой развития и распространения цивилизации была «империя». И хотя большинство европейских внутренних и колониальных империй возникли в период доминирования абсолютистской монархической формы правления, — до окончательного формирования ведущих западноевропейских наций, именно крупнейшие европейские империи стали проводниками западноевропейской формы глобализации, ее трансформации, по мере распространения, в евро-атлантическую модель цивилизационного развития, которая остается доминирующей вплоть до наших дней.

Со второй половины XVII столетия, западноевропейская историческая форма глобализации географически имела многовекторный характер, постепенно охватывая Центральную и Восточную Европу, Азию, Африку и обе Америки. В Европе формирование и распространение западноевропейской модели развития выразилось **а)** в преодолении политической раздробленности и образовании с конца XVIII века территориально и численно более обширных новых — национальных — субъектов исторического действия («Войны королей превратились в войны народов-наций»); **б)** появлении новой системы международного права и международных отношений, созданных на основе легитимации понятия «национальный суверенитет» («Вестфальский мир»); **в)** формальном заимствовании странами Центральной и Восточной Европы, в том числе и Россией, западноевропейской «государственной машины» в качестве средства модернизации и мобилизации населения; **г)** возникновении глобалистских философско-политических идей и концепций для Европы и всего мира, прежде всего — И. Канта и К. Маркса; **д)** создании общеевропейских, а затем и международных организаций, ставших, наряду с выше перечисленными явлениями **е)** основой распространения новых экономической (капиталистической) и политической моделей развития, способствовавших, по мере формирования этнического

национализма на территориях Австро-Венгрии, Османской Порты и России, дезинтеграции этих «внутренних» империй.

В свою очередь, начатая в XVI веке Испанией и Португалией, затем интенсивно продолженная в XVII–XIX столетиях Голландией, Францией и главным образом Великобританией активная колонизация «неевропейского мира» всегда осуществлялась в национально-особенных имперских формах. Речь идет об имперских механизмах осуществления внутреннего единства и внешнего могущества. Империи европейских наций Нового времени это уже не конгломераты, как империи древности и средневековья, в них осуществлена национальная переплавка, а колонии свои они осваивают с регулярностью, применяя универсальные рациональные формы управления. *Национальное государство, являющееся одновременно колониальной империей, — высшая для первой стадии глобализации форма осуществления экспансионистской политики.* Имперский авторитарный механизм необходим для политической мобилизации и решения задач национального единства. *Экспансия вовне становится вместе с тем решением проблемы внутренней интеграции населения государства.* Параллельно изобретаются необходимые для осуществления этой политики идеологические подпорки: политический, экономический и культурный «национализм». Европейские колониальные структуры, созданные в Южной Америке до эпохи промышленных и политических революций и формирования буржуазных национальных государств, оказались непрочными. Однако, как верно отмечают исследователи, после возникновения в XVIII веке в Европе национализма и национальных государств, европейские империи сделались более действенными инструментами культурной власти вне Европы благодаря направленному воздействию и управлению унифицированными культурными институтами и потоками по всему пространству империи. «Именно национализм стал наиболее мощной культурной силой, которую систематически поддерживали, финансировали и развивали современные государства»³²¹.

Соглашаясь с этим, не следует забывать и об экономическом национализме. Прообразом современных ТНК были

³²¹ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. — М., 2004. — С. 402.

торговые компании раннего Нового времени, имевшие государственное покровительство, но и сами влияющие на принятие политических решений, имевшие свои армии, чеканившие деньги, державшие в зависимых регионах, «представляющих национальный интерес», своих представителей и административно-управленческие структуры, подчас находящиеся в конфликте интересов с эmissарами своего собственного государства. Они начинали постепенно жить своей жизнью, независимо от национальных государств, способствовавших их появлению. Можно вспомнить, что А. С. Грибоедов в Тегеране боролся за российские национальные интересы именно с представителем Ост-Индской компании при нейтралитете официального представителя Великобритании. Ост-Индская компания в Великобритании, Ост-Индская компания в Голландии, Северная и Левантийская компании во Франции были теми формами, в которых национальное государство, использующее для своего укрепления имперские механизмы, но не имевшее средств для их повсеместного применения, продлеvalo сферу своего влияния далеко за пределы национальных границ. Неготовность царского правительства принять предложение Грибоедова по созданию Российской Закавказской компании в противовес Ост-Индской было симптомом слабости развития Российской империи на пути «догоняющей модернизации».

Расширение национально-государственных империй наталкивалось на процесс образования наций у соседей. Столкновение само становится стимулом для ускорения процесса строительства национального государства и в перспективе — империи у тех, кто в этом процессе отставал и оказался слабее. Классическим примером здесь являются трансформации, которым подверглись германские земли в результате наполеоновских войн. Трудно сказать, сколь долгим был бы процесс возникновения германского национального государства, если бы не французская оккупация мелких германских государств, возбудившая волну общенемецкого патриотизма и вместе с тем принесшая немцам современные политико-правовые и социокультурные институты национального государства, выработанные революцией и Наполеоном и выраженные его Гражданским кодексом.

Если формирование империй в окрестном ареале захлебывается в результате противодействия соседей, устремления крепнущей нации переключаются во внешнюю пространственную экспансию и идут в чисто колониальных формах, не исключая стремление расширить территориальное пространство «нации», интегрировав в ее состав другие народы. В частности, это выразилось в попытках построения (конец XVIII — середина XIX веков) аналогов «наций» за пределами метрополий.

За относительно малый срок европейцы поставили под контроль значительную часть мира, колонизировав Америку и основав стратегические форпосты в Азии. В колониях, отмечают исследователи, сформировались особые полиэтнические общности завоевателей, и уже через одно, а тем более — через два или три столетия большинство людей там имело европейские, американские и даже африканские корни. Тогда же под мощным напором европейцев в Новом Свете быстро угасли традиционные религии и стали усваиваться ценности и порядки, принятые в Европе. Начиная с середины XVIII века, европейская экспансия активизировалась на азиатском направлении, с середины XIX столетия — и на африканском. Первоначально европейцы, особенно испанцы, португальцы и даже британцы, стремились построить в колониях аналоги собственных обществ³²². Для этого были определенные предпосылки: колонии были населены миллионами выходцев из Старого Света, носителей национальных культур и ценностей. Знаменательно, что в середине XIX века эмиграция в колонии определялась в документах британского кабинета министров как «перераспределение населения в пределах нации»³²³.

Как известно эта политика государственного национализма не увенчалась успехом. Но, парадоксальным образом, попытки осознанного политического конструирования «наций» на этноплеменной основе были возобновлены в постколониальный

³²² *Иноземцев В.* Несколько гипотез о мировом порядке XXI века // Свободная мысль — XXI, 2003, № 11, с. 3–4.

³²³ *Иноземцев В. Л.* Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации, 2008, № 1, с. 37.

период — в 1960-е и последующие годы, главным образом в Африке, — завершившиеся появлением на политической карте мира нескольких десятков псевдонациональных государств. А в XIX столетии попытки экспорта национально-особенных форм цивилизационного развития квалифицировались колонизаторами и колонизируемыми в качестве «общеευропейских», а чаще «западных». Существующая по сей день интерпретация первоначально сложившейся в пределах западноевропейских национальных государств цивилизационной модели развития в качестве «общеευропейской», недифференцированное противопоставление «Запада» «Востоку», «Азии» да и всему остальному миру — результат возникшего в XVIII–XIX столетиях вследствие колониальных экспансий «ориентализма», действие которого в современных социальных исследованиях выражается, например, в отождествлении «глобализации» с «вестернизацией».

По мнению автора, термин «вестернизация» имплицитно содержит исторически сформированный культурно-оценочный компонент (смысл), выработанный двухсотлетней практикой колониального освоения ведущими европейскими империями Азии, Африки и (в меньшей степени) Америки. В ходе которой выковывалась «европейская идентичность» Белого человека, формировалось представление о его «бремени», «цивилизаторской миссии», в конечном счете основанное на идее расового превосходства. Поэтому, употребляя этот термин, следует иметь в виду, что исторически «вестернизация» реализовывалась в совокупности разных, национально окрашенных (особенных) глобальных (геополитических) стратегий европейских национальных государств.

Последнее уточнение в контексте нашего исследования имеет принципиальное значение. Так как позволяет, не греша против фактов, интерпретировать вестернизацию не только как «цивилизационный империализм» анонимного Запада, выраженный в идеологии и практике ориентализма, но и как *превращенную форму государственного национализма* ведущих европейских держав, реализующих в колониях и за их пределами свои собственные, в том числе и глобальные интересы. Не следует думать, как это делают многие антиглобалисты, что эти интересы сводились лишь к «граблению»

колоний для обогащения сосредоточенной в метрополии «нации». Вплоть до первой Мировой войны, историческая диалектика ориентализма и национализма заключалась в том, что реализуя патернализм, цивилизаторскую миссию Белого человека, португальцы, испанцы, французы или англичане не просто были уверены, «что этот мир *когда-нибудь станет частью их собственной цивилизации*»³²⁴, а именно и прежде всего — частью их собственной нации.

Диктовалось это, разумеется, не столько гуманизмом и альтруистическими побуждениями, а вполне прагматическими соображениями. Ахиллесовой пятой всех без исключения империй была и остается невозможность эффективного управления территориями из одного центра. Завоевать можно любой народ, но удержать его долго в составе нового государства одною только силою невозможно. Необходимо, как уже отмечалось, организовать общее экономическое, политическое и, главное, культурное пространство совместной жизни и в конечном счете интегрировать население колоний и доминионов в состав более обширной социокультурной и политической целостности — нации. Именно поэтому в XIX веке европейские державы вкладывали большие деньги прежде всего в создание имперских образовательных систем и инфраструктуры коммуникаций. Наиболее активно в этом направлении действовала Великобритания. По всему миру для детей местной элиты создавались аналоги английских закрытых частных и начальных образовательных школ, учебники и программы для которых специально готовились английскими специалистами, в доступной форме пропагандировавшими британские культурные и политические ценности. Главным языком образования и обучения был, разумеется, английский. Особенно эффективными в ассимиляции колониальных элит были регулярные отправки небольших групп студентов в Оксфорд и Кембридж, где они получали знания, необходимые для службы в колониальной администрации или, впоследствии, в правительстве стран, получивших независимость. Если Рим строил дороги, обеспечивая возможность управления на большом

³²⁴ *Иноземцев В. Л.* Вестернизация как глобализация, и «глобализация» как американизация // Вопросы философии, 2004, № 4, с. 62.

расстоянии, то усилия Великобритании были направлены на строительство и развитие первых телекоммуникационных систем. Телеграф был изобретен, продемонстрирован и запатентован в 1837 году. А уже спустя 15 лет были предприняты попытки проложить первый подводный телеграфный кабель между Индией и Великобританией, и в 1870 году начала успешно работать первая британско-индийская подводная телеграфная система. После 1878 года, отмечают исследователи, «британское правительство выделяло значительные субсидии для коммерчески невыгодных, но стратегически важных линий, например, 1,75 млн фунтов стерлингов для прокладки кабеля между Австралией и Южной Африкой в 1890-е гг. К 1887 году было проложено 214 тыс. км кабеля по дну океана, 70 % из них британские. В последующие десятилетия британское преобладание немного снизилось, так как другие империи создали собственные телеграфные сети, но в 1908 г. 56 % из 473 тыс. км кабеля были британскими»³²⁵.

Тем не менее, не только «построить» нации, но и серьезно вестернизировать многомиллионное население колоний европейским империям и США не удалось. Для этого надо было импортировать туда «европейский рационализм», «демократию» и «гражданское общество», осуществить финансово-экономическую, политическую и главное социокультурную интеграцию антропологически, религиозно и культурно отличных от европейцев людей в состав сформировавшейся или формирующейся в метрополиях «нации» — то, что в странах Западной Европы заняло не одно столетие. Для многих коренных народов Азии, Африки и Америки, с характерными для них традиционными формами общежития и «непонятными культурами», это означало инверсионный переход в новую, параллельную им, социальную реальность — прыжок через столетия собственного естественноисторического развития. «Национализация» и «вестернизация» народов «споткнулась», с одной стороны, о социокультурное сопротивление

³²⁵ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации... — С. 396. Подробнее о возникновении, расцвете и упадке Британской империи, ее роли в экономическом, индустриальном и социокультурном развитии колонизируемых территорий см.: Ferguson, Naill. Empire. How Britain Made the Modern World. — London: Allen Lane, 2003.

подавляющей массы населения колоний, а с другой, — о «национализм» финансово-экономических и промышленных элит «метрополий», стремившихся использовать имперскую политическую конструкцию не для создания общего экономического и правового пространства для колоний и метрополий, а для обслуживания сосредоточенного в метрополиях национального капитала.

Совершенно не случайно, и это отмечается В. Л. Иноземцевым³²⁶, что успешность национальной интеграции, которая всегда имела свои естественные пределы, трансформировала в XIX веке характер колониальной экспансии: все попытки европеизации населения колоний были оставлены, и национально-государственные империи развивались, не устраняя, а поддерживая социокультурные барьеры. Соответственно усиливалась неравномерность темпов социального развития «первого», «второго» и «третьего» миров. Народы, еще находившиеся на пути к формированию национального государства, не смогли в полной мере воспользоваться преимуществами буржуазного развития и научно-технического прогресса.

Нации, добившиеся в XVI–XVIII веках успехов на пути модернизации, осознали свой потенциал и стали считать себя в XVIII–XIX веках вершителями судеб мира. Традиционные империи не выдержали столкновения с новым типом империй, ядром которых были национальные государства. В эпоху существования огромной империи на о. Ява Голландия была всего лишь графством; Испания еще не обрела сколько-нибудь выраженного государственного единства, когда у ацтеков и инков работал отлаженный имперский механизм. За относительно малый срок европейцы поставили под контроль значительную часть мира, колонизировав Америку и основав стратегические форпосты в Азии. В колониях, отмечают исследователи, сформировались особые полиэтнические общности завоевателей, и уже через одно, а тем более через два или три столетия большинство людей там имело европейские, американские или даже африканские корни. Тогда же под мощным напором европейцев в Новом Свете быстро угасли традиционные религии

³²⁶ Иноземцев В. Л. Несколько гипотез о мировом порядке XXI века // Свободная мысль, 2003, № 11.

и стали усваиваться ценности и порядки, принятые в Европе. «Трех веков колонизации оказалось достаточно для того, чтобы на рубеже XVIII и XIX веков карта Америки покрылась названиями новых государств, два из которых — США и Аргентина — имели к началу XX века экономики — первую и шестую в мире по своей мощи. Начиная с середины XVIII века европейская экспансия активизировалась на азиатском направлении, с середины XIX века — на африканском»³²⁷.

М. В. Ильин совершенно справедливо пишет о колониальных империях как империях нового типа. Их специфика в том, что они создавались национальными государствами³²⁸. Не случайно, что лишь этот тип империй создал такой инструмент как компании (по типу Ост-Индской и др.), чьи традиции продолжают современные ТНК.

Наибольших успехов и устойчивости добилась Британская колониальная империя, бывшая и наиболее обширной. Резкое усиление колониальной экспансии Англии связано именно с буржуазной революцией и вызванной ею ускоренной модернизацией страны. Кромвель желал, чтобы английская нация во главе протестантских держав покорила весь мир, как в Европе, так и за океаном — в Вест-Индии, Северной Америке. Торгово-экономические и геополитические соображения диктовали политические решения. Были завоеваны Ирландия и Шотландия. Их парламенты были ликвидированы, таможенные барьеры устранены, всюду вводилось английское право, система судопроизводства, подати, налоги. Территория Ирландии колонизировалась солдатами — участниками ирландского похода с массовым выселением ирландцев на неплодородные земли³²⁹. Успехи Британской империи были достигнуты прежде всего за счет создания необходимой инфраструктуры коммуникаций, а также за счет распространения английских идей и культурных навыков среди молодого поколения туземных элит. И тем не менее в определенных успехах на этом пути следует видеть прежде всего преследование национальных

³²⁷ *Иноземцев В. Л.* Несколько гипотез о мировом порядке XXI века // Свободная мысль, 2003, № 11, с. 3–4.

³²⁸ *Ильин М. В.* Субъекты мирового порядка XXI века // Глобализация и столкновение идентичностей. — М., 2003. — С. 87.

³²⁹ Подробнее см.: *Павлова Т. А.* Кромвель. — М., 1980.

интересов и стремление повысить степень единства и управляемости государственного организма, а не только цивилизаторскую миссию в отношении народов колоний, как это делает, например, уже упоминавшийся Н. Фергюссон. Вряд ли, например, можно представлять захватническую со стороны Великобритании Англо-эфиопскую войну 1867–1868 гг. в духе пропагандистских штампов современной антииракской коалиции как «операцию по разгрому императорских войск, вызванную враждебными действиями императора Эфиопии в отношении британских граждан». Война, захват столицы оккупантами и самоубийство императора Эфиопии Федора II, скорее, были вызваны классическим для второй стали глобализации стремлением парализовать попытки строительства сильных централизованных национальных государств в странах Периферии.

К середине XIX в Великобритании приобрели популярность идеи «имперской федерации», однако попытки ее создания не были успешными. Интересы Англии и ее колоний принципиально разошлись. Колонии стремились содействовать развитию собственной молодой промышленности с помощью протекционизма, а Англия настаивала на свободе торговли, чтобы беспощадно вывозить свои бумажные ткани, железные изделия и каменный уголь и ввозить сельскохозяйственные продукты для прокормления своего городского населения³³⁰. Спустя 150 лет положение ничуть не изменилось: тот же конфликт интересов между странами «третьего» мира и ВТО. Поэтому утверждения Н. Фергюссона о том, что «Британская империя доказала, что империя является эффективной формой организации наднационального правительства, не отвечая при этом интересам одной только правящей нации»³³¹ — сомнительно. Более правдивы сделанные на основе аналогии между операцией в Афганистане в 2001 году и войной против махдистов в Судане в 1880-х гг. утверждения о том, что колонизация «является наиболее логичным методом противостояния хаосу и необходимость в ней сейчас ничуть

³³⁰ Метен А. Попытки создания имперской федерации // История XIX века. — Т. 8. — М., 1938.

³³¹ Цит. по: *Иноземцев В. Л.* Книгочей. — М., 2005. — С. 342–343.

не меньше, чем в XIX столетии». Эти утверждения означают, что страны Запада не имеют других средств для устранения существующего в мире глобального конфликта интересов кроме военной силы.

Как и в случае с Английской буржуазной революцией, буржуазная революция во Франции и строительство Наполеоном империи придали новый импульс колониальной политике Франции. Нет противоречия между ломкой феодальных порядков в Европе в результате наполеоновских войн и продолжением колониальных традиций Бурбонов. Строительство колониальной империи оказывалось иным измерением создания единого и сильного национального государства, результатом государственного национализма, и в «теории» и на практике всегда стремящегося сохранению и экспансии своей «нации». Созданное Бриссо и Робеспьером «Общество друзей черных» потерпело поражение. Французское правительство отказывалось от принципов «Декларации прав человека» и Гражданского кодекса в отношении негров и начало колониальную войну в Гаити, правда, закончившуюся поражением. Но в других местах Наполеон I, а затем его преемники Луи Филипп и Наполеон III добились успехов. Происходил перехват колоний у Голландии и Великобритании. Были захвачены Алжир, Сенегал, Тунис, Вьетнам, Камбоджа, Новая Каледония и др. При Наполеоне I в колониях были ликвидированы зачатки местного самоуправления, существовавшие даже при Бурбонах, и законодательно закреплено расовое неравенство. В особенности политика внешней экспансии развернулась во время Второй империи, не лишенная откровенного авантюризма³³².

Политика Бисмарка в процессе создания Германской империи использовала лозунг защиты прав немецких национальных меньшинств как предлог для начала войн, направленных на включение в состав национального государства всех тяготеющих к нему исторических областей. Специфика образования Германской империи состояла в сохранении своеобразия и привилегий входивших в нее феодальных государственных образований. Однако прусское военное законодательство вводилось по всей империи в полном объеме. Став империей,

³³² Черкасов П. П. Судьба империи. — М., 1983.

Германия активно включилась в борьбу за колонии, что привело к обострению межимпериалистических противоречий. Бисмарк при создании империи шел бонапартистским путем — путем военно-бюрократической диктатуры и внешней экспансии³³³. Нельзя признать случайным и то, что русско-японская война, бывшая по сути борьбой за колонии, разразилась после того, как в России и Японии были проведены более или менее успешные буржуазные реформы.

Сходные процессы (расширение поля действия торгового капитала, перманентная внешняя вооруженная экспансия и внутренняя правовая унификация) имели место и при становлении США. Источником колонизации был торгово-промышленный капитал, чья активность совпала с мощными миграционными процессами энергичных людей, которым «не находилось места» в Европе. Торговый капитал Испании, Франции, Англии и Голландии активно осваивал новые территории; многие тысячи европейцев, спасаясь от экономического, национального и религиозного гнета у себя на родине, искали счастья за океаном и несли с собой ценности и нормы европейской жизни. Так западноевропейская модель развития трансформировалась в евро-атлантическую.

Первыми в Америку устремились искатели легкой наживы: авантюристы, бродяги, солдаты и работоторговцы, ставшие первыми жителями поселений Сент-Огастин (1565), Пор-Руаяль (1604), Джеймстаун (1607) и Новый Плимут (1620). Вслед за ними шли люди твердых религиозных принципов — протестантские сектанты, переселявшиеся в надежде обрести свободу и там, на новых землях, осуществить свой социальный идеал, обрести свою утопию. Американская мечта в условиях отсутствия постоянных границ становилась экспансивным устремлением, впитавшимся в сам дух формирующейся нации. Американские первопроходцы и новые массы эмигрантов из Европы все дальше отодвигали линию своих поселений («фронтир») на Запад, к тихоокеанскому побережью. За активными людьми двигалось «государство», устанавливая на новых землях свои «закон и порядок». За первые 150 лет колонизации было освоено лишь атлантическое побережье.

³³³ Чубинский В. В. Бисмарк. — М., 1988.

Поселенцы стремились, главным образом, освободиться от власти «метрополий» (Англии и Франции), которые перманентно воевали между собой за зоны влияния на Американском континенте.

Многонациональному населению колоний, жаждущих независимости от власти торговых аристократий Лондона и Парижа и королевских администраций, это было не по душе. Уже в 1643 году была образована конфедерация «Соединенные колонии Новой Англии», а спустя 23 года население Виргинии поднялось против английской короны. Это восстание было сурово подавлено. Однако с тех пор восстания следовали одно за другим. В добившихся, наконец, независимости Соединенных штатах процветали работорговля и война за истребление коренного населения — индейцев, по мере продвижения на Дикий Запад. Отцы-основатели федерации независимых штатов были убеждены, что расширение и увеличение мощи нового государства будет происходить по образцу первых штатов: очередная колония обретает независимость и ходатайствует перед Конгрессом о приеме ее в Союз. Либо можно будет просто покупать новые территории, как была куплена в 1803 году Луизиана у Франции. Но очень скоро стало ясно, что эти «демократические» способы занимают слишком много времени и крайне неэффективны. И тогда для идеологического обоснования новой геополитики появилась соответствующая «континентальная» концепция: «естественными границами» государства должны стать оба океана, омывающие североамериканский континент.

В силу вступил испытанный и быстрый способ образования империй. На Юге — вооруженный захват территорий у более слабых соседей, на Среднем и Дальнем Западе — «освоение» земель, заселенных индейскими племенами, в ходе которого аборигены беспощадно истреблялись, изгонялись или помещались в резервации. Разгромив в 1819 г. испанские войска, Соединенные Штаты присоединили Флориду и Алабаму, отобрали у Мексики путем «самоопределения» Техас в 1845 г., а победив Мексику в войне, захватили у нее Калифорнию, Аризону, Нью-Мексико, Неваду, Юту и Колорадо, населенные исключительно мексиканцами. Что уж теперь переживать С. Хантингтону по поводу угрозы идентичности WASP

под мексиканским культурным давлением. В 1898 году были аннексированы Гавайи, а покорение Запада продолжалось вплоть до начала XX века. В любом американском справочнике против названий многих штатов можно прочесть: «аннексирован».

Оценивая итоги гражданской войны 1861–1864 гг. и решение А. Линкольна о начале военных действий против конфедератов, американские историки признают, что выбор этот был правильным. Высокая цель сохранения целостности государства оправдывала любые средства. Сам Линкольн в речи к Конгрессу после победы высказал ту же мысль: победа «должна решить для всего человечества вопрос — способна или нет конституционная республика отстоять свое территориальное единство от своих собственных внутренних противников этого единства». Президент Линкольн потому до сих пор так почитаем в США, что сохранение территориальной целостности и единства государства — задача не менее трудная, чем его основание. Когда она встает во весь рост, в стороне остаются «неотъемлемые права и свободы». Не случайно Линкольн, прославившийся отменой рабства, готов был его навечно узаконить в южных штатах. Но чтобы Север и Юг развивались независимо друг от друга — на это он согласиться не мог. Рано или поздно это все равно привело бы к расколу страны. И если единственным средством сохранения целостности США был путь нарушения «великих принципов», путь применения военной силы, Линкольн мужественно избрал именно его. С точки зрения исторической целесообразности и перспективы он был, безусловно, прав: конфедеративный путь развития никогда не вывел бы США в разряд великих держав. Страшные опустошения гражданской войны, ее жертвы давно забыты. Остался лишь результат, то, ради чего все это делалось — создание великой мировой державы. После кровопролитной гражданской войны США не только избежали распада, но и многократно преумножили экономическое могущество и военную мощь, укрепили единство нации. Укрепление единства национально-го государства и внешняя имперская экспансия в США дополнили друг друга³³⁴.

³³⁴ Подробнее см.: Гранин Ю. Д. Расцвет и закат империй // Вестник РАН, 2009, т. 79, № 6.

Итак, на первой стадии всемирно-исторического процесса глобализации, особенно с середины XIX века насильственные формы глобализации приобрели именно глобальный размах. «Основной чертой этой эпохи было то, что политический и военный охват европейских и американской империй достиг своего максимума, создав поистине глобальную структуру взаимосвязей, хотя и разделенную на фрагменты имперским соперничеством»³³⁵. Под эгидой военно-политической глобализации разворачивалась сеть международных экономических взаимодействий и потоков в сферах коммуникаций, торговли, капиталовложений и миграции. Торговые связи приобрели в этот период направления и последовательности, мало изменившиеся и сегодня. Сейчас, скорее, имеет место продолжение и усиление тенденций как в сфере экономики, так и в сфере транспортной инфраструктуры. Начиная с того времени, без применения новых транспортных и телеграфных средств коммуникаций новый виток европейской колониальной политики был бы невозможен. Империи усиленно инициировали технические инновации, необходимые для создания инфраструктур, обеспечивающих контроль. Интенсивно велось железнодорожное строительство. Были прорыты Панамский и Суэцкий каналы. Был создан трансокеанский телеграф. Возникли международные финансовые институты. Сформировался международный рынок труда. Американская индустриализация подпитывалась постоянным притоком иммигрантов. Вместе с тем имперские политические структуры сами сводили на нет возможности международных экономических и политических институтов вследствие ожесточенной конкуренции и сопутствовавшего ей роста национализма.

В конце XIX века имперская экспансия все больше принимала форму коммерческого предприятия, что имело негативное влияние на политическую интеграцию внутри самих национальных государств. Европейские национальные государства в принципе не могли создать общее правовое пространство для метрополии и колоний, что не способствовало устойчивости политического организма. Они были вынуждены

³³⁵ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. — М., 2004. — С. 498.

не интегрировать, но навязывать. Экономика начинала преобладать над политикой: это составило важнейшую черту глобализации на рубеже XIX–XX веков и составляет характерную особенность современной неолиберальной глобализации, начиная с середины 1970-х гг. Уже в конце XIX века действия имперских национальных государств диктовались логикой саморасширения капитала. Когда капитал принял форму национального капитала, наладил тесные связи с государством и указал на общие с ним цели борьбы за овладение мировыми рынками, возникло имперское соперничество национальных государств. В результате, как уже отмечалось, имперский принцип экспансии и принцип национальной интеграции населения имперских территорий вошли в противоречие, и имперский принцип экспансии возобладал. Экспансия стала работать не на интеграцию, а сама на себя — как капитал, который не имеет иной цели, кроме самовозрастания. Конкуренция вырвалась из-под контроля политической власти и вела прямо к мировым войнам.

Парадоксально, но мировые войны стали свидетельством возросшей степени глобализации человечества. Сложившееся национальное государство не было по своей природе способно к неограниченному росту, к которому стремился национальный капитал. Диалектика развития имперских национальных государств такова, что достигая определенной степени зрелости, национальное государство утрачивает способность к ассимиляции и интеграции, и имперские механизмы из необходимых превращаются в разрушительные для него.

С конца XIX века капитал диктовал имперским государствам стратегию подчинения колоний без интеграции, без сохранения механизмов национального государства для всего имперского пространства. Этот путь был наиболее подходящим для решения важнейшей проблемы роста капитала — кризиса перепроизводства и, главное, перенакопления капитала, поскольку поддерживал неравенство метрополии и колоний. Политика эта имела и общественную поддержку той же самой природы, какова и сегодня природа поддержки неолиберальной глобализации мелкими инвесторами, заинтересованными в экспансии «своих» ТНК. Уже тогда начинала

раскручиваться спекулятивная спираль, приведшая к преобладанию финансовых форм капитала над производственными. Спонсорами колониальных захватов выступали прежде всего финансовые спекулянты, готовые к рискам, ставившие на выигрыш по-крупному средства, которым не было реального применения в организмах национальных экономик. Интересы государств-метрополий и финансовых спекулянтов в деле колониальной экспансии совпадали напрямую, чего не могло быть на национальном уровне. В результате экономические интересы небольшой части буржуазии стали отождествляться с национально-государственными интересами. Кроме того, без экспорта насилия, сопровождающего экспорт капитала, нельзя было обезопасить национальную экономику от избытка капитала.

Следствием этих изменений государственной стратегии стало то, что уже с конца XIX века военно-полицейские структуры начали приобретать все большую значимость на фоне прочих структур национального государства. Поддерживать имперское единство можно лишь силой, а это означает сворачивание демократических механизмов в «метрополии». Строительство империи с ядром в виде национального государства оказалось в итоге неэффективным, а строительство «нации» на всем пространстве империи невозможным, поскольку нельзя было преодолеть зазор между метрополией и колониями и вполне интегрировать в состав империи как раз саму метрополию. Следуя за логикой капитала, национальное государство вместо интеграции в свою среду новых территорий начинало возбуждать в них национальное самосознание и стремление к суверенитету, подрывая тем самым собственные усилия по строительству империи. Британская империя оказалась не способной интегрировать даже ирландцев, не говоря уже об индусах или бирманцах. Не только британцы, но и французы, и голландцы пытались приручить туземные элиты, предоставляя ее представителям особый статус и пропуская через европейскую систему образования, но тем лишь готовили эффективные кадры для национально-освободительной борьбы. Возник этнический национализм, ставший мощной силой противодействия и вестернизации, и империализму.

3.2. Деколонизация и появление новых национальных и псевдонациональных государств

Прежде чем рассматривать последствия всплеска национализма для монархических и демократических колониальных империй, завершившиеся к середине XX века ослаблением или распадом большинства из них, результатом которого стало появление новых национальных и псевдонациональных государств, необходимо уточнить содержание дефиниции «национализм» и хотя бы несколько слов сказать о его типах, видах и формах.

Не опасаясь преувеличения, можно утверждать, что национализм, отражающий устремления наций (в социокультурном и гражданско-политическом понимании этого термина), представляет собой в современном мире наиболее универсальное и распространенное явление, не сводимое к его идеологической и практической составляющей. Но даже в идеологической ипостаси национализм трудно сравнивать с такими идеологическими течениями, как анархизм, либерализм, консерватизм, социал-демократия и многими другими. Национализм не имеет собственной теории, каких-то общих постулатов, своих классиков и, повторю, существует не как общественно-политическое течение, а как феномен, представленный в многочисленных идеальных и предметно-практических воплощениях, и многообразии исторических форм. Учитывая это, вычленив хотя бы одно общепризнанное значение термина «национализм» и тем более построить одну-единственную типологию национализма не представляется возможным.

В современной отечественной и зарубежной литературе сосуществует множество самых разных типологий национализма, выстроенных по самым разным основаниям. Соответственно им и созданным в их пределах интерпретациям национализм разделяют на «официальный» и «лингвистический», «мифологический» и «рациональный», «новый» и «старый», «микро и макронационализм», национализм «гражданский» (территориальный, государственный) и «этнический», в свою очередь, подразделяемые на «экономический»,

«культурный» и «политический» национализмы, каждый из которых имеет свои градации в виде «инклюзивного» (возможного для каждого гражданина вхождения в нацию) и «эксклюзивных» (этнических) типов инкорпорации индивидов в «нацию» и т. д.³³⁶

В итоге количество заявленных в литературе интерпретаций и типологий неуклонно растет, но ни одна из них и все они вместе взятые не в состоянии исчерпать реальное многообразие «национализмов». Пожалуй, единственное, в чем сходится большинство исследователей, — это разделение национализма на два вида — государственный (гражданский) и этнический, общим местом которых оказывается стремление к созданию своей «нации» и ее политического воплощения — «национального государства». «Нация — цель любого национализма, а национализм — средство формирования и экспансии наций» — пожалуй, именно эта максима образует краеугольный камень современного национализмоведения.

В разных регионах планеты (Европе, Азии, Америке, Африке) и в разное время национальные государства возникали разными путями и способами из разных социокультурно гетерогенных обществ. Но независимо от этих отличий общим для всех национальных полиэтнических государств было политическое объединение культурно и лингвистически разнородного населения в «нацию» — общность граждан, которая может быть устойчивой только в том случае, если, помимо власти государства, она скреплена общим (государственным) языком и общей, надэтнической, культурой. Осознание этого обстоятельства правящими элитами неизбежно порождало стремление последних к продуцированию и реализации через различные государственные институты (армию, систему образования и др.) общенациональных программ гомогенизации этнически и, соответственно, культурно разнородного населения. При этом право народов (этносов) на различные формы самоопределения³³⁷ ущемлялось не только в династических

³³⁶ Подробнее см.: Сидорина Т. Ю., Полянников Т. Л. Национализм: теории и политическая история. — М., 2006.

³³⁷ Самоопределение народов и наций может быть реализовано, как минимум, в четырех вариантах: 1) отделение от полиэтнического государства и создания собственного «национального государства», 2) выход

или диктаторских империях, но и в демократически устроенных национальных государствах, которые также стремились сохранить себя за счет аккультурации или культурной ассимиляции своих этнически разнородных граждан.

Стремление к самосохранению — основополагающий принцип всех государств, особенно государств полиэтнических. «Вне зависимости от формы правления (демократической или самодержавной) и формы государственного устройства (унитарной или же федеративной) государство как *системное целое* будет себя сохранять в этом качестве. Целостность государства, противодействие его распаду будут достигаться любыми средствами и невзирая ни на какие “права” его территорий: будь то “штат” (как в США) или “республика” (как в современной России). Распад возможен лишь в результате военного поражения, социального катаклизма или военного и экономического ослабления метрополии, которая настолько обессилена, что вынуждена “благородно” предоставить независимость тем, кто ее требует»³³⁸.

Таким образом, основой «государственного национализма» любого государства, стремящегося стать «национальным», является само государство — форма совместной жизни, способом существования которой являются политическая и правовая унификация полиэтнического населения в качестве

из состава одного государства и *присоединение к другому государству*, где проживает большинство (или значительное число) представителей данной нации (этноса), 3) *самоопределение себя в качестве самостоятельного субъекта* в составе национального государства (федерации или конфедерации), в той или иной мере наделенного суверенными (не суверенными) правами и атрибутами государственности (собственная территория, законодательство, органы власти и т.д.) и, наконец, 4) *самоопределения себя в виде «национально-культурной» автономии* в составе многонационального унитарного или федеративного государства. Подробнее см.: Аригин А. Н., Марченко Г. В. Уроки и проблемы становления российского федерализма. — М., 1999.

³³⁸ Гранин Ю. Д. США — последняя либеральная империя // Политический класс. 2009, май, № 5 (53), с. 92–93. В качестве примера, иллюстрирующего данное положение, можно сослаться на политический опыт Северо-Американских Штатов, где, не взирая на то, что 13 штатов в 1861 году на референдуме высказались за отделение от американской Федерации, президент Авраам Линкольн отдал приказ о начале военных действий против мятежного Юга, нарушив и Конституцию, и законы США.

граждан, в которой уже заключен мощный потенциал многоликого национализма. Ведь *полноценная «нация»* как новая социокультурная общность может быть образована на основе языка и культуры *одного* («титulyного») народа, которые с точки зрения государства должны стать общими для всех граждан независимо от их этнической принадлежности³³⁹. И уже только одно это создает объективное неравенство между «титulyными» и не титulyными этносами в составе полиэтнических государств (и государственных образований внутри федераций) и служит предпосылкой для государственного и этнического национализма. Так как понятно, что для тех представителей политически и культурно не доминирующего этноса, которые не владеют (или плохо владеют) языком «межнационального общения» (то есть языком доминирующего этноса) закрываются многие каналы социальных коммуникаций и мобильности: в бизнесе, науке, армии и других сферах. Они объективно вынуждены пребывать на «вторых ролях» в национальном государстве. И это неравенство, как уже отмечалось, провоцирует их на борьбу за получение доминантного статуса в государстве.

В контексте нашего исследования, концентрирующего внимание на последствиях активизации этнического национализма для монархических и демократических колониальных империй (Испания, Португалия, Великобритания, Франция) и монархических внутренних империй (Россия, Австро-Венгрия, Турция), завершившихся к 1920 году ослаблением или распадом большинства из них, следует иметь в виду одно очень важное обстоятельство. Помимо многовековой военно-политической и экономической конкуренции этих великих держав, воплотивших, по меньшей мере, два (западноевропейский и арабо-мусульманский) цивилизационно-культурных типа развития, одним из факторов их неустойчивости оказалась неравномерность экономического развития центра и периферийных территорий, вытекающее отсюда многообразное неравенство населения этих территорий и метрополии

³³⁹ Не случайно специалисты полагают, что, например, «канадцы», «бельгийцы» и другие общности в государствах, где сосуществуют несколько государственных языков, собственно нациями не являются.

и выделение из состава периферийных этнических элит особого интеллектуального слоя — интеллигенции, сначала вырабатывающей и распространяющей «идею нации», идеологию культурной эмансипации своего народа, а затем — программы политической борьбы за национальную независимость от этого государства и обретения собственного. При этом совершенно безразлично идет ли речь о действительном или воображаемом неравенстве: в любом случае требование экономического равенства (стимулирующее акцентуацию на культурных различиях даже там, где их нет — как между Англией и Северо-Американскими колониями), подкрепленное культурными аргументами, трансформируется в требование национальной независимости.

Есть, отмечают исследователи, своего рода диалектика государственного и этнического национализма: «После того как идея нации получает широкое распространение, возникновение национального государства, использующего язык и культуру доминирующего этноса, территория проживания которого превращается в политический центр, стимулирует оппозиционные национализмы. Оппозиционность питается как экономическим неравенством, так и угрозой местному культурно-символическому полю. В итоге экономический и культурный этнонационализм превращается в этнополитический, а иногда и в государственный. Если же политический национализм терпит неудачу в своих претензиях на независимость, он сохраняется в “превращенной форме” — в виде культурного. Этнический и государственный “национализмы” в полиэтнических государствах это две стороны одной националистической “медали” — они взаимообуславливают друг друга, постоянно рождая межэтническую напряженность и конфликты»³⁴⁰. История Австро-Венгерской, Османской и Российской империй подтвердила эту диалектику вполне убедительно.

Какую же роль сыграл национализм в социально-политических трансформациях царской России? Обсуждая этот вопрос, следует обратиться к анализу более общей проблемы: проблемы возможности формирования наций в пределах

³⁴⁰ *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. — М.: РГГУ, 2000. — С. 132.

империй. В современной литературе она (как и проблемы сущности и типологии империй) не имеет общепринятого решения. Большинство исследователей считает, что нации в составе монархических империй не образуются, хотя национальные государства могут образовывать и образовывали колониальные империи³⁴¹. С такой точкой зрения не согласен А. Миллер, полагающий, что империя есть экспансионистский проект строительства нации. А. И. Миллер пишет о двух типах образования национальных государств в связи с имперским строительством: вычленение национального государства из имперской окраины в ходе борьбы с империей (Польша, Чехия) и строительство имперской нации, как в Великобритании, Испании, Франции, где преодоление собственной гетерогенности и создание нации шло параллельно с созданием империи: «Не было так, что британцы построили нацию, а потом построили себе империю. Напротив, проект строительства империи шел рука об руку с проектом строительства нации и во многом помогал этому строительству»³⁴². Люди разной, хотя и близкой, этнической принадлежности, будучи гражданами формирующегося национального государства, спланивались в борьбе с общими врагами своей империи и совместно извлекали выгоды из ее побед.

Мнение о том, что строительство империи может помочь строительству нации, а не быть противоречащим ему процессом, в целом следует признать справедливым. Пример Испании в этом отношении весьма показателен. Она не была раздробленной как Италия или Германия, но процесс формирования единой нации там замедлился именно после крушения испанской колониальной империи. Отметим и то, что антиимперский тип образования национального государства сам, в свою очередь, стимулирует имперское национальное самосознание: у русских националистов не было лучших помощников, чем борцы за независимость Польши — вспомним, как легко создавали из них русские писатели и публицисты образ врага. Вместе

³⁴¹ См.: Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. — М., 2008; Янов А. Л. Патриотизм и национализм в России, 1825–1921. — М., 2002.

³⁴² Миллер А. И. Национализм и империя. — М., 2005. — С. 13.

с тем обострение конфронтационного национализма умерялось имперской властью, которая стремилась поддерживать свое единство точно так же, как любое национальное государство. Однако в России становление империи осложнялось наличием разнорасового, полиэтнического и многоконфессионального населения, которое никакими унифицирующими социокультурными механизмами нельзя было в полной мере интегрировать. В этой связи А. И. Миллер пишет о «двух ареалах» многонациональной империи, которые пульсируют, расширяются, но меньший (национальное ядро) не достигает большего — империи как целого.

Однако, дело не только в этом. Как показали Б. Андерсон, Дж. Бройи, Э. Геллнер, М. Манн, Г. Кон и многие другие исследователи национализма, идея нации возникает вместе с капитализмом, в эпоху перехода от традиционных обществ к обществам и государствам современного типа. В то время как Западная Европа и США уже в 18 столетии вступили в эпоху промышленной революции и индустриализма, Россия еще целое столетие жила в условиях крепостничества и «азиатского» способа производства, от которых она начала избавляться только во второй трети XIX века. Во времена Петра Россия формально заимствовала у Европы лишь одно политическое изобретение — европейскую рационализированную «государственную машину»³⁴³. Но она не смогла позаимствовать у Европы «демократию» и «гражданское общество». Поэтому российское государство было псевдоевропейским (неправовым) и иррациональным: в нем было много «чиновников», но не было политических свобод и «либеральных бюрократов»,

³⁴³ Как показал еще Макс Вебер, рационализация государства выразилась в его «бюрократизации», результатом которой было впечатляющее преобразование методов организации военной и административной «машин» и контроля за их действиями. Способность концентрировать экономические и политические ресурсы посредством относительно стройной военной и административной государственной машины с ее обученной интеллигенцией далеко превосходила возможности и эффективность других государств, включая самые мощные империи — Османскую, Монгольскую и Китайскую. Только те империи, которые переняли западную модель государственного устройства, как это частично сделала послепетровская империя Романовых, впоследствии смогли выжить, сохранить и приумножить свои территории.

под определяющим влиянием и усилиями которых осуществлялось становление многих европейских наций.

По справедливому замечанию В. К. Кантора, «Петр Первый попытался переделать систему управления на европейский лад, бюрократизировать ее. Однако «птенцы гнезда Петрова» были кто угодно, но никак не бюрократы. Система личных распоряжений и указов осталась в силе. Только при Александре I М. М. Сперанский пытается хоть как-то упорядочить российское законодательство, при этом дав пример честного бюрократического служения. Но этого «русского реформатора» решительно и быстро вытесняет граф А. А. Аракчеев, «фрунтовый солдат», по слову Пушкина, в гербе своем носивший девиз «без лести предан». В этой фразе полное отрицание какой-либо законности. Бюрократизация в очередной раз сорвалась, вместо нее установилась аракеевщина³⁴⁴.

Благодаря усилиям великих русских историков (Татищева, Карамзина и др.), славянофилов и великих русских поэтов, прежде всего А. С. Пушкина, в первой трети XIX века в России возникает русский «лингвистический национализм», способствующий «натурализации» династии Романовых, которая, собственно, и привела к появлению российского «имперского национализма». Как отмечает Б. Андерсон, в России «цари правили сотнями этнических групп и множеством религиозных общин, а в своих собственных кругах говорили по-французски, что было знаком их цивилизованного отличия от подданных»³⁴⁵. Осознание Романовыми себя великороссами, явившееся ответом на лингвистические национализмы народов, населявших империю, привело, считает исследователь, к политике русификации. Аналогичным образом «Лондон пытался англоизировать Ирландию (и добился заметных успехов), Германская империя пробовала онемечить свою часть Польши (с очень незначительным успехом), Французская империя навязывала французский итало-говорящей Корсике (частично

³⁴⁴ Кантор В. О необходимости у нас бюрократии // Свободная Мысль, 1996, № 12, с. 82.

³⁴⁵ Андерсон Б. Западный национализм и восточный национализм: есть ли между ними разница? 2001. — <http://old.russ.ru/politics/20011219-and.html>

добившись успеха)»³⁴⁶. Такие попытки удержания династической власти «над огромными многоязычными владениями, накопившимися еще со времен Средневековья», Б. Андерсон очень метко охарактеризовал как «натягивание маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи»³⁴⁷.

Однако российский государственный (имперский) национализм принципиально отличался от современного ему европейского национализма, который, по мнению Ю. Хабермаса, пытался связать национальную «более абстрактную форму общественной интеграции» с демократическими «структурами принятия политических решений»³⁴⁸. Взамен него в николаевской России была провозглашена доктрина «официальной народности», признававшая деспотию и рабство атрибутами православной России. «Да, — признавался Николай I, — деспотизм еще существует в России, ибо он составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации». Ему вторил министр образования граф Уваров, считавший лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» «политической религией России»: «У политической религии, как и у веры в Бога, есть свои догматы. Для нас один из них крепостное право. Оно установлено твердо и нерушимо. Отменить его невозможно, да и ни к чему»³⁴⁹.

Мало того. Стремясь сохранить полиэтническую империю, власть не только не создала продуманного «национального проекта», но и упустила тот момент, когда в 1840–1860 годы на ее западных границах под определяющим влиянием польской интеллигенции стали реализовываться украинский, белорусский, литовский и другие периферийные «нацпроекты», заложившие основы будущих «наций»³⁵⁰. По мнению

³⁴⁶ Андерсон Б. Западный национализм и восточный национализм: есть ли между ними разница? 2001. — <http://old.russ.ru/politics/20011219-and.html>

³⁴⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 108.

³⁴⁸ Хабермас Юрген. Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб., 2001. — С. 267.

³⁴⁹ Лемке М. Николаевские жандармы и литература. 1826–1855. — СПб., 1918. — С. 42.

³⁵⁰ Подробнее об этом см.: Гранин Ю. Д. Интеллигенция и национализм // Сб. Человек вчера и сегодня. Междисциплинарные исследования. — М.: Институт философии РАН, 2008. — С. 85.

А. И. Миллера, именно из «соперничества русского национального проекта и польского национального проекта постепенно появляются украинский и, насколько он сформировался, белорусский проекты, а также литовский»³⁵¹. Но это спорное утверждение в той его части, где речь идет о русском национальном проекте. Дело в том, повторю, что так называемый «русский национальный проект», так и не был отрефлексирован властью, конкретизирован в системе последовательных бюрократических действий по интеграции населения и возведен в ранг государственной национальной политики. Как и в других странах, идеологию российского государственного национализма разрабатывали интеллектуалы, существенные расхождения между которыми по вопросу «что делать?», отнюдь не способствовали делу национального строительства.

В России второй половины XIX — начала XX века национализм был рассмотрен в трудах Вл. Соловьева, Н. Н. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Н. Трубецкого, Д. Д. Муретова, Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина, В. Г. Федотова, П. Б. Струве, В. В. Розанова, А. С. Изгоева, П. И. Ковалевского, С. А. Котляревского, П. Н. Савицкого, Н. В. Устрялова, М. О. Меньшикова, С. М. Широкогорова, Г. Г. Шпета и многих других менее известных авторов. Пожалуй, единственное, что объединяло этих разных мыслителей, состояло в том, что они рассматривали национализм не в европейском контексте. А, прежде всего, — как явление общественной жизни пореформенной России, фокусировали внимание на разнице между «национализмом» («украинским», «еврейским», «армянским», «финским» и др.) и «русским патриотизмом». Различия состояли также и в определении сути национализма, и роли в его осуществлении «государства» — имперской политической конструкции, способной, по мнению Н. Н. Бердяева, И. А. Ильина, В. Г. Федотова, П. Б. Струве, В. В. Розанова, А. С. Изгоева, П. Н. Савицкого, Н. В. Устрялова, М. О. Меньшикова, укрепить национальное единство России за счет выдвижения на первые роли в империи великорусского этноса.

Так, в частности, Николай Бердяев блестяще анализировал антиномичность русского сознания и в его отношении

³⁵¹ Миллер А. И. Национализм и империя. — М., 2005. — С. 24.

к российскому государству³⁵², и в его отношении к национализму. По его мнению, «Россия — самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас производит впечатление чего-то нерусского, наносного... Русские почти стыдятся того, что они русские... Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм... Национален в России именно ее сверхнационализм, ее свобода от национализма». В то же время «Россия самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства, страна, в которой все национализировано вплоть до вселенской церкви Христовой... Русское национальное самомнение всегда выражается в том, что Россия почитает себя не только самой христианской, но и единственно христианской страной в мире... Церковный национализм — характерное русское явление»³⁵³.

Как верно подметил Бердяев, указанные противоположности присущи и другим странам, но только в России «тезис оборачивается антитезисом... рабство рождается из свободы, крайний национализм из сверхнационализма. Из этого безвыходного круга есть только один выход: раскрытие внутри самой России, в ее духовной глубине мужественного, личного, оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией»³⁵⁴. Этому будет способствовать мессианское сознание, которое «не есть националистическое сознание; оно глубоко противоположно национализму».

³⁵² С одной стороны, писал Бердяев, «Россия — самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ — самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю...» А с другой стороны, «Россия — самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю... Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней жизни, отдаются колоссу государственности, превращаемому все в свое оружие. Интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории». (*Бердяев Н. А. Душа России // Русская идея. — М., 1992. — С. 298–299.*)

³⁵³ Там же. — С. 300, 301.

³⁵⁴ Там же. — С. 306.

Всякое смешение национализма с мессианизмом, всякое выдавание национализма за мессианизм, по Бердяеву, порождает темнотой сознания и несет в мир зло. В связи с этим он выделял два вида национализма: 1) национализм, дошедший в своих притязаниях до отрицания «других национальных душ и тел», до невозможности всякого положительного общения с ними и 2) национализм как положительное благо и ценность, как творческое утверждение, раскрытие и развитие индивидуального народного бытия³⁵⁵.

Таким образом, Н. Бердяев, И. А. Ильин, Г. П. Федотов³⁵⁶ и многие другие русские мыслители, не вдаваясь в проблемы типологии, в то же время на доступном им, прежде всего российском, материале, дали образцы философского анализа «национального сознания», последовательно противопоставляя его «национализму». Разумеется, позиции русских авторов в этом вопросе не были однотипными и с течением времени менялись. Поэтому у одного и того же автора можно встретить внутренние противоречия в трактовке национализма. Тот же Бердяев, который противопоставлял положительный национализм и мессианизм, причем трактуя мессианизм как явление исключительно еврейское, «чуждое арийским народам»³⁵⁷, отдавал дань мессианскому национализму, своего рода имперскому национализму, где имперская роль России понималась не как роль объединительная, но как возвеличивание именно русской нации имперскими средствами.

В особенности это характерно для работ периода первой мировой войны. В это время Бердяев писал: «Бьет тот час мировой истории, когда славянская раса во главе с Россией призывается к определяющей роли в жизни человечества... Справедливость мировых задач России предопределена уже духовными силами истории. Эта миссия России выявляется в нынешнюю войну... Славянская раса идет на смену другим

³⁵⁵ Бердяев Н. А. Душа России // Русская идея. — М., 1990. — С. 102–104.

³⁵⁶ См., например: Ильин И. А. О России. — М., 1991; Ильин И. А. О русской идее // Русская идея. — М.: Республика, 1992. — С. 436–443; Ильин И. А. О русском национализме // В кн.: Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В 2-х т. Т. 1. — М., 1992. — С. 279–283; Федотов Г. П. Судьба и грехи России. В 2-х т. — СПб.: София, 1991.

³⁵⁷ Бердяев Н. А. Философия неравенства. — М., 1990. — С. 104.

расам, уже сыгравшим свою роль, уже склоняющимся к упадку, это — раса будущего»³⁵⁸. Бердяев считал желанной «мировую борьбу славянской и германской рас», в ходе которой должен пробудиться «мужественный дух» России и обеспечит в ней национальное единство. Эти противоречия объясняются той трактовкой соотношения нации и государства, которую дает Бердяев. У него создание государства есть проявление здорового инстинкта нации, и потому государство должно быть государством именно этой нации, государством с национальным ядром. Но государства великих наций, у которых это ядро сильно, стремятся стать империями и осуществить «мировую миссию» по отношению к другим нациям³⁵⁹. Так возникает противоречие между европейским пониманием национализма и имперским, характерное не только для Бердяева, но вообще для русской мысли второй половины XIX — начала XX веков. Сам Бердяев этого противоречия зафиксировать не мог в силу иррационального, мистического понимания им нации. Он пишет об «интимной тайне национального бытия», о том, что «нация есть мистический организм, таинственную жизнь которого мы постигаем в собственной глубине» и т. п.³⁶⁰

Между тем вопрос о природе Российской империи и соотношении в ней имперского и национального был центральным для судеб России. Русские мыслители, желая видеть Россию великой, легко попадали в ловушку националистического понимания империи. И власть выдавала им своего рода социальный заказ на именно такое понимание, подрывавшее в действительности сами основы имперской политики. Как показывают исследования многочисленных империй древности и средневековья, империя по определению не может культивировать национализм, это самоубийственно для нее. Имперскую идею должна отличать универсальность, обеспечивающая поле для культурной интеграции разных народов³⁶¹.

³⁵⁸ Бердяев Н. А. *Философия неравенства*. — М., 1990. — С. 10, 16, 27.

³⁵⁹ Там же. — С. 103.

³⁶⁰ Там же. — С. 91, 101.

³⁶¹ Подробнее см.: Гранин Ю. Д. *Расцвет и закат империй // Философские науки*, 2009, № 7, с. 3–15.; Яковенко И. Г. *Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы*. — М.: Новый Хронограф, 2008, с. 176–201; Янов А. Л. *Патриотизм и национализм в России. 1825–1921*. — М., 2005 и др.

Однако многие русские мыслители, в особенности правого толка (В. В. Розанов, М. О. Меньшиков и др.), видели перспективу развития России именно в моноэтническом развитии, которое подавляет прочие народы имперскими средствами. Как писал В. В. Розанов, «русская империя есть живое царствование русского племени, постоянное одоление нерусских элементов, постоянное и непрерывное подчинение себе национальностей, враждебных нам»³⁶². В этом уже заключался взрывоопасный парадокс, внутренне подрывающий имперскость России. Но серьезнее было другое противоречие. Чтобы осуществлять мононациональное строительство вовне, нужно успешно решить проблему нациестроительства внутри и из самого русского народа. А к ее решению даже не приступали. И это «слабое звено» российской империи оказалось не только не замечено российскими мыслителями, но, напротив, было ими мистифицировано.

Последнее обстоятельство привело, по словам В. К. Кантора, к тому, что в России «вместо реального национализма возник миф о нации». Исходной причиной этого было то, что «империя строилась помимо народа»³⁶³. Народ оставался «великим немым», и власть чем дальше, тем больше парализовывала всякие стремления народа к получению образования и возможности высказать собственную позицию. В результате все идейные группы привилегированного общества вкладывали в немые уста, то бишь в предполагаемую «народную душу» удобное себе содержание: и теоретики официальной народности, и славянофильские и неославянофильские авторы, и революционные народники. Народники создавали миф о народесоциалисте, официальные публицисты — о народе-монархисте, а Бердяев с удивительной наивностью писал о будущих грабителях барских усадеб: «В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства»³⁶⁴. Не были исключением и западники-либералы. П. Б. Струве,

³⁶² Империя и нация в русской мысли начала XX века. — М., 2004. — С. 67.

³⁶³ Империя и нация в русской мысли начала XX века // Вопросы философии, 2006, № 4, с. 186, 187.

³⁶⁴ Бердяев Н. А. Судьба России. — М., 1990. — С. 19.

например, полагал, что национальная идея России есть примирение и органическое срастание власти и народа на почве укрепления империи и ее национального ядра³⁶⁵. Но, как верно замечает В. К. Кантор, ничто не указывало на то, что народ «за» строительство великой имперской России. Можно согласиться с В. К. Кантором в том, что «народ, находящийся в рабстве, не может стать ядром победоносной, “головной” нации. Народ сам себя разделял на “пскопских”, “калужских”, “тутошних”. Идея национализма должна была бы изнутри объединить разъединенный народ. Но национализм требует преодоления местной ограниченности, а для этого — образованности»³⁶⁶. Но этого как раз и не было сделано.

Надо заметить, что государственный национализм в России в своей идеологической ипостаси был довольно противоречив, а в своих предметно — практических воплощениях — крайне непоследовательным. Цепляясь за имперский принцип госстроительства и будучи по существу даже не классической империей (с характерным для нее космополитизмом: *civis Romanus* — гражданин всего культурного мира), а деспотией, Россия так и не смогла стать европейским унитарным государством, способным организовать общее политическое и культурное пространство для равноправной жизни своих народов. Разделяя своих «подданных» на «великороссов» и «иностранцев», не отделив православие от государства, она так и не создала светской системы обязательного начального образования на русском языке на всей территории империи. Наоборот. Первоначально создав сеть так называемых русско-иностранческих школ, в основу которых легла педагогическая система Н. И. Ильминского (1828–1891), царское правительство, не желая повышения образованности формирующейся «национальной интеллигенции» в анклавах за счет русской культуры, затем спешно «отыграло назад». И стало бороться с введением светских предметов в программы конфессиональных школ.

³⁶⁵ Империя и нация в русской мысли начала XX века. — М., 2004. — С. 218, 234.

³⁶⁶ Кантор Владимир. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. — М., 2008. — С. 503.

Так что слухи о повсеместной насильственной русификации инородцев в царской России были большим преувеличением. Отсутствие четкой программы действий, делало имперский национализм довольно «размытым» и непредсказуемым предприятием. Хотя национальная политика государства, будучи разной в отношении разных народов³⁶⁷, в целом эволюционизировала от мягких ко все более жестким методам ассимиляции «инородцев», закономерно порождая не только массовое сопротивление, но и политический этнонационализм, получивший в начале XX века содержательное и институциональное выражение в программах и деятельности национальных партий России. Не опасаясь преувеличений, можно считать: политические, социально-экономические и культурные формы государственного и этнического национализма, взаимно обуславливая и порождая друг друга, оказали серьезное трансформирующее влияние на изменение социальной и политической обстановки в России, способствовали дезинтеграции Российской империи.

К началу первой мировой царская Россия не была интегрирована ни экономически, ни культурно, ни конфессионально. Ее многочисленные народы, включая русских, не охваченные общей системой образования, продолжали «жить на особицу». А интеллигенция составила политическую оппозицию монархии и, вырабатывая и распространяя идеологию этнокультурного и политического национализма, возглавила борьбу за культурное и политическое «самоопределение» народов империи. Накануне Октябрьской революции в России существовало 6 откровенно националистических партий (Казахская партия Алаш, Грузинская национально-демократическая партия, Литовская демократическая партия и др.), а все остальные, включая кадетов и большевиков, так или иначе, поддерживали лозунг «самоопределения наций»³⁶⁸. В итоге Российская империя, так и не ставшая национальным государством, распалась.

³⁶⁷ Жесткой в отношении поляков и евреев, и мягкой по отношению к прибалтийским народам и Финляндии — последняя, как известно, имела даже свою Конституцию.

³⁶⁸ Подробнее см.: Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX веков. — М., 1995. — 480 с.

К сожалению, я не могу подробно останавливаться на процессах распада империй в Европе XIX — начала XX столетий. Сошлюсь лишь на мнение Петера Альтера, который считает, что вся полоса государств от Финляндии на севере, через балтийские государства, Польшу, Чехословакию и до Румынии, Албании и Греции возникла в результате подъема национально-освободительных движений, питательной средой которых был сначала культурный, а затем и политический этнонационализм, требующий отделения от политического тела империи³⁶⁹.

Аналогичные процессы осуществлялись в демократических колониальных империях, одним из факторов нестабильности которых стал этнический национализм местных элит, заимствовавших идею «национального государства» из выстроенных в колониях метрополиями систем образовательных учреждений, в которых (хотя и не только) формировалась немногочисленная «национальная интеллигенция», возглавившая вместе с местными элитами и натурализовавшимися сообществами завоевателей-колонистов национально-освободительные движения сначала в Латинской Америке а затем и по всему миру.

Казалось бы, национализм и интеллигенция не совместимы уже в силу очевидной приверженности интеллигенции общечеловеческим (а значит и наднациональным) ценностям. Между тем именно интеллигенция, невзирая на свой потенциальный космополитизм (который, кстати, некоторые исследователи считают ее отличительным признаком), как никто предрасположена к политическому и культурному национализму, сыгравшим в XVII–XX столетиях ключевую роль в формировании основных европейских наций, распаде империй и становлении национальных государств. В силу имманентных интеллигенции критического рационализма и социальной «маргинальности» исторически ее роль в деле национального обустройства народов и стран неоднозначна. С одной стороны, в качестве «образованного слоя» общества интеллигенция была одним из субъектов трансформации полиэтнических европейских монархий в национальные государства.

³⁶⁹ Alter, Peter. Nationalismus. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1985. — S. 100–105.

А с другой, — будучи субъектом этнического национализма, она активно участвовала в разрушении всех полиэтнических империй, и способствовала появлению на их обломках новых «национальных государств». Эта деструктивная и конструктивная в отношении государства роль интеллигентов определялась уже отмеченной их социальной мобильностью, критическим потенциалом и свободомыслием, позволяющими им служить либо своему государству, либо своему народу. Но и в том и в другом случае интеллигент выступает как националист: строитель «нации» и «национального государства». В первом случае — как «государственный националист», который, находясь на службе у государства, участвует в формировании нации как лингвистически и культурно однородной гражданской общности посредством ассимиляции (в том числе и насильственной) лингвистически и культурно разных этносов в некое новое социокультурное целое: «нацию-государство». Во втором, — как «этнический националист», сначала вырабатывающий и распространяющий «идею нации», идеологию культурной эмансипации своего народа, а затем — программы политической борьбы за национальную независимость от этого государства и обретения собственного. История Европы, Америки, Азии и Африки подтвердила эту двойственность интеллигенции вполне убедительно³⁷⁰.

В том, что национализм все-таки прижился в Южной Америке, Азии и Африке сказывается парадоксальная роль сформированной из местных жителей европеизированной части колониальной администрации и интеллектуалов, испытывавших фрустрацию из-за неприятия «на равных» европейцами вследствие уже отмеченного ориентализма последних. В результате крайне остро встал вопрос об идентичности вестернизированных местных интеллектуалов, вынужденно обратившихся к «народным» символам и мифам³⁷¹. После успеха

³⁷⁰ Подробнее см.: *Гранин Ю. Д.* Интеллигенция и национализм // Свободная Мысль, 2009, № 8, 2007, с. 69–80.

³⁷¹ Данное обстоятельство вполне очевидно и не является предметом дискуссий. Дискутируется лишь вопрос о степени влияния на этот — неевропейский — неонационализм традиционных структур и проблема «народного отклика» на призывы националистов. По мнению Смита, модернисты недооценивают роль традиционных институтов, нравов и символов

победы национально-освободительных движений сначала в Европе и Латинской Америке, а затем в Азии и Африке, ознаменовавших собой окончательный крах мировой колониальной системы, местные элиты и европеизированные интеллектуалы попытались построить аналоги европейских национальных государств на своих территориях. Но попытки сформировать нации на этноплеменной основе заведомо были неудачными, прежде всего из-за недостаточной вестернизированной подавляющей массы населения. Ведь, как уже отмечалось, с момента появления неевропейского неонационализма во второй половине XIX века попытки систематической вестернизации империями многомиллионного населения колоний были постепенно оставлены, и национально-государственные империи развивались, не устраняя, а поддерживая социокультурные барьеры. Доминирующим средством вестернизации стала военно-политическая имперская экспансия «без интеграции», сопровождавшаяся ожесточенным соперничеством за территориальный, торговый, финансово-экономический и ресурсный передел мира между ведущими европейскими державами и США.

Соответственно усиливалась неравномерность темпов социального развития «первого», «второго» и «третьего» миров. Народы, еще находившиеся на пути к формированию национального государства, не смогли в полной мере воспользоваться преимуществами буржуазного развития и научно-технического прогресса. Политика государственного национализма этнических элит не увенчалась успехом. Но, парадоксальным образом, попытки осознанного политического конструирования «наций» на этноплеменной основе были возобновлены в постколониальный период — в 1960-е и последующие годы,

и переоценивают политическую роль и независимость европеизированных интеллектуалов от общества. Смит же считает, что эти интеллектуалы скорее помогают оформить основные настроения, которые они черпают из ранее существовавших символов и мифов, а не навязывают народу какой-то европейский стандарт национализма. (См. возражения Э. Смита по поводу идей Э. Кедури: *Смит Э. Национализм и модернизм*. — М., 2004. — С. 204, 216, 218.) И это, обстоятельство, на мой взгляд, оказывается одним из препятствий формирования собственно национальных государств (т.е. «нации», объединенной современными политическими институтами) во многих регионах планеты.

главным образом в Африке, — завершившиеся появлением на политической карте мира нескольких десятков псевдонациональных государств.

О характере «несостоявшихся» (псевдонациональных) государств и их роли в глобализирующемся мире будет сказано позже. А пока, возвращаясь в XIX столетие, отметим, что в то время и на рубеже веков борьба за территории и сферы влияния между ведущими имперскими государствами сопровождалась *созданием новой системы господства и подчинения над главными регионами мира*, обеспеченной новыми телекоммуникационными и транспортными средствами (телеграф, азбука Морзе, трансатлантическая кабельная связь, новые паровые двигатели, автомобили, радио и т. д.) и инфраструктурами, которые к началу XX века обеспечили действие новых форм и механизмов политического контроля. Параллельно с традиционными формами непосредственного административно-территориального контроля стали складываться относительно независимые от национальных государств транснациональные организации и многонациональные корпорации, обеспечившие новые режимы регуляции межконтинентальных экономических потоков и взаимодействий. Одновременно начал складываться *новый политический миропорядок*, опирающийся не только на правительственные, но и на региональные и всемирные организации (Международный телеграфный союз, Международная ассоциация железнодорожных путей сообщений, Всемирный почтовый союз и др.), взявшие на себя часть функций по регулированию взаимодействий в сфере промышленности, труда, банковского дела, мореплавания, права, транспорта и информации. К 1914 году, когда число таких организаций перевалило за тридцать, человечество оказалось уже так тесно связанным системами коммуникаций и миграционных потоков, международных соглашений и организаций, что многие исследователи и политики заговорили о «всемирном правительстве» и «Соединенных штатах Европы». Но эти планы были прерваны первой мировой войной, ознаменовавшейся почти повсеместным всплеском национализма на заключительной фазе первой стадии и переходе ко второй стадии глобализации человечества.

Подводя итоги этой главы, можно констатировать следующее. Начиная с XVI столетия и не взирая на упорное

сопротивление возглавляемого Османами «исламского мира», мировая динамика осуществлялась в координатах «вызов Запада» — «ответ остального мира». «Вызов Запада» заключался не только в экспансионистском порыве европейских государств к колонизации, но и в самом факте его существования, в «необходимости реагировать на существование Запада путем изменений, ускорения собственного развития даже независимо от того, побуждает их к этому Запад, или нет»³⁷². С появлением «западного мира», первым осуществившим переход от традиционного общества к современному (с характерным для последнего быстрым ритмом жизни, доминированием инновации над традицией, выделенной персональностью, переходом от ценностной рациональности к целерациональности, от мировоззренческого знания к научному и т. д.), стало возможным *дискурсивно* противопоставлять западную «современность» в качестве горизонта развития всему остальному миру. «С появлением Запада человечество оказалось как бы в разных лодках, плывущих в одном направлении. Незападные страны не могли не ощутить своей отсталости, того, что направление движения задается Западом, одновременной привлекательности Запада и исходящей от него опасности для их традиционного существования»³⁷³.

Тем самым, легитимизировав свой вызов в концепции прогресса, Запад предложил всему остальному миру общую линию развития к «современности», на которую элиты и интеллигенция незападных стран могли, по мнению авторов, ответить только «пафосом справедливости — равного исторического шанса своим народам», в конечном счете воплотившемся в двух моделях модернизации: «вестернизации» и «догоняющей модели развития», позволившими европейским колониальным империям распространить западноевропейский типы социально-экономического и политического развития по всему миру.

Вплоть до начала Первой мировой войны многовекторная евро-атлантическая глобализация шла рука об руку

³⁷² Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М., 2008. — С. 92.

³⁷³ Там же. — С. 96.

с колониализмом сначала абсолютистских, а затем и национальных государств Западной Европы, промышленное, экономическое и военно-техническое развитие которых позволили им распространить свое присутствие в Америке, Азии и Африке. Уже ко второй половине XIX века не только народы Европы, но и большая часть человечества оказалась связана международными рынками и торговыми сетями, системами соглашений и союзов между крупнейшими континентальными (Россия, Австро-Венгрия, Османская Порта) и межконтинентальными (Англия, Франция, Португалия и др.) колониальными империями. После двух мировых войн мир оказался разделенным, и одновременно интегрированным по нескольким направлениям. И к началу XXI века сложилась довольно сложная динамичная структура мира, в составе которой национальные государства продолжают играть важную роль.

Надолго ли? Действительно ли в обозримой перспективе мироустройство суверенных национальных государств уступит место мироустройству глобального сообщества открытых друг другу наций, идущему, как считают некоторые, в направлении к «глобальной демократии» и «глобальному гражданскому обществу»? Или, быть может, человечество вступает в эпоху формирования новых форм глобализации на базе национальных концепций (программ) модернизации и использования католических, исламских, буддистских, конфуцианских, синтоистских и других цивилизационных ценностей? Ответы на эти вопросы читатель получит в заключительной главе книги.

Глава 4. Национальное государство в XXI веке

4.1. Дискуссии о судьбе национального государства

Теоретический дискурс о судьбе национального государства в условиях глобализации выстраивается по принципу «оптимисты» — «пессимисты». Первые считают, что традиционные формы общежития не исчерпали свой исторический ресурс и связывают грядущие трансформации системы международных отношений с развитием государственных институтов, выработкой государствами «второго» мира новых геополитических стратегий и установлением принципов глобальной этики. Вторые, напротив, считают государство историческим анахронизмом, мешающим человечеству двигаться по пути прогресса. Есть и «промежуточные», более взвешенные на наш взгляд, точки зрения. Рассмотрим подробнее аргументы сторонников и противников национального государства, обращая внимание на то, что вопрос о судьбах национального государства в эпоху современной глобализации представляет собой не только академический, но прежде всего политико-идеологический интерес. Этим, в частности, объясняется, что противники национального государства принадлежат, как правило, к лагерю неолибералов.

Прежде всего, представители неолиберального подхода (П. Дракер, К. Омаэ, Дж. Сорос, Р. Райх и др.) выступают против сохранения суверенитета национального государства в его нынешнем виде и намечают для государств перспективу стать местными органами власти глобальной системы. П. Дракер, например, считает, что в формирующемся глобальном обществе знаний и глобальной экономике складывается новая система ценностей, в которой национальному государству места не будет. По его мнению, национальное государство это отжившая форма, которая годилась для индустриального общества, но неприемлема для постиндустриального. В котором формирование управленческих институтов глобализации

будет происходить не на государственной, а на корпоративной и сетевой основе³⁷⁴.

По мнению Дж. Сороса доктрина суверенитета препятствует созданию эффективного международного механизма, способного не допускать падения уровня жизни и загрязнения окружающей среды. При этом Сорос совершенно произвольно изымает суверенитет из набора основных принципов классического либерализма, что явно противоречит историческим фактам³⁷⁵. Высказывания Сороса насчет того, что можно свободно взламывать национально-государственный суверенитет, исходя из тех или иных глобализационных соображений, получили в литературе название «доктрина Сороса».

Солидаризуясь с ней, К. Омаэ прямо прокламирует «конец национального государства» и называет приверженность ему «картографическими иллюзиями» и «ностальгическими фикциями»³⁷⁶. По его мнению, нужно ослаблять национальные государства, поскольку они мешают бизнесу. На место государственного суверенитета должен стать суверенитет потребителя. Государства мешают транснациональным корпорациям удовлетворять потребителей, у которых сформирована глобальная система предпочтений. Омаэ считает необходимым разрушение архаических национальных чувств, то есть социокультурных уз, которые мешают «подсесть» на потребление все новых и новых товаров производимых ТНК, а государство, с его поддержкой национальной культуры как раз является гарантом поддержания национальной культурной среды. Как известно, важнейшей частью продукции ТНК, продвигаемой

³⁷⁴ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. — М., 1999. — С. 67–101. В отечественной литературе аналогичного мнения придерживается П. Г. Щедровицкий. Он убежден, что «национальные государства не соответствуют требованиям постиндустриального общества», которое будет формироваться на основе некоего «постнационального государства», и которое автор считает оптимальным и для России. (*Щедровицкий П. Г. Бунт капиталов // Эксперт, 2000, № 23, с. 47.*)

³⁷⁵ Джордж Сорос о глобализации. — М., 2005.

³⁷⁶ Первая глава его книги так и называется «Картографические иллюзии». См.: Омаэ К. Конец национального государства: становление региональных экономик // Глобализация: контуры XXI века. — М., 2004, Ч. I. — С. 211–220.

по всему миру, являются информационные технологии, осуществляющие манипуляции сознанием: компьютерные игры целенаправленно формируют привычку к пребыванию в фантастической реальности, в которой все возможно и можно задать любые системы условий.

Омаэ приветствует подобную виртуализацию сознания и то, что она приводит к выключению молодежи из потока социокультурной трансляции национального опыта предыдущих поколений. Однако, глобальных потребителей в мире не так много, и в неолиберальных построениях Омаэ содержится поэтому изрядная доля утопизма. Правда, утопизм сразу исчезает, когда у Омаэ заходит речь о том, что государство «должно». Оно должно создавать удобную инфраструктуру и готовить работников для ТНК, которые, возможно, заинтересуются инвестиционными предложениями. Омаэ, естественно, признает, что средства на это государство должно извлекать из налогов на ТНК. Но, как известно, ТНК нацелены именно на уклонение от налогов, особенно в странах с развитым социальным сектором. Неолибералы любят бросать государственной системе обвинения в потворстве иждивенчеству, но для ТНК это характерно в большей степени.

Г. Киссинджер считает позитивным как то, что глобализация подрывает основы суверенитета национального государства вследствие беспрецедентной ликвидности глобального капитала, так и то, что это не касается главного «проводника» глобализации — Соединенных Штатов. Важнейшим аргументом здесь оказывается то, сформировало ли государство нацию, или является «несостоявшимся». «Несостоявшееся» государство — потенциальный объект «гуманитарной интервенции» для США и других стран, отвергающих принцип невмешательства. Вместе с тем, Киссинджер осознает противоречие между безудержным стремлением капитала к прибыли и национально-государственной стратификацией политической реальности мира. Разделение на национальные сегменты — важнейшая характеристика политической реальности, что в свою очередь предопределяет ответственность правительств перед своим населением за уровень жизни. Правительство, идущее на низкий уровень жизни населения ради включения в глобальную

экономику, не сможет удержаться у власти. Это еще один источник возможной нестабильности государств³⁷⁷.

Неолиберал Р. Райх обосновывает тезис об исчезновении в глобальной экономике такой реальности, как «национальное хозяйство», что обесмысливает самостоятельную экономическую политику национального государства. В книге «Труд наций» Райх ярко и аргументировано обосновывает тот факт, что в глобальных производственных системах любой их сегмент не имеет национально-государственной принадлежности и не подконтролен регулирующим усилиям государств, на чьей территории он находится³⁷⁸. Однако Райх, пожалуй, преувеличивает роль сетевых структур, услуг, знаний и малых форм в современной экономике, которая продолжает оставаться корпоративной, но, как и прежде, во многом решает свои проблемы через те или иные государственные органы. Другое дело, что в новой экономике корпорациям стало удобнее выводить свои прибыли из-под государственного контроля, декларируя их в любой точке глобального потока, и прежде всего — в оффшорах.

В отечественной литературе критическую позицию по отношению к суверенитету национального государства занимают авторы неолиберальной ориентации В. Л. Иноземцев и С. А. Караганов. Они считают, что принцип национального суверенитета устарел, более того: его краткосрочное либо продолжительное ограничение будет способствовать преодолению экономических кризисов и финансовых катаклизмов³⁷⁹. В свою очередь, П. К. Гречко также уверен, что «национальный суверенитет отмирает», поскольку «исчерпал, выработал свой социально-исторический и политико-правовой ресурс»³⁸⁰.

Насколько справедливы пессимистические оценки, согласно которым доминирование в мировой экономике ТНК

³⁷⁷ *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? — М., 2002. — С. 6, 235, 242.

³⁷⁸ *Райх Р.* Труд наций // Новая постиндустриальная волна на Западе. — М., 1999. — С. 506–527.

³⁷⁹ *Иноземцев В. Л., Караганов С. А.* О мировом порядке XXI века // Россия в глобальной политике, 2005, № 1, с. 9, 15.

³⁸⁰ *Гречко П. К.* Понятие «мирового порядка» в контексте глобальных преобразований // Глобализация и мультикультурализм. — М., 2005. — С. 41.

и усиление процессов глобализации «ведет к постепенному размыванию и исчезновению понятия национального суверенитета как такового»³⁸¹? Существует мнение, что государство как институт — противник глобализации, и мера успеха глобализации связана с преодолением этого сопротивления. М. Уотерс называет государство «последним бастионом» сопротивления глобализации, поскольку стремится сохранить свой суверенитет³⁸². Такое противопоставление, конечно, является слишком абстрактным. Государство не является чем то внешним глобализации, а является частью глобализационных процессов. Если не сводить глобализацию лишь к движению спекулятивного капитала, будет ясно, что государство само на протяжении веков было двигателем интеграционных процессов и продолжает оставаться им и сегодня. Резкая оппозиция глобализации и государства связана с педалированием темы дерегулирования, свойственным неолиберализму. Как отмечает Н. Лазарус, неолибералам сама глобализация представляется как побочный эффект политики дерегулирования, направленной на снижение социальных издержек в пределах национальных сообществ³⁸³. Дергулирование, приватизация, либерализация, открытость и эффективность — эти принципы неолиберальной политики были изначально конфронтационны, а в качестве «образа врага» было избрано государство. Так что, противостояние глобализационных процессов и государства существует скорее в сфере идеологической борьбы, на деле же имеет место противоречивое взаимодействие.

Государство продолжает оставаться основным инструментом любой экономической политики в целом, реструктуризации, проводится ли она неолибералами, либо же социал-демократами. Эта точка зрения распространена в литературе. М. Интрилигатор пишет, что «национальное государство пока удерживает за собой традиционно доминирующую роль в мировой экономической и политической системе», аргументируя это тем, что конкурентные войны по-прежнему ведутся

³⁸¹ Практика глобализации. — М., 2000. — С. 141.

³⁸² Waters M. Globalization. — L.; New York: Routledge, 1996. — XIV. — P. 122.

³⁸³ Lasarus N. Charting globalization // Race & class, L., 1998/1999, vol. 40, № 2/3, p. 93.

не между корпорациями и государством, а между самими корпорациями³⁸⁴. Во всяком случае, государство по-прежнему выполняет функцию гаранта соблюдения правил взаимодействия на рынке. Но ослабление функций социальной защиты не могло не породить определенного разочарования в государстве. Причины, по которым государство утрачивает свою роль представителя интересов большинства населения, заключены не в нем самом, а в тех сдвигах, которые произошли в социальной структуре общества. Но здесь, разумеется, возникает противоречие, и подъем антиглобалистского движения как раз вызван попыткой поиска новых форм социального регулирования вне государства. Это действительно серьезная проблема — ведь сила государства именно в доверии граждан и способности выражать их интересы.

Не государство ослабло, а условия его существования изменились. Глобальные формы существования капитала неявно изымают в свою пользу некоторые властные ресурсы, бывшие под контролем национальных государств. М. Г. Делягин удачно обозначил эту проблемную ситуацию выражением «среда обитания»³⁸⁵. «Среда обитания государства» формируется под воздействием стихийных наднациональных процессов, включающих и неустойчивый метаболизм мировых рынков, и повсеместное распространение новых информационных технологий. Образно говоря, изменился климат, «среду обитания» государства «заштормило», и ему приходится вырабатывать новые защитные механизмы от непогоды. Полномочия национальных государств испытывают давление и снизу (приватизация социальной сферы и рост организованной преступности), и сверху (воздействие транснациональных структур).

Суть современной проблемной ситуации точно сформулировал Л. К. Туроу, назвав ослабление национального государства наиболее уязвимым местом³⁸⁶. Переход от местной

³⁸⁴ *Интрилигатор М.* Глобализация мировой экономики: возможные выгоды, издержки и баланс // Транснациональные процессы XXI век. — М., 2004. — С. 122.

³⁸⁵ *Делягин М. Г.* Глобализация, мировой кризис и «закрывающие технологии» // Трансформационный процессы: XXI век. — М., 2004. — С. 30.

³⁸⁶ Подробнее см.: Новая постиндустриальная волна на Западе. — М., 1999; Глобализация: контуры XXI века. — М., 2004. Ч. 2.

(локальной) экономики к национальной происходил под воздействием сильного государства, а в условиях перехода к глобальной экономике мировые финансовые структуры выполнить эту роль не способны. В этом и заключена основная проблема, сколько бы не говорили об устарелости национальных государств.

Особую позицию занимают представители так называемого трансформистского подхода, для которых глобализация является совсем новым феноменом. С их точки зрения, она представляет собой движущую силу всех современных изменений, в ходе которых осуществляется трансформация экономических и социально-политических границ. Одной из отличительных черт сегодняшнего мира, по их мнению, оказывается адаптация государств к новому миропорядку, в котором нет четкого разделения на внешнюю и внутреннюю сферы. Как пишет Э. Гидденс, вследствие того, что современные государства теснейшим образом связаны с региональными и транснациональными политическими и экономическими группировками и корпорациями, границы современных государств теряют статус жестких демаркационных линий. Скорее, их можно сравнить с «фронтами», отодвигаемыми по мере добровольного делегирования правительствами части суверенных полномочий в пользу наднациональных институтов и организаций³⁸⁷. Таким образом, глобализация ассоциируется с трансформацией, в том числе и государства³⁸⁸.

Можно даже усилить этот тезис и заявить, что в современных условиях национальные государства не только не утратили свой политический потенциал, но и обрели в условиях современной глобализации «второе дыхание»³⁸⁹, новые весьма значимые функции, о которых будет сказано позже.

³⁸⁷ Гидденс Э. Навстречу глобальному веку // Отечественные записки, 2002, № 6, с. 436.

³⁸⁸ Другие сторонники данного подхода считают, что на современном этапе власть следует понимать «только как отношения сотрудничества между правительством государства и властью международных организаций». (Лакашук И. И. Глобализация и государство // Журнал российского права, 2001, № 4, с. 66.)

³⁸⁹ Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М., 2008. — С. 92.

Одновременно нельзя отрицать и «давление» экономических и политических транснациональных институтов на национальные государства, неспособность последних выработать устойчивую политическую структуру современного мира. Недостатки планетарной политической архитектуры, ее неустойчивость и непредсказуемость, выражающаяся, прежде всего, в постоянных локальных войнах, побуждают исследователей к радикальному пересмотру принципов современного политического устройства мира. Итогом этого пересмотра оказываются политические проекты грядущего « сетевого общества» (М. Кастельс), «мирового государства» (Т. Левит), «континентальных федераций» (А. Г. Дугин), «общества множеств — рес-коммуны» (А. Негри, М. Хардт), возглавляемой США «глобальной демократической империи» (Н. Фергюссон, П. Гречко), «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э. Гидденс) или «глобального гражданства» (Ю. Хабермас, М. Эван). Рассмотрим некоторые из этих проектов, обращая внимание на их сильные и слабые стороны. Поскольку проекты создания грядущего « сетевого общества», «мирового государства», «континентальных федераций», «общества множеств — рес-коммуны» и возглавляемой США «глобальной демократической империи» уже были нами рассмотрены в предыдущей главе, в центре внимания окажутся концепты формирования «глобального гражданского общества», «глобального гражданства» и «космополитического государства».

Предваряя последующий анализ, замечу: главным методологическим недостатком большинства политических проекций будущего мироустройства являются редукция длительного всемирно-исторического процесса глобализации лишь к одному из многих ее этапов — организованной по рецептам контролируемых США и другими «глобальными игроками» МВФ и ВТО современной неолиберальной глобализации, а этой последней, во-вторых, — к какому-то одному (финансовому, экономическому, политическому, научно-техническому и др.) из многих ее сторон и аспектов. Возможность появления новых форм глобализации человечества не рассматривается. Поэтому большинство политических проектов будущего связывается с перспективами устранения негативных последствий современной глобализации на основе более последовательного

использования (и навязывания!) западных ценностей всему остальному миру. Проекты «глобального гражданского общества», «глобального гражданства» и «космополитического государства» в этом ряду не исключение.

4.2. Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим»

Приступая к анализу указанных концепций, следует сразу подчеркнуть общечеловеческую значимость ценностей прав человека, гражданских свобод и демократии, которые автор не думает брать под сомнение. Речь о другом: о реальных возможностях и ограничениях их тотального использования в современном мире, разделенном на множество культур, религий, наций и национальных государств. Уже к началу XX века обозначилось, а к его закату стало совершенно очевидным основное противоречие глобализации, связанное с неравномерностью ее осуществления в разных сферах общественной жизни: увеличивая финансовую, экономическую и политическую взаимосвязанность государств и народов, она не способствует выравниванию уровня их социального и экономического развития, формированию устойчивого мирового порядка, раз за разом наталкиваясь на социокультурное и политическое сопротивление многих народов и национальных государств, число которых, вместе с сопутствующим их образованию и развитию «национализмом», неуклонно растет. Так же как прежде, и национализм не имеющих государственности этносов, и формирующихся наций остается источником большинства конфликтных ситуаций в глобализирующемся мире, является вызовом современной неолиберальной глобализации, адекватным ответом на который, по мнению ряда исследователей, могут стать проекты грядущего «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э. Гидденс, Х. Булл, А. В. Бузгалин и др.), «космополитического государства» (У. Бек) или «глобального гражданства». К ним и обратимся.

Впервые упомянутая в трактате «О вечном мире» И. Канта идея глобального гражданства теперь вновь оказалась в центре внимания научной и философской мысли.

М. Эван, к примеру, считает, что глобальное гражданство возможно по принципу автоматического его получения вместе с получением гражданства страны-члена ООН или же в форме индивидуального членства в ООН³⁹⁰. В отечественной литературе тезис о возможности глобального гражданства обосновывает Ю. М. Резник и М. В. Ильин. Последний утверждает, что перемещения по миру должны быть урегулированы таким образом, чтобы комплекс прав и обязанностей индивида мог реализовываться независимо от его места пребывания, а гражданин мирового сообщества мог бы свободно осуществлять выбор этого самого места. Особенно активно эту идею поддерживает Юрген Хабермас. Если в работах большинства авторов идея глобального гражданства, в лучшем случае остается политической декларацией, то в трудах Хабермаса она оказывается логическим выводом из его концепций «постнационального общества» и «конституционного патриотизма».

Следует отметить глубокое понимание Хабермасом сущности глобализации, исследуя которую он проводит прямую аналогию с эпохой становления национальных государств в Новое время. «Сегодня мы стоим перед аналогичным вызовом», — пишет Хабермас. Глобализация «лишь продолжает процесс, первым значительным примером которого стали интеграционные успехи национального государства», — утверждает он, и предлагает «ориентироваться на образец как раз той исторической формы, которую мы собираемся преодолеть»³⁹¹. Именно так — «преодолеть» — пишет Хабермас. Но каким образом? Он не удовлетворяется «естественностью и неизбежностью» глобализации, как неолибералы. Он хочет ускорить процесс, доводя свою верную аналогию до крайних форм. Если «спрямить» его мысль, получается, что также как в Новое время национализм перемолол локальные этнизмы, так теперь глобализация перемелет национализмы, и мы придем, как пишет Хабермас к «постнациональному обществу». Он, например, утверждает, будто «не только ФРГ, но и все

³⁹⁰ Evan W. M. Identification with the human species: A challenge for the twenty-first century // Human relations. — New York; L., 1997. — Vol. 50. № 8.

³⁹¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб., 2001. — С. 199–200.

европейские страны после второй мировой войны развивались так, что уровень национально-государственной интеграции утратил вес и значимость, и они движутся к постнациональным обществам»³⁹².

Хабермас совершенно точно раскрывает роль национализма в строительстве национального государства, связывая ее с установлением абстрагирующей тенденции общественной модернизации и идентификацией граждан через национальное сознание благодаря культурной принадлежности к нации. Однако теперь, считает он, «национальное государство должно отвергнуть тот амбивалентный потенциал, который некогда действовал в качестве движущей силы»³⁹³. Приходится констатировать, что Хабермас проявляет изрядную долю утопизма и сознательно отказывается от эффективного социокультурного интегратора во имя более толерантного, с его точки зрения, интегратора правового. Он утверждает, что «политическая культура той или иной страны кристаллизуется вокруг действующей конституции», а национальная культура всего лишь развивает ту или иную трактовку абстрактных и абсолютных принципов народного суверенитета и прав человека³⁹⁴. Но это не так. Национальная культура всегда строилась и строится вокруг «символов» нации, и развивала патриотизм и национализм как «свое иное».

Возможно, существование в течение нескольких десятилетий Конституции ФРГ и могло внушить такие иллюзии. Но они плохо согласуются с рядом исторических событий противоположного свойства — запретом КПП, «разборками» неонацистов с гасторбайтерами, неприязнью к новоприбывшим немцам из Восточной Европы и России и др. Но Хабермасу приятнее считать, что ФРГ ближе к «постнациональному самопониманию политического целого», благодаря ее неизменной Конституции. Правовое, являющееся выражением и оформлением экономического и социокультурного, рассматривается Хабермасом как определяющая реальность. Поэтому ему остается лишь недоумевать и сожалеть, что в результате неолиберальной

³⁹² Хабермас Ю. Политические работы. — М., 2005. — С. 141.

³⁹³ Хабермас Ю. Вовлечение другого. — СПб, 2001. — С. 214.

³⁹⁴ Там же. — С. 215.

политики «источники общественной солидарности иссякают, так что условия жизни стран бывшего Третьего мира распространяются на центры Первого», а «низший класс создает социальное напряжение, которое разряжается в бессмысленных разрушительных мятежах и может контролироваться только репрессивными средствами; исходящая из гетто отравы распространяется на инфраструктуру городских центров и даже регионов и проникает во все поры общества»³⁹⁵. Хабермас обеспокоен за «универсалистские основы республиканизма» и «статус среднего слоя», и винит в «восстании масс» неолибералов с их «постполитичностью» и атомарной анонимностью социума. Альтернативу неолиберальной политике Хабермас ищет вне рамок национального государства, считая связку территории, нации, национального хозяйства и национализма устаревшей в условиях глобализации.

Надежды Хабермас возлагает на «конституционный патриотизм», более того, объявляет его единственно возможной и современной формой патриотизма³⁹⁶. Этот патриотизм основывается «не на конкретной нации как целом, но на абстрактных процедурах и принципах»³⁹⁷. Абстрактные идеи демократии и прав человека представляются ему опорой более надежной, чем изменчивые национально-культурные традиции. Он надеется, что конституционное государство будет формировать постнациональную идентичность. В этом он видит противоядие от «отравы, выползающей из гетто». «Эта отрезвленная политическая идентичность отделяется от фона прошлого, центрированного на национальной истории», «национальность, ставшая в определенной мере более диффузной, отделяется от государственной принадлежности и освобождает место для политической идентификации с тем, что население в каждом конкретном случае считает важным сохранить в собственном государстве»³⁹⁸.

Но в рецептах Хабермас резко удаляется от реальности, возлагая надежды на некую вненациональную всеобщую

³⁹⁵ Хабермас Ю. Вовлечение другого. — СПб, 2001. — С. 222, 223.

³⁹⁶ Хабермас Ю. Политические работы. — М., 2005. — С. 140.

³⁹⁷ Там же. — С. 130.

³⁹⁸ Там же. — С. 123.

политическую культуру, которая позволит перестроить солидарность граждан «на абстрактной основе конституционного патриотизма»³⁹⁹. Он надеется на то, что «разумное политическое взаимопонимание в том числе и между чужими» сделает «излишним гарантируемый культурной однородностью фоновый консенсус»⁴⁰⁰. Демократический режим, по Хабермасу, может довольствоваться абстрактной солидарностью, и ему не обязательно прибегать к ментальной укорененности в «нации»⁴⁰¹. Так современный классик, руководствуясь исключительно благими намерениями придать национализму чисто гражданскую форму, на деле совершенно в духе нашего постмодернистского времени деконструирует единственную оставшуюся скрепу стабильности государства — обусловленную историей и жертвами национально-культурную идентичность во имя абстрактного конституционного патриотизма. И это при том, что сам Хабермас высказывается решительно против постмодернистских идей о «конце политики», столь чуждых ему, как представителю реформистской мысли.

Альтернатива «концу политики», по мнению Хабермаса, могла бы возникнуть «по мере создания наднациональных дееспособных акторов: примером может служить Европа»⁴⁰². Он грезит о создании дееспособных международных институтов вместо МБ и МВФ и о решающей роли демократического общественного мнения. И ополчается против евроскептиков, стремящихся защитить «поблекшие добродетели национального государства» и императивно утверждает, что «граждане Европы (что обозначено только благодаря их общему паспорту) должны — невзирая на национальные границы — научиться взаимно признавать друг друга в качестве членов одной и той же государственно-политической системы. До сих пор ограничившаяся национальным государством гражданская солидарность должна распространиться на граждан Евросоюза»⁴⁰³. Благие пожелания. К сожалению, жизнь не сводится к паспортам, конституциям и правовым нормам, а часто ломает

³⁹⁹ Хабермас Ю. Политические работы. — М., 2005. — С. 290.

⁴⁰⁰ Там же. — С. 289.

⁴⁰¹ Там же. — С. 293.

⁴⁰² Хабермас Ю. Вовлечение другого. — СПб., 2001. — С. 223–224.

⁴⁰³ Хабермас Ю. Политические работы. — М., 2005. — С. 319, 322.

и то, и другое и третье. Поэтому считать сферу права устойчивой, это иллюзия, правда, весьма распространенная у теоретиков.

Другой вариант толерантного ответа на коллизию глобализации и национализма представлен концепцией «космополитического государства» Ульриха Бека. Бек также связывает перспективу со становлением надгосударственных структур единой Европы. Бек тоже считает, что путь приспособления к глобализации и взаимный диалог возможны лишь при элиминировании национального. Он также говорит о «западне национального». Он считает «национальный» (термин также берется в кавычки) подход в мыслях и действиях народов и их правительств лишь разжигает взаимные столкновения, которыми пользуются глобализаторы для выбора экономически выгодных финансовых стратегий. Поэтому, по его мнению, национализм поддерживает и укрепляет транснациональную мощь корпораций⁴⁰⁴. Вместо «тупиковой» национальной привязки политики, ведущей к вражде, Бек предлагает использовать потенциал межгосударственного сотрудничества. «Реальная сила государств парализуется противоположным влиянием неолиберализма и национализма», и выход возможен лишь в ограничении независимости национальных правительств, создании транснациональных структур и пространства «объединенного суверенитета»⁴⁰⁵. Преодоление внутренних сложностей и обретение правительствами новых возможностей в «противостоянии народу и оппозиции» Бек видит в отказе от национальной независимости.

Надо признать, ход мысли Бека несколько циничен. Правители, элита, могут купить расширение возможностей жесткого контроля за происходящим в стране за счет выхода из «западни национального», «утраты национальной независимости» и «преодоления националистического фанатизма»⁴⁰⁶, то есть того, что еще как-то объединяло власть и народ в рамках национально-государственного целого. Ответом на вызовы глобализации Бек называет «космополитическое государство,

⁴⁰⁴ Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль, 2004, № 7, с. 3, 4.

⁴⁰⁵ Там же, с. 5.

⁴⁰⁶ Там же, с. 6, 7.

основывающееся на индифферентности государства к признаку национальности и допускающее существование национальных идентичностей согласно закреплённому в конституции принципу толерантности»⁴⁰⁷. Таким образом, чтобы соответствовать глобализации нужно во имя толерантности игнорировать национальное. Бек так прямо и пишет: «отделение государства от нации». Вот какое превращение претерпела идея нации за 200 лет. Во время Великой французской революции нация как единый народ граждан создавала демократическим путем государственные структуры чтобы защищать интересы целого. Теперь же государственные структуры видят признак демократии в том, чтобы отделиться от своего первоисточника, быть свободным от суверена-народа.

Глобализация, по мнению Бека, делает общество космополитичным, что требует «преодолеть понимание уникальной, единообразной, территориально определенной национальной родины»⁴⁰⁸. Космополитическое государство будет опираться на «наднациональные идентичность, культуру и государственные структуры»⁴⁰⁹. Государственные структуры еще могут стать наднациональными, а вот идентичность и культура — маловероятно. Эти фантомы понадобились Беку, чтобы обосновать возможность «космополитического государства», которое должно носить «сугубо конституционный, то есть правовой характер»⁴¹⁰. Мы видим тот же ход мысли, что и у Хабермаса: искусственное противопоставление правового национальному, вывод о недемократичности и конфронтационности последнего и чисто формальное, абстрактное понимание права, игнорирование того, что оно само вырастает из национальной истории и оформляет ее в ходе становления национального государства, где борьба за нацию и за демократию совпадают. При таком взгляде, где идеологические предпочтения доминируют, не останавливаются даже на предпочтении «хорошего» гражданского национализма «плохому» этническому, а хотят ликвидировать национальную

⁴⁰⁷ Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль, 2004, № 7, с. 8.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Там же, с. 9.

идентичность вместе с «опасной иллюзией национального государства» во имя иллюзорного «космополитического государства, где демократия и права человека ставятся выше автократии и национализма»⁴¹¹. «Обретение национальными государствами космополитического характера» Бек считает «“ответом на вызовы глобализации” и противостоянием этническому, религиозному и националистическому фундаментализму»⁴¹². Нет необходимости говорить о том, что полигоном «космополитического государства» для Бека выступает ЕС. И в отечественной литературе, правда, в значительно меньших масштабах, можно встретить схожие идеи. И. Кремер, например, утверждает: «Сомнительно, что национальной идеей непременно является национализм. Для новых поколений современных западных стран такой идеологией с 1960–1970-х годов стал европеизм, то есть нечто противоположное национализму»⁴¹³.

Не ставя под сомнение благородные устремления Хабермаса и Бека, позволю себе усомниться в эффективности их предложений. «Конституционный патриотизм» и «космополитическое государство» — из области благих пожеланий далекого будущего, которое, быть может, никогда не наступит. В современной действительности существует не субъект права с паспортом в кармане, а человек во всей его целостности, с его мечтами, символами, традициями — тем, что формирует его идентичность. Всякие попытки навязать ему идентичность сверху во имя толерантности обречены на провал. Э. Смит верно заметил: «Что касается пророчество глобальной культуре, то они не в состоянии учесть укорененность культур во времени и пространстве и зависимость идентичности от памяти»⁴¹⁴. Поэтому, с его точки зрения, неудивительно, что «культурные измерения проекта европейской интеграции окружает неразбериха, и что существуют различные модели окончательного

⁴¹¹ Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль, 2004, № 7, с. 9.

⁴¹² Бек Ульрих. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. — М., 2007. — С. 342.

⁴¹³ Кремер И. Этнократия — новая угроза? // Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 5, с. 112.

⁴¹⁴ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. — М., 2004. — С. 356.

объяснения “Европы”, многие из которых считают как нацию, так и национальное государство своими основными ориентирами»⁴¹⁵.

Сославшись на остроумное замечание М. Гиберно о том, что «инженеры новой Европы должны будут рассмотреть “общеевропейские тенденции” и разработать миф о происхождении, переписать историю, изобрести традиции, ритуалы и символы, которые создадут новую идентичность; но еще важнее то, что они должны будут найти общую цель, проект, способный мобилизовать энергию европейских граждан»⁴¹⁶, Смит исключительно логично констатирует: «Но это значит, что придется создать определенную форму национализма, поднимающую проблемы не только “нехватки демократии”, но и этнического и даже расового исключения иммигрантов, воздвигнуть внешние культурные (а также экономические) барьеры»⁴¹⁷. Адепты наднационального и космополитического как лекарства от конфронтационности не только вынуждены будут в соответствии с логикой всемирно-исторического процесса глобализации (расширение — интеграция — идентичность) создавать новый национализм, но сам этот национализм будет нуждаться, да и сейчас уже нуждается в новом образе Чужого, врага — в лице иммигрантов, их потомков и пр. Последнее прекрасно наблюдается в европейской политической жизни. Эталоном, как всегда, служит Франция (деятельность Н. Саркази и т. п.).

Мы согласны с М. Спикером, который считает, что «ответом гражданского общества на политические вызовы глобализации не должна быть его трансформация в глобальное гражданское общество»⁴¹⁸. Ведь гражданская солидарность предполагает в качестве основы наличие общей культуры, языка, эмоционального склада, формирование которых на глобальном уровне невозможно. Более того, под воздействием глобализации возможно усиление спонтанных процессов

⁴¹⁵ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. — М., 2004. — С. 394.

⁴¹⁶ Guibernau M. Nationalisms. — Cambridge, 1996. — P. 114.

⁴¹⁷ Смит Э. Национализм и модернизм. — М., 2004. — С. 395.

⁴¹⁸ Спикер М. Глобализация и развитие: перспективы христианской социальной доктрины // Глобализация и столкновение идентичностей. — М., 2003. — С. 305.

самоорганизации тех или иных национальных и этнических сообществ в качестве реакции на давление извне. В результате может происходить как усиление национального единства, так и напротив — актуализация тех или иных исторических локалий в рамках государств-наций.

При благоприятных условиях возможно укрепление региональных основ гражданской солидарности, как, например, в рамках Европейского Союза, хотя еще очень далеко до образования сколько-нибудь единого гражданского общества. Более того, именно этот процесс стимулирует мотивы национальной обособленности, националистические партии стабильно получают свои проценты на выборах. Классические государства-нации формировались на основе более-менее сложившегося гражданского общества. То, что в Европе нет еще общеевропейского гражданского общества, то есть — панъевропейской публичной сферы, которая бы обеспечивала реальный диалог различных интересов, признают даже активные сторонники «европейской альтернативы»⁴¹⁹. Поэтому ускоренное строительство панъевропейских политических институтов, не обеспеченное живым развитием гражданского общества может привести лишь к излишней бюрократизации. Можно согласиться с В. Л. Иноземцевым и Е. С. Кузнецовой в том, что «будучи созданными, институты гражданского общества неизбежно приведут к установлению общеевропейской демократии, которая может и должна возникать не как симбиоз национальных демократий, а как проявление воли всех граждан ЕС»⁴²⁰.

Видимо, перспективно говорить не о строительстве каких-то глобальных институтов или же об ускоренном оформлении институтов макрорегиональных. В глобализующемся мире каждое национальное государство имеет сферу глобальной ответственности. Глобальное пронизывает все уровни жизни современных обществ. Своей сферой глобальной ответственности надо плотно заниматься, не отодвигая ее на второй план и используя те средства, которые имеются в наличии у национальных государств. Полагать, что в обозримом будущем

⁴¹⁹ Хаттон У. Мир, в котором мы живем. — М., 2004. — С. 391.

⁴²⁰ Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С. Объединенная Европа на пути к лидерству в мировой политике // Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 4, с. 11.

политика национальных сообществ будет вытеснена силами глобализации — утопично. Любая попытка конструировать мировое правление в современных условиях, когда глобально и даже макрорегионального гражданского общества нет, обернется лишь антидемократическими перекосами. Куда как реалистичнее направлять усилия на взаимодействие региональных органов, национальных государств и международных организаций на решение тех или иных глобальных проблем.

В этом случае центральной становится проблема обеспечения диалога идентичностей: межкультурного, межнационального, глобального. Возможности такого диалога будут расширяться по мере перехода от этоса эффективности к глобальному этосу. Попыткой примирения этих двух этосов может считаться концепция К.-О. Апеля, в которой проводится идея дополнительности между справедливостью для всех и стремлением к обеспечению блага для собственного этноса. Вместе с тем, столь меркантильное понимание этоса вряд ли вызовет сочувствие среди представителей незападных культур, которые будут видеть в этом стремление под флагом мультикультурализма сохранить доминирование Запада. Глубоко прав А. А. Гусейнов, когда пишет, что для глобального мира всего лишь диалога культур недостаточно, нужен глобальный этос, в который могут входить ценности общечеловеческой культуры, реально признанные людьми самой разной этнокультурной принадлежности⁴²¹. Проблема «Как жить совместно?» остра сейчас именно из-за недостатка общечеловеческого публичного пространства для обсуждения всех существующих проблем. Поэтому глобализация и приобретает подчас «дикий», насильственный характер «приобщения к демократии», объектом которого выступают так называемые «несостоявшиеся государства».

4.3. Новые функции национальных государств в современном мире

Переходя к этому разделу, следует сделать несколько уточняющих замечаний, связанных, главным образом, с необходимостью развенчания господствующей многие годы иллюзией,

⁴²¹ Этос глобального мира. — М., 1999. — С. 20.

согласно которой все имеющие политический суверенитет государства нашей планеты являются «национальными». Это ошибочное массовое представление, истоки которого следует искать в эпохе демонтажа колониальной системы, породившей надежды на беспрепятственное появление в Азии и Африке десятков новых «национальных государств», получило юридическое закрепление в названии и Уставе ООН. В действительности, как уже отмечалось, далеко не все государства современного мира являются «национальными»⁴²². Поэтому обсуждение вопроса о новых функциях национальных государств на второй стадии глобализации напрямую зависит от решения другого вопроса: какие государства являются действительно «национальными», а какие — «несостоявшимися» национальными государствами. Поэтому вновь вернемся в колониальное прошлое.

Как уже отмечалось, колонизация многочисленных народов Азии, Африки и Америки объективно приобщала их к производственным, технико-технологическим и культурным ценностям европейцев, и в этом смысле — включала их в глобальный контекст развития европейской — индустриальной — цивилизации. Но последствия этого процесса для появившихся после второй мировой войны на политической карте мира под напором национально-освободительных движений новых национальных государств Азии, Африки и Латинской Америки были разными.

Следует признать, что нарастание неравенства между «центром» и «периферией» было предопределено с самого момента обретения независимости бывшими европейскими колониями. Политическая организация возникших суверенных «национальных государств» часто копировала черты европейской. Но в большинстве этих новых стран не существовало ни «наций» (в социокультурном и политическом смыслах этого термина), ни предпосылок для развития демократии. Произвольно проведенные европейцами границы сделали гражданами новых государств людей, принадлежавших к разным племенам, лингвистическим группам, религиям и историческим традициям.

⁴²² То есть, напомним, представляют собой единство «нации» и «современного государства».

Этнические, языковые, религиозные и культурные различия создавали стабильные большинство и меньшинство, которые всегда находились в неравном положении. В итоге демократия, даже если она и декларировалась, быстро превращалась в инструмент доминирования одной части общества над другой. Насилие и диктатура стали привычными чертами периферийных сообществ.

Экономическая стратегия новых независимых стран также была в чем-то похожа на европейскую, но и она оказалась тупиковой. «Освободившиеся государства, как в прошлом страны “центра”, — отмечает В. Иноземцев, — инициировали ускоренное развитие национальной промышленности, но в последней трети XX века индустриализм перестал быть парадигмой развитого мира. Страны “периферии”, следуя впечатляющему опыту западных экономик, попытались использовать преимущества узкой специализации, однако и это было ошибочным в условиях, когда “центр” перешел к стратегии самообеспечения практически по всем позициям, исключая лишь редкие виды природных ресурсов. Таким образом, *безвыходность ситуации порождалась неспособностью “развивающихся” стран применить полезные западные рецепты в политической сфере и усугублялась их приверженностью давно устаревшей западной экономической стратегии*»⁴²³.

Этой давно устаревшей экономической стратегией была стратегия индустриализма. Но, как показывает практика последних сорока лет, многие бывшие, главным образом африканские, колонии оказались не способны к принятию индустриальной парадигмы и остаются либо в полном смысле слова аграрными, либо допускающими доминирование аграрного сектора, что сопряжено, как правило, с авторитарными методами правления, крайне низким уровнем жизни населения и вопиющим имущественно-социальным расслоением.

На этом основании и с учетом внутренней неустойчивости развивающихся стран многие отечественные и зарубежные исследователи пессимистически оценивают их перспективы. По мнению О. де Риверо, развивающиеся страны следует

⁴²³ Иноземцев В. Несколько гипотез о мировом порядке XXI века // Свободная мысль, 2003, № 11, с. 4–5.

квалифицировать как «квазигосударства», поскольку становление государств в этих регионах предшествовало образованию наций⁴²⁴. Между тем, известно, что страны Европы, которые в данном случае берутся за эталон, шли разными путями: в одних из них образование государства предшествовало созданию нации, в других наоборот. Так что, характер последовательности в этом случае не может считаться аргументом. Но то, что постколониальные страны не являются полноценными нациями-государствами — очевидно. Поскольку в этих странах идет борьба между отдельными народностями за власть, Р. Харви называет их «псевдоимпериями». И предлагает «западной цивилизации», которую почему-то считает единой, установить контроль над мировой Периферией, так как «третий мир» не имеет шансов самостоятельно преодолеть свои проблемы⁴²⁵. Такого же мнения придерживаются В. Л. Иноземцев и С. А. Караганов, считающие необходимым осуществить реколониацию «несостоявшихся государств». Сохраняя урезанный политический суверенитет, они должны поступиться своим экономическим суверенитетом в пользу стран Центра, поскольку являются «источниками большинства нынешних глобальных проблем: политических, социальных, экономических, экологических»⁴²⁶. О том, что эти проблемы в значительной степени были инициированы прежней колониальной политикой и нынешней неолиберальной глобализацией предпочитают не вспоминать. Но шансов «на равных» войти в глобализационный процесс у государств мировой периферии, в пределах которой так и не сложились ни нации, ни современные политические институты действительно нет⁴²⁷. У национальных государств «полупериферии» (индустриальных стран) их значительно больше⁴²⁸. А собственно национальные

⁴²⁴ Rivero O. de *The Myth of Development*. — L., New York, 2001. — P. 23, 25.

⁴²⁵ Harvey R. *Global Disorder*. — L., 2003. — P. 302, 359.

⁴²⁶ Иноземцев В. Л., Караганов С. А. О мировом порядке XXI века // *Россия в глобальной политике*, 2005, № 1, с. 10.

⁴²⁷ Подробнее см.: Иноземцев В. Л. *Расколота цивилизация*. — М., 1999. — С. 403–434.

⁴²⁸ См.: Салицкий А. Вызовы глобализации и проблемы крупных полупериферийных стран // *Мировая экономика и международные отношения*, 2002, № 2, с. 15–19.

государства Центра, перейдя в постиндустриальную фазу развития, остаются важнейшими субъектами глобализации.

События всемирного финансово-экономического кризиса — 2008 подтвердили это вполне убедительно: единственным эффективным стабилизатором экономического развития, как и прежде, остаются национальные государства. Государства, которые в условиях неолиберальной глобализации не только не утратили своей политической и экономической мощи, но и обрели новые функции. Какие же?

Прежде всего, по мнению некоторых исследователей, само решение о либерализации финансовых рынков не являлось следствием естественной экономической необходимости, а было политическим⁴²⁹. Оно было инициировано правительствами США и Великобритании, которые хотели таким образом обеспечить проникновение своих банков и корпораций на рынки других стран. Вообще феномен США — активно обсуждается в литературе в связи с проблемой будущего национального государства в условия глобализации. Наиболее распространенным является мнение, что США представляют собой исключение, подтверждающее правило: глобализация в целом ослабляет национальные государства, но одно из них становится ее рычагом. М. Г. Делягин видит причину роста мощи США в избранной ими стратегии выращивания и концентрации на своей территории глобальных ТНК⁴³⁰. Глобальные корпорации выходят из США, менеджеры ТНК стажировались в США, решающая часть виртуальной экономики базируется в США⁴³¹. Вследствие этого глобализация оказывается способом национального развития. Борьба с США как со страной означает борьбу с находящимися в симбиозе с государственными структурами США транснациональными структурами.

Во-вторых, глобализация осуществляется не помимо, а посредством государственных институтов. Государственный аппарат большинства стран активно сотрудничает с транснациональными финансовыми структурами и корпорациями⁴³².

⁴²⁹ Navarro V. Neoliberalism, “globalization”, unemployment, inequalities, and welfare state // Intern. j. of health services, 1998, vol. 28, № 4, p. 671.

⁴³⁰ Практика глобализации. — М., 2000. — С. 138.

⁴³¹ Многоликая глобализация. — М., 2004. — С. 370.

⁴³² McMichael Ph. Globalization: Myths and realities // Rural sociology, N.Y., 1996, vol., № 1.

Именно государства гарантируют существование монополий — важнейшего источника накопления капитала. Легитимного эквивалента национальным государствам на глобальном уровне все равно нет. Они вносят некоторую упорядоченность в довольно хаотическую глобальную экономику. Глобальная экономика, будучи в значительной степени виртуальной, по определению нестабильна. Государства же способны ее стабилизировать в той мере, в какой она связана с производствами, так или иначе находящимися в поле государственного контроля. Р. Кокс вообще называет государства «приводными ремнями» глобального хозяйства⁴³³.

В-третьих, неолиберальная глобализация разрушает национально-культурное своеобразие и социальную ответственность государства, но поддерживает его репрессивные механизмы. Наиболее отчетливо данную позицию выразил команданте Маркос. С непосредственностью крестьянского вождя он пишет, что «государство оставило при себе лишь последнюю, необходимейшую функцию — функцию подавления. В условиях, когда его материальная база разрушена, суверенитет и независимость аннулированы, а политическое лицо стерто, национальное государство превращается просто в службу безопасности при мегакорпорациях. Вместо того, чтобы направлять государственные средства на социальные нужды, оно тратит их на бесконечное совершенствование своего аппарата подавления, позволяющего ему более эффективно контролировать общество»⁴³⁴.

Еще одной функцией, сохраняющейся за государством, по мнению И. Валерстайна, является предотвращение возможности стран Периферии вмешиваться в ход мирохозяйственных трансакций. «Государство все еще остается значимым, прежде всего для предпринимателей», — пишет И. Валлерстайн. Он обращает внимание на то, что лишь государства смогут взять на себя издержки предпринимателей, которые могут возникнуть вследствие долгосрочной тенденции к понижению нормы

⁴³³ Cox R. W. Global "perestroika" // Approaches to word order / Ed. by Cox R. E. with Sinclair T. J. — Cambridge, 1996.

⁴³⁴ Маркос. Четвертая мировая война началась // Альтернативы, 1998, № 4, с. 11.

прибыли⁴³⁵. А антиглобалисты говорят о том, что в ходе глобализации происходит реорганизация государств, в результате которой «целые страны входят на правах отделов в неолиберальное мега-предприятие»⁴³⁶.

Утрата государствами мощи и суверенитета не в интересах глобального бизнеса, успехи которого во многих случаях зависят от вмешательства государства. Для достижения своих целей ТНК нуждаются в содействии политиков и правительств. Именно эти вопросы вызывают необходимость в согласованиях, ради которых проводятся встречи, подобные Давоскому форуму.

Кроме того, можно говорить о функциях государства, специфических именно для глобализующейся экономики. Прежде всего, это касается технологических и патентных приоритетов. Администрация США, например, четко обозначила позицию защиты своих ТНК, отказавшись подписать Конвенцию по биологическому разнообразию в Рио-де-Жанейро и Киотский протокол. Государства сохраняют возможности регулировать пределы колебания обменных курсов валют. Правительства продолжают субсидировать НИОКР, что, как правило, бывает на руку ТНК. Известно, что именно благодаря государственному финансированию был разработан Интернет. Информационные технологии требуют огромных инвестиций, и здесь государственные вложения далеко не лишни. Кроме того, прибыльность частных инвестиций в развитие новых информационных технологий определяется возможностью монополизировать рынок вследствие защиты государством патентов.

ТНК развиваются, используя на внешних рынках благоприятные местные ситуации, которые сами же и создают с помощью государств⁴³⁷. Управлять рынками посредством правительств удобнее. Развивающиеся страны не имеют реальных возможностей выбора во взаимоотношениях с ТНК,

⁴³⁵ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. — М., 2003. — С. 88, 89, 91, 103, 104.

⁴³⁶ Бенсаид Д. Разбитое зеркало неолиберализма // Альтернативы, 1998, № 4, с. 20.

⁴³⁷ Perrot E. Penser la mondialisation // Recherches de science religieuse. — P., 1998, vol. 86, № 1, p. 23.

преимущество последних состоит как раз в наличии этого выбора. Одновременно, активность ТНК приводит к укреплению «своих», то есть — ведущих мировых держав⁴³⁸. Происходит это на основах взаимности. Попытки развивающихся стран в 1970-е гг. разработать в рамках ООН «нормы поведения» для ТНК провалились из-за противодействия стран ОЭСР.

Эффективными методами помощи корпорациям со стороны ведущих государств являются применение принципов свободы торговли к одним странам и экономической блокады к другим, «гуманитарная помощь», навязывание вестернизированных культурных стандартов, приемы управления миграцией рабочей силы. Важной формой сотрудничества ведущих государств и ТНК является «военное кейнсианство». Дестабилизация обстановки в богатых ресурсами развивающихся странах требует военного вмешательства, обеспечение которого становится стабильным источником поддержки высокотехнологичных производств. Возможность с помощью военной силы «своих» государств контролировать те или иные страны оборачивается для ТНК выгодными контрактами и преференциями. Так ТНК помогают «родным» государствам в развертывании гегемонии. Глобальный финансовый рынок вопреки идеологемам неолиберализма не является царством безгосударственной свободы и не работает эффективно без применения ведущими державами военной и прочей силы, обеспечивающей как статус-кво, так и преимущества сильных в конкурентной борьбе.

Есть еще один аспект — не новый, но важный — касающийся компенсации непроизводственных издержек корпораций. Речь может идти о различных издержках — социальных, культурных, экологических. Эта практика ТНК перекладывать свои трудности и проблемы на государство, конкурентов, окружающую природную среду получила название экстернализации⁴³⁹. Возможности экстернализации растут в условиях глобализации по мере расщепления национальных хозяйственных комплексов. Под наибольшим ударом оказывается

⁴³⁸ Rugman A. The End of Globalization. — L., 2000. — P. 219.

⁴³⁹ Коллонтай В. Эволюция западных концепций глобализации // Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 2, с. 35.

экологическая обстановка, и практика экстернализации закономерно вызывает появление и обострение глобальных проблем.

Есть еще одно очень важное обстоятельство: транснациональные корпорации не хотят тратиться на развитие необходимой им социальной инфраструктуры. Государство берет эту функцию на себя. Об этом не следует забывать. Идеологи неолиберализма в своих построениях предпочитают игнорировать это обстоятельство. А оно носит принципиальный характер. Корпорации чувствуют себя настолько уверено, что убеждены в своем праве получать все, что государство может им предоставить. Авторы книги «Многоликая глобализация» приводят высказывание руководителя отдела по связям с общественностью одной из ТНК: «Я думаю, страны начинают осознавать, что если они хотят быть участниками глобальной экономики, то они должны создать у себя инфраструктуру и рынки»⁴⁴⁰. Принимая на себя издержки по созданию и поддержанию инфраструктуры, государство фактически вынуждает всех налогоплательщиков возмещать убытки корпораций. Таким образом срабатывает современный анонимный механизм перераспределения в пользу сильных. Нельзя сказать, чтобы его работа способствовала укреплению социальной стабильности. Политика «жесткой экономии» и сокращения бюджетного дефицита не только добывает остатки «государства всеобщего благосостояния», но и способствует замедлению темпов экономического роста и снижению занятости.

И, наконец, государственные органы незаменимы для глобального финансового рынка и ТНК в том, что касается борьбы с инфляцией, снижения издержек производства: социальных гарантий, стоимости рабочей силы, а также повышения ее гибкости и, в меньшей степени, мобильности. Снижение социальных расходов все больше становится для развитых стран формой поддержки своего производителя в конкурентной борьбе с развивающимися странами. Повсеместное продавливание транснациональными финансовыми структурами мер торговой либерализации под флагом борьбы с демпинговыми ценами производителей из развивающихся стран на деле

⁴⁴⁰ Многоликая глобализация. — М., 2004. — С. 368.

подкреплено мерами «нового протекционизма»⁴⁴¹, носящего неявный характер. Помощь «своим» компаниям разнообразна и осуществляется через проведение государственной политики в области НИОКР, реализацию программ расширения экспорта и другими способами. Так что и в условиях неолиберальной версии глобализации государство все также необходимо транснациональным монополиям, поскольку государственные гарантии прав собственности необходимы для поддержания монополизации рынков, приносящей значительные материальные выгоды за счет экспонентального накопления капитала, поскольку мощное государство может воспрепятствовать более слабому создавать защитные барьеры для ТНК, поскольку государство принимает на себя бремя расходов в случае экономических трудностей ТНК, к примеру, может национализировать убыточное производство, реанимировать за счет национальных средств и реприватизировать хозяевам по сходной цене.

Таким образом, национальное государство продолжает оставаться важнейшим фактором развития современной глобальной экономики и политики. Но его роль, в зависимости от типа и «качества» государства, принимаемой правительством стратегии развития и социальной политики, может быть разной. Ослабленные государства, по мнению З. Баумана, низводятся до уровня местных полицейских участков глобальной системы. Содержание в этом качестве слабых государств выгоднее, чем создание каких-то глобальных структур с законодательными и полицейскими полномочиями. Сходные идеи развивают Р. Бербах и У. Робинсон, которые считают определяющей чертой современной глобализации вытеснение национального государства как организационного принципа капитализма и замена его транснациональными институтами⁴⁴². По их мнению, многие государства ослабли, превратившись лишь в конторы по реструктуризации, не берущие на себя никакой ответственности перед трудящимися и населением в целом.

⁴⁴¹ Marshall D. Understanding late-twentieth-century capitalism: Reassessing the globalization theme // *Government and opposition*. — L., 1996, vol. 31, № 2, p. 203.

⁴⁴² Burbach R., Robinson W. I. The fin de siecle debate: globalization as epochal shift // *Science & society*. — N. Y., 1999, vol. 63, № 1, p. 31.

Действительно, в результате инициированных группой стран G-7 глобализационных процессов с организованным рабочим движением практически перестали считаться. Классическая социал-демократия переживает крах не столь заметный как у коммунистов, но более глубинный и серьезный. Изпод нее выбита опора — профсоюзы. Глобальных инвесторов больше не интересует «подкуп» рабочей аристократии у себя дома, как не интересует их в прежней степени реальный сектор производства. Прибыли в значительно больших масштабах могут извлекаться в виртуальном секторе и за счет дешевой рабочей силы стран «третьего мира». Но все это касается поражения проекта «государства всеобщего благосостояния». Само же национальное государство остается. Оно по определению есть инструмент выражения существующих в обществе интересов. Поэтому оно может обеспечивать ТНК перекачивание издержек на плечи трудящихся и вытаскивание кампаний из ям кризисов, но может защищать национального производителя и национальную культуру.

Правда, невзирая на мировой кризис и пользуясь неолиберальными рецептами, многие национальные правительства стран мировой «полупериферии» предпринимают традиционные меры для обеспечения инвестиционной привлекательности за счет привлечения портфельных инвестиций. Но парадоксальным образом в среднесрочной перспективе эти меры усугубляют существующие экономические трудности внутри этих стран (невозможность создания новых рабочих мест в реальном секторе экономики, снижение покупательной способности населения) и приводят к уходу капитала. Кто будет расплачиваться за неминуемые катастрофические последствия глобальных игр с деривативами? В любом случае — правительства и налогоплательщики, гражданское общество. И никак иначе. А влиять на процессы они не могут. Неолиберальная идеология запрещает это. Что делать?

Обсуждая этот вопрос, многие исследователи связывают перспективы государств полупериферии с паллиативными мерами: со стратегией концентрации ресурсов на передовых направлениях НТП, либо с формированием «правовой базы» глобализации для установления действительного равноправия всех участников глобализационного процесса или, например,

сокращением потребностей стран-лидеров в дешевой рабочей силе⁴⁴³. Последние два предложения имеют утопический характер. Зато вполне реальны национальные формы глобальных стратегий, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма.

4.4. «Вестернизация» и альтернативные формы национальных глобальных стратегий

Итак, возможны ли национальные формы глобальных стратегий? Применительно к странам «первого мира» и прежде всего США, основного «проводника» неолиберальной версии евро-атлантической глобализации, ответ очевиден. Но каковы шансы других государств «на равных» вписаться, если можно так выразиться, в евро-атлантический глобальный контекст и многие ли из них в обозримом будущем останутся на политической карте мира? И удастся ли тем, кто останется, выработать собственные — национальные — формы глобальных стратегий и какие именно?

Варианты ответов на эти вопросы в современных научных изысканиях зависят, в частности, от предпосланных им парадигм исследования современного мира. Так, например, опираясь на собственный вариант теории постиндустриального общества (названный им концепцией «постэкономического общества») В. Л. Иноземцев пишет об исчерпанности модели «догоняющего» развития («догоняющей модернизации»), последнее относительно успешное использование которой мы могли наблюдать в Японии и, отчасти, в странах Юго-Восточной Азии. В то время как подавляющее большинство стран, пишет автор, продолжают находиться на индустриальной стадии развития (или стремятся достичь этой стадии), западноевропейские государства и США вступили в эпоху «постэкономического общества», знаменующего собой «новую современность», где «общественный и хозяйственный прогресс

⁴⁴³ См.: Салицкий А. Вызовы глобализации и проблемы крупных полупериферийных стран // Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 2, с. 15–19.

базируется на органичной приверженности личностей к само-реализации и на развитии наукоемких отраслей производства, в которых реализуется национальный потенциал»⁴⁴⁴. Сможет ли Япония, не говоря уже о других странах, отвечать этим условиям в XXI веке? По мнению Иноземцева, — нет.

Во-первых, анализ японского опыта дает основание утверждать, что «быстрый хозяйственный прогресс индустриального типа не является достаточным условием становления саморегулирующейся системы, в которой вызревают и получают широкое распространение постматериалистические ценности»⁴⁴⁵. Такая система не может возникнуть в ходе индустриализации как таковой: в государствах, развивавшихся естественным образом, данный процесс занял десятки, если не сотни, лет, хотя при этом всегда активно подталкивался политическими и военными потребностями общества. Во-вторых, «искусственно стимулированное “догоняющее” развитие, ...неизбежно требует инвестиционной накачки экономики»⁴⁴⁶, то есть должно стимулироваться извне: поэтому японское правительство вынуждено постоянно изыскивать возможности для капиталовложений.

В-третьих, опыт Японии показал, что «сегодня в мировой экономике не может доминировать страна, которая не является мощным источником технологических нововведений и не имеет положительного сальдо в торговле с остальным миром патентами и изобретениями». Японская промышленность сформировалась в условиях, когда доступ к технологиям объективно был легким и дополнительно облегчался посредством политики, проводившейся Министерством внешней торговли и промышленности. Не в последнюю очередь именно этим объясняется явное пренебрежение японцев проблемами образования и научных исследований. Образование поддерживалось на высоком уровне, но оставалось унифицированным, НИОКР занимали сравнительно небольшое место, «в целом же культивируемые в обществе ценности и традиции препятствовали

⁴⁴⁴ Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. — М.: 1999. — С. 308-343.

⁴⁴⁵ Там же. — С. 315.

⁴⁴⁶ Там же. — С. 324.

проявлению того индивидуализма, который только и может принести научные, технологические и хозяйственные достижения, адекватные потребностям наступающего столетия»⁴⁴⁷.

Так может ли сейчас или в более отдаленной перспективе какая-либо нация за пределами Западной Европы и США применить принципы организации западного общества для обеспечения собственного развития — спрашивает автор. И отвечает: «с нашей точки зрения, ответ должен быть отрицательным, причем по нескольким фундаментальным причинам. Первая заключается в уже существующем хозяйственном и, что более существенно, научном и интеллектуальном разрыве, который образовался за последние полвека. Сосредоточив у себя лучших ученых, располагая максимальным научным потенциалом, США и Западная Европа не утратят теперь своего лидерства не только потому, что имеют большие финансовые возможности для поддержания приоритета. Научное сообщество по самой своей природе устроено так, что его представители стремятся быть в возможно более тесном взаимодействии»⁴⁴⁸. Так что шансов догнать и перегнать Запад у «всего остального мира» в обозримом будущем нет.

Иначе рассуждают уже не раз упоминавшиеся мною авторы фундаментальной монографии «Глобальный капитализм...». Точно так же разделив человечество на Запад и «весь остальной мир», они интерпретируют историческую динамику последних четырех столетий как перманентную модернизацию: модернизацию самого Запада и череду попыток других стран встать на путь «догоняющей модернизации», цель которой «стать Западом» — «современностью» (modernity), воплотившую в себе наилучшую («капиталистическую») хозяйственную систему и, одновременно, передовой тип общественного (экономического, социального и политического) развития, выступающие для государств и народов иной цивилизационной принадлежности в качестве модели и образца существования.

Прочно связав человечество путями транснационального финансового капитала, капитализм действительно стал глобальным, однако начавшаяся со второй половины 1990-х годов

⁴⁴⁷ *Иноземцев В. Л.* Расколота цивилизация. — М.: 1999. — С. 338.

⁴⁴⁸ Там же. — С. 343.

«вторая глобализация», вместе с тем, показала бесперспективность политики «догоняющей модернизации» и, вызвав к жизни плюрализацию и кризис идентичности во многих западных странах, в конце концов, дала толчок к выработке их правительствами национальных моделей модернизации⁴⁴⁹. Капитализм стал глобальным и одновременно, — очень разнообразным, так и не решив многие из прежних проблем и породив многие новые вопросы.

Запад отреагировал на них очередным кризисом конвенционализации, когнитивно выразившемся в переписывании прежних, казавшихся незыблемыми теоретических постулатов — новом теоретическом оправдании «космополитизма», появлении концепций «рефлексивной современности», «глобального гражданства» и «глобального гражданского общества», «коммуникативной этики» и концепции «третьего пути». Подробно анализируя эти и многие другие концепции, авторы приходят к выводу, что ни одна из них не может предложить устраивающие всех рецепты решения глобальных проблем современности, но все они в чем-то дополняют друг друга, создают пространство диалога и активно влияют на политику правительств государств самой разной цивилизационной принадлежности. От того, в каком направлении будут двигаться эти страны, отвечая на вызов Запада, вырабатывая собственные представления о прогрессе и собственные модели модернизации, зависит грядущее устройство мира.

В этой связи авторы книги предлагают два макросценария развития стран «автохтонного» (местного) капитализма и хозяйственной демократии⁴⁵⁰. Первый — использование хозяйственной машины капитализма, удержание рыночного механизма в рамках имеющейся социально-культурной или политической специфичности. Второй — наступление «нового “Нового времени” для незападных стран». Первый сценарий основан на предположении, что незападные страны будут обеспечивать политическую и цивилизационно-культурную

⁴⁴⁹ Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М., 2008. — С. 385–413.

⁴⁵⁰ России, Китая, Индии, Бразилии и Индонезии.

защиту своих обществ от господства западной экономической машины⁴⁵¹. Второй предполагает, что незападные капитализмы начнут эволюционировать в сторону подчинения общества экономике. Этот макросценарий распадается на три возможных микросценария:

1. Эволюция многообразных национальных незападных капитализмов или хозяйственных демократий по типу той, которую претерпел Запад, начиная с Нового времени. Их ждут индустриализация, становление буржуазных наций, формирование «модульного человека», превращение Запада в один из многих вариантов воплощения капитализма Третьей современности.

2. Микросценарий выработки Восточной Азией во главе с Китаем новой модели развития для всего азиатского региона либо имеющей мировое значение.

3. Микросценарий конвергенции азиатского развития по капиталистическому пути или пути хозяйственной демократии с западным капитализмом. В этом случае будет иметь место использование труда и людских ресурсов Азии, при ориентации на политические системы и технику Запада, устранение отчуждения на Западе посредством развития концепции человеческого капитала, сохраняя заметный экономический рост в странах незападного капитализма⁴⁵².

А что же в итоге? Какое будущее ждет человечество: будущее с капитализмом или будущее без капитализма, будущее с Западом или без него? Отвечая на эти вопросы, авторы, в полном соответствии с идеями социальной синергетики, пишут, что сегодня «история», как и ранее физика, столкнулась с обратимостью времени. «Прежде никто не мог предположить, что будущее станет прошлым. Будущее капитализма — это повторение его прошлого, повторение становления

⁴⁵¹ Например, сегодня Китай пытается удержать вторжение рынка в общество политически и цивилизационно-культурно. Пока это удастся в достаточной мере, хотя 25 % населения в городах изменили свой образ жизни. См.: Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М., 2008. — С. 537–539.

⁴⁵² Там же. — С. 540–558.

капитализма на Западе в странах с иной рациональностью. Модерн — незавершенный проект, потому что он начинается в других местах»⁴⁵³.

С этим выводом авторов трудно не согласиться. Вместе с тем интерпретация истории нового и новейшего времени под углом зрения становления и распространения «капитализма», в категориях «вызов Запада» — «ответ остального мира» вызывает сомнения. Как уже отмечалось, история человечества никогда не была «улицей с односторонним движением», неизбежно ведущей к его объединению на основе какого-то одного типа экономического, социокультурного и политического развития, а центры исторического развития, как показал А. Г. Франк, неоднократно менялись местами. Не исключено, что это произойдет в будущем, и полюс исторического доминирования сместится в сторону нынешней мировой «полупериферии» — стран с иной — незападной — цивилизационной идентичностью. Определенные предпосылки для этого есть.

Многие исследователи связывают перспективы государств полупериферии с паллиативными мерами: со стратегией концентрации ресурсов на передовых направлениях НТП, либо с формированием «правовой базы» глобализации для установления действительного равноправия всех участников глобализационного процесса или, например, сокращением потребностей стран-лидеров в дешевой рабочей силе⁴⁵⁴. Последние два предложения имеют утопический характер. Зато вполне реальны национальные формы глобализационных стратегий, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолиберализма. Взамен которых предлагается признание приоритета национальных интересов, модернизация экономики, опирающаяся не только на заимствованные у Запада формы экономической и политической жизни, но, главным образом, на собственные социокультурные и политические традиции

⁴⁵³ Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М., 2008. — С. 562.

⁴⁵⁴ См.: Салицкий А. Вызовы глобализации и проблемы крупных полупериферийных стран // Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 2, с. 15–19.

и ресурсы. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания этих — западных и национальных — форм модернизации. Варианты здесь могут быть самыми разными: от весьма высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни государства, до незначительного, охватывающего, главным образом, экономическую сферу.

Пример первого варианта глобализационного развития дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности. После Второй Мировой войны оккупационный режим США в Японии потребовал дезинтеграции коллективных структур как проводников милитаристского сознания, но начавшаяся либерализация не привела к простому разрушению традиционного общества. Правящие элиты выдвинули иную программу: не ломать традиционные структуры общества, а изменять цели государства, используя общинные структуры в качестве проводников государственного воздействия. Таким образом, в Японии не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Японцы модернизировались на собственной цивилизационной основе: не меняясь социокультурно, они провели технологическую революцию⁴⁵⁵.

По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии, Индии и Китая. Китайское руководство, как и китайские ученые, исходят из того, что глобализация является объективным процессом. Но подходят они к ней так, чтобы, как пишет В. Г. Буров, «извлечь из нее максимум выгод для страны, ограничив одновременно возможные отрицательные последствия, связанные с данным процессом»⁴⁵⁶. Китайское руководство настойчиво добивалось приема в ВТО, но с такой же настойчивостью оно отстаивало в ходе обсуждения условий приема собственные интересы. Некоторые уступки (снижение тарифов на высокотехнологичную продукцию

⁴⁵⁵ Huntington S. *The Clash of Civilization and the Remaking of World Order*. — N.Y., 1996. — P. 75. См. также Федотова В. Г. Мир культур против культуры мира // Свободная мысль, 2003, № 8, с. 32–41.

⁴⁵⁶ Буров В. Г. Китайский взгляд на государство в условиях глобализации // Судьба государства в эпоху глобализации. — М., 2005. — С. 48.

из США и др.) были сделаны лишь на словах, чтобы добиться результата на переговорах. В стратегическом же плане сохраняется политика протекционизма, особенно в отношении сельского хозяйства и зарождающихся отраслей промышленности. С другой стороны, как указывает Лин Чан, китайцы обнаружили, что некоторые меры ВТО могут быть обращены в орудие для самозащиты (использование антидемпинговых законов, повышение контроля над качеством импортных товаров и др.)⁴⁵⁷.

Как пишет Ф. Саундерс, китайские лидеры признавали необходимость углубления интеграции с международной экономикой, но стремились управлять этим процессом по собственным правилам, для того, чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить свою уязвимость⁴⁵⁸. В существующих глобальных «правилах игры» китайцев не устраивает то, что международные организации контролируются крупными богатыми державами, что эти державы используют неравенство стартовых возможностей в отношениях с другими государствами, правилам глобализации не хватает прозрачности и вырабатываются они на основе ценностей и интересов США и других развитых стран⁴⁵⁹. В результате такой принципиальной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций, причем такой, что она по уровню ПИИ занимает второе место после США. Секрет этого успеха — в сохранении роли государства в экономике. Эта роль особенно возрастает в условиях современной глобализации, сопряженной с нестабильностью вследствие финансовых спекуляций и колебаний мировых рынков. Показательно, что азиатский кризис 1997–1998 гг. не затронул Китай, хотя страна экономически связана со странами ЮВА, оказавшимися в кризисе. Произошло это по той простой причине, что финансовый сектор в КНР не был либерализован. В итоге оказалось, что лидеры глобализации — «азиатские тигры» стали менее привлекательными партнерами для мировых ТНК, а Китай, напротив, стал более интересен для них вследствие своей

⁴⁵⁷ Глобализация сопротивления. — М., 2004. — С. 67.

⁴⁵⁸ China Journal, 2000, vol. 43, p. 55–81.

⁴⁵⁹ Транснациональные процессы: XXI век. — М., 2004. — С. 265–266.

недостаточно глубокой интеграции в глобализацию финансов. Поскольку целью мировых ТНК при проникновении в Китай является быстрая прибыль, а не «утверждение демократии», они заинтересованы в стабильном правительстве. Тем более, если в стране вследствие позиции правительства создан климат, нацеливающий на китаизацию продукции ТНК (использование в «Макдональдсах» элементов китайской кухни и пр.), что в свою очередь обеспечивает лучший сбыт и большую прибыль. В результате китайские филиалы ТНК становятся «патриотичными» в своей стратегии.

Деятельность ТНК на китайской территории относительно свободна от государственного регулирования, особенно в особых экономических зонах — Шанхае и Тяньцзине. Причем коммунистическое государство часто оказывается союзником не своих граждан, а ТНК в решении трудовых конфликтов. В Китае усиливается поляризация общества, а либерализация торговли не проходит бесследно для внутренних производителей. Вместе с тем, у Китая в отношении ПИИ есть то преимущество, что приходящий в страну иностранный капитал на треть является вложениями китайцев, проживающих за рубежом. В России, как известно, ситуация прямо противоположная, и именно из-за слабости государственного регулирования. Как констатирует проф. Ли Синь, руководство КНР пошло на сочетание различных форм собственности, в России же бывшая номенклатура сосредоточила усилия на экспроприации собственности. В России слепо копировали рекомендации МВФ, впав в либеральный догматизм, а успех китайских реформ связан с их постепенностью и сохранением контроля над экономикой⁴⁶⁰. Помимо привлечения мировых ТНК инструментами транснационального хозяйствования в КНР выступают государственные ТНК, экспорт капитала и рабочей силы, что в комплексе способствовало резкому усилению активности Китая на международной арене.

Еще одно преимущество китайской стратегии модернизации, которого нет у России, заключается в том, что при успешном развитии рыночной экономики, в национальной культуре рыночные ценности не могут доминировать здесь

⁴⁶⁰ Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 2, с. 18.

над остальными сферами жизни, прежде всего, социальной и культурной. В результате создается успешный и перспективный баланс, стимулирующий стабильное развитие. Как пишет Ань Вэй, «гражданское право гарантирует эффективность рынка, а государственное административное право гарантирует социальную справедливость»⁴⁶¹.

В отличие от прежних стратегов российских реформ 1990-х годов, китайские руководители сделали акцент на доминирование общественного сектора, государственное финансирование НИОКР, социальную политику и инвестиции в человеческий потенциал. Этот стратегический выбор привел к небывалым темпам роста экономики, совершенно отличным от спада, пережитого Россией, где безразлично относились и к науке и к человеческому потенциалу, несмотря на проводившиеся исследования в РАН⁴⁶². Видимо, все дело в выборе правильной стратегии в условиях глобализации. Китайские руководители и представители интеллигенции правильно решили для себя проблему соотношения глобализации и патриотизма — на основе приоритета национальных интересов при включении в процесс глобализации. «Целенаправленный акцент на патриотизм, чувство национального достоинства, подкрепляемый все более очевидными успехами страны в социально-экономическом развитии, превращается в одну из центральных идей общественной жизни»⁴⁶³.

Показательно, что патриотические настроения являются в КНР не предметом споров, как в России (националистические эксцессы, с одной стороны, и пресловутая борьба с фашизмом, с другой), а составляют консенсус элиты и массы. Прозападно настроенная часть китайской интеллигенции и международные правозащитные организации выражают обеспокоенность тем, что эти националистические настроения могут целенаправленно использоваться руководством КПК. Однако речь следует вести, скорее, о национальном консенсусе. Это особенно

⁴⁶¹ Ань Вэй. Глобализация и право // Вопросы философии, 2005, № 2, с. 169.

⁴⁶² См.: Человеческий потенциал России / под ред. И. Т. Фролова. — М., 1999.

⁴⁶³ Буров В. Г. Китайский взгляд на государство в условиях глобализации // Судьба государства в эпоху глобализации. — М., 2005. — С. 49.

наглядно выступает при анализе высказываний китайских политиков и интеллектуалов. Большинство из них считают глобализацию необходимой исторической тенденцией и рассматривают ее как новую стадию процесса модернизации, которая, как считают китайские исследователи, может быть осуществлена только на основе национального единства страны. По мнению китайских ученых западная теория гуманитарных интервенций и ограниченного суверенитета, которая стала идеологической основой для вмешательства в дела Югославии, Афганистана, Ирака и др., используется правящими кругами западных стран для осуществления гегемонистской политики. Китайские авторы подчеркивают, что гуманитарные интервенции неправомерны, так как осуществляются без санкции ООН, но столь же неправомерны и имея эту санкцию, если преследуют лишь интересы стран «триады»⁴⁶⁴. По словам Чжоу Ичжи, в настоящее время сложилась опасная ситуация, когда некоторые могущественные государства, прикрываясь указанными теориями «под флагом глобализации пытаются ослабить позиции суверенных государств в решении внутренних и международных проблем»⁴⁶⁵. Прежде всего, китайский автор указывает на США, которые под прикрытием формального равенства государств пользуются своим могуществом и лишь расширяют свой суверенитет за счет суверенитета других государств.

Китайские исследователи Ма Чжунлян и Юй Сяоцзинь определяют глобализацию не как простой процесс унификации, а напротив, как процесс, полный противоречий, включающий в себя тенденции и к интеграции, и к разделению, и к единству и к многообразию, и к интернационализации и к почвенничеству⁴⁶⁶. Поэтому для стабильного развития, считают они, необходим баланс между личностью, обществом и природной средой, поддержка развивающихся стран, беды которых являются проблемами всего человечества, принятие этических кодексов, регулирующих глобальную экономическую

⁴⁶⁴ Гао Шуцин. Глобализация: оценки и возможная модель развития // Транснациональные процессы: XXI век. — М., 2004. — С. 268.

⁴⁶⁵ Судьба государства в эпоху глобализации. — М., 2005. — С. 56.

⁴⁶⁶ Там же. — С. 59.

деятельность. Что касается последних, то китайские ученые готовы предложить для этой цели принципы конфуцианской этики, но при этом отдают себе отчет в том, что всеобщих этических норм вне национально-культурной привязки не существует. Как пишет Ли Маосень, экономическая глобализация в определенной степени наносит удар по традиционным ценностным представлениям национальных государств, рождает новые международные критерии и нормы, однако различные государства, воспринимая и реализуя эти всеобщие международные ценности, должны соединять их с собственными традициями⁴⁶⁷. Более того, по мнению российских ученых, «Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности. В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия — не просто носители функций, а прежде всего, патриоты. ...Рациональное здесь — не декартовское, а конфуцианское»⁴⁶⁸, сочетающееся, добавим, с изрядной долей политического прагматизма.

Индия также является страной, способной создать альтернативную национальную модель глобализации на собственной цивилизационной основе. После завоевания независимости правительство Индийского Национального Конгресса провозгласило курс на ускоренный экономический рост с минимальной внешней помощью. Однако влияние принципов общества потребления привело в 1980-е гг. к отказу от регулирующей системы над импортом, от ограничений на деятельность ТНК и приток иностранного капитала. Однако индийские лидеры того времени, в отличие от китайских руководителей, усмотрели в привлечении зарубежного капитала источник экономического роста, в то время как в Китае само развитие экономики вследствие политики регулируемого государством рынка привлекало этот капитал. В результате в 1980–1990-е гг. уровень экономического развития Индии мало изменился. ПИИ не оправдали доверия, и рост потребления предметов роскоши не повлек за собой экономического прогресса. Стране все еще трудно справиться с проблемой массовой нищеты, висящей

⁴⁶⁷ Судьба государства в эпоху глобализации. — М., 2005. — С. 58.

⁴⁶⁸ Буров В. Г., Федотова В. Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии, 2007, № 5, с. 18.

тяжелым грузом на экономике. Меры по либерализации финансовой системы в 1990-е годы лишь усугубили положение, причем не только нищих, но и бедных (например, лиц с небольшими вкладами).

В то же время, глобализация не принесла Индии и серьезных потрясений, имевших место в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Это явилось следствием того, что в индийском обществе сохранялось общее мнение о необходимости самостоятельного развития в соответствии с национальными интересами страны. Глобализация не рассматривалась как одномерный процесс, и считалось, что страна может выбирать собственную стратегию развития. Как отмечает Е. А. Брагина, в этой стране существовало и существует согласие между основными политическими силами по ключевым вопросам развития и участия в глобализации. Индийские реформы не изменили ориентации на защиту внутреннего рынка. В результате позиции национального капитала продолжали укрепляться в условиях глобализации. Приватизация части государственного сектора оказалась более успешной и эффективной, чем в России. Реформы шли без скачков и разрушений, что выгодно отличало их от российских реформ⁴⁶⁹. Правда, доля страны в международной торговле продолжала неуклонно снижаться, роль ПИИ оставалась незначительной. Упор делался на развитии внутреннего рынка. Это была вовсе не политика автаркии, но разумное сосредоточение на собственных проблемах. В результате ряд из них удавалось успешно решать

Нельзя сказать, что внятная альтернативная национальная стратегия уже сложилась в Индии, но все предпосылки к этому имеются. Это пестрое в культурном отношении общество способно инкорпорировать в свой состав различные культурно-идеологические конструкты, сохраняя при этом свое своеобразие. У Индии, считает Т. Шриниваса, как у богатой и древней цивилизации, есть потенциал и для культурной эмиссии, и для выработки альтернативных структур современности⁴⁷⁰.

⁴⁶⁹ Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 2, с. 17.

⁴⁷⁰ Многоликая глобализация. — М., 2004. — С. 123.

Опыт выработки национально-региональной стратегии глобализации у стран Юго-Восточной Азии принадлежит скорее прошлому, чем будущему. Успех «азиатских тигров» в 1980-е годы был связан как раз с использованием их национально-культурных особенностей при проведении политики модернизации и открытости. Но неверной оказалась сама стратегическая линия — поиск удачного места в глобальной экономике вместо приоритетов национального экономического развития. В результате очередной шторм в океане мирового капитала смыл достижения этих стран. В результате глобализированные экономики стран ЮВА оказались в зависимости от капризов глобальной финансовой системы и утратили свой национальный суверенитет. Разразившийся кризис стал полной неожиданностью. И если западные инвесторы сумели выйти из него с небольшими потерями, то в самих этих странах он привел к массовой безработице, остановке производства, падению уровня жизни. Диктатуры сначала Маркоса, а затем и Сухарто были свергнуты, власть тайских генералов ограничена, а Чон Ду Хван и Ро Дэ У оказались под судом. Вот урок, который следует извлечь: репрессивная политика и антидемократизм никогда не могут быть средством экономического прогресса. Добрых Сухарто, как и добрых Пиночетов не бывает.

Что же касается Латинской Америки, здесь мы пока не видим симптомов выработки альтернативной континентальной стратегии глобализации. Народные массы в этих странах всегда отличались революционностью, а элиты ориентировались на интересы США, а не на собственные национальные интересы. Положение в этих странах характеризуется слабостью представительной демократии, военными конфликтами, ростом внешнего долга. Череда экономических крахов в этих странах в 1990-е годы (Мексика, Бразилия, Перу, Аргентина) явственно свидетельствует, что четкое следование компрадорских элит рецептам МВФ не принесло никакого эффекта для страны. Раскол же между элитами и массой не способствует национальному консенсусу и выработке единой альтернативной стратегии глобализации. Странам континента предстоит решать задачи восстановления независимости от ТНК и развития демократии. Осознание этого объясняет приход к власти левых правительств в Бразилии, Венесуэле, Боливии, Чили.

Однако, во всем этом пока больше популизма, чем серьезной альтернативы. Выработка альтернативной стратегии глобализации здесь — дело будущего.

Из африканских стран в качестве претендента на альтернативную стратегию глобализации может рассматриваться только ЮАР — государство в высшей степени открытое западным влияниям. Это касается как белого населения, так и чернокожего и вообще цветного, традиции борьбы которого с апартеидом формировались в основном по западным же стандартам. Однако пока ЮАР отстает в плане усвоения методов успеха в глобальной экономике. Президент ЮАР Т. Мбеки выдвинул концепцию «африканского ренессанса», включающую развитие демократии, достижение приемлемых темпов экономического развития, освобождение от бремени долга, борьба со СПИДом, обретение культурного богатства исторического прошлого народов Африки. По существу, это стратегия привлечения западных инвестиций, придания положительного имиджа странам континента, прежде всего ЮАР, традиционно связанной с Западом. Скорее здесь речь идет не столько о выработке альтернативной стратегии глобализации, сколько об усвоении западных ценностей для решения задач индустриального периода. Безусловно, ЮАР является субрегиональным лидером, и ее глобальное значение будет возрастать. Как пишет Э. Бернштейн, «альтернативная африканская концепция существует, но в настоящее время она слишком слаба и противоречива»⁴⁷¹.

Прочие страны мира скорее приспосабливаются к существующей глобализации, чем вырабатывают собственную национальную стратегию. У одних это приспособление получается отчасти успешно — как, например, у аравийских монархий⁴⁷², хотя в полной мере усвоить западные стандарты жизни и выработать собственные геополитические стратегии и национальную модель развития здесь не удастся.

Результатом модернизации экономической жизни стран Аравии стало сокращение различий в уровнях развития

⁴⁷¹ Многоликая глобализация. — М., 2004. — С. 225.

⁴⁷² См.: Яковлев А. И. Аравийские монархии на пороге эры глобализации // Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 5, с. 72–82.

с Западом по количественным показателям при сохранении качественного разрыва, который остается непреодолимым. Изначальное различие в стартовых условиях развития в XX веке привело к тому, что нефтяные монархии при всех социально-экономических достижениях сумели войти в МКХ на правах самостоятельных субъектов, однако попали в новую, информационно-технологическую зависимость от Запада. Тем самым аравийские монархии в начале XXI столетия вновь, после ликвидации колониальной и полуколониальной зависимости, остаются «на обочине» научно-технической революции и оказываются неравноправными партнерами Запада. Да, в Саудовской Аравии есть технопарк имени короля Абдель Азиза, в Омане такого рода индустриальный парк создан в Русайле, но эти «островки НТП» не в состоянии повысить ни общий научно-технический уровень производства, ни интеллектуальный потенциал аравийского общества. По мнению саудовского исследователя Сауда Хусейна Сайда Захрани, в королевстве «университетское образование стало своеобразным культурным “довеском” к положению в обществе, и лишь во вторую очередь молодой человек рассматривает его в качестве средства получения заработка и удовлетворения насущных потребностей». Следствием такого подхода стало «перепроизводство» специалистов со средним и высшим гуманитарным образованием и нехватка инженеров и техников⁴⁷³.

Включившись в мировое хозяйство как страны-нефтепроизводители, нефтяные монархии оказались в 50–70-е годы втянутыми в процессы индустриализации и урбанизации, к которым общества этих стран оказались совершенно неготовыми. Традиционные социальные слои и группы вынуждены были входить в новую для них систему отношений капиталистического общества. В ходе социально-экономических реформ постепенно формировались новые социальные классы и слои: буржуазия с быстро поляризовавшимися верхними и нижними группами; рабочий класс, в котором основную массу составляли иностранные рабочие из стран Азии и Африки, интеллигенция и служащие, получившие высшее образование, но не всегда

⁴⁷³ См.: Захрани Сауд Хусейн Сайд. Политика государства в культурно-образовательной сфере в Королевстве Саудовская Аравия в 70–90-е годы. — М., 2000. — С. 13, 19.

обладавшие деловой и общей культурой, отвечавшей современному уровню. В то же время в силу стремительности социальной трансформации общества в нем не успели «перевариться» многие традиции. Образовался, отмечает А. И. Яковлев, кентаврический симбиоз «традиционного и современного: шейх-банкир, принц-предприниматель, рабочий-владелец верблюда, служащий-торговец. Аравия оказалась включенной в Современность, не успев выйти из своей Традиции»⁴⁷⁴.

Следствием этого стало сосуществование разнопорядковых пластов общественной жизни: наряду с весьма поверхностной вестернизацией сохраняется в неизменной роли ислам как духовная основа жизни общества, абсолютная власть правящих семей (декорированная некоторыми элементами парламентаризма), возникают в саудовских городах кварталы, населенных выходцами из одной местности, остается и поддерживается значимость племенного происхождения с делением на племена «благородные» и «неблагородные», уважение к шейхам не в силу их нынешнего материального положения, а в силу обычая, отношение к правящей семье Саудидов не как к королевской династии, а как к семье шейха шейхов⁴⁷⁵.

Правда, некоторые черты западной деловой этики и поведения удалось перенять, но в целом социальная структура, социальный строй, социальные отношения, ценности, идеалы и нормы поведения остались традиционными. Аналогичная ситуация в сфере политики. Заимствованная на Западе административная система министерств функционирует в Аравии достаточно успешно, но природа этой системы там совсем иная. Правительство, его глава и главы отдельных ведомств ответственны перед монархом и назначаются им точно так же, как века назад монарх выбирал своих советников по своему изволению. Стоит добавить, что и местная администрация построена по такому же принципу: контроль за ключевыми городами и провинциями саудовского королевства сохраняют эмиры из семьи Саудидов. Во всех аравийских монархиях действует авторитарный тип власти, но означает он не просто

⁴⁷⁴ Яковлев А. И. Аравийские монархии на пороге эры глобализации // Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 5, с. 75.

⁴⁷⁵ Там же, с. 76.

всеобъемлющий контроль государства над общественной жизнью, а контроль *семьи, династии*, для которой государство стало формой реализации властных устремлений. При видимом сходстве с европейскими образцами природа аравийской власти уходит корнями в далекое прошлое.

Ситуация в странах Тропической Африки, расположенных к югу от Сахары, еще хуже — это полностью несостоявшиеся (экономически, политически, социально и т. д.) этноплеменные государства, модернизация которых в обозримом будущем не возможна⁴⁷⁶. Причины этого связаны не только с этнокультурными особенностями, но и с востребованностью ресурсов этих стран глобальной экономикой.

Таким образом, применительно к большинству стран «третьего» и «четвертого» мира говорить о возможности выработки ими национальных стратегий вхождения в глобализацию в обозримом будущем нельзя. Но они, повторю, вполне реальны (и реализуются) в так называемых новых индустриальных странах, чем дальше, тем больше тяготеющих к заключению региональных союзов.

Профессор А. Моханти видит новую историческую перспективу в создании треугольника «Россия — Индия — Китай» как союза трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, государственные интересы которых не обеспечиваются в однополярном мире. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. По мнению индийских ученых Д. Каушика и М. Сингха, настало время объединить усилия Индии, Ирана, Китая, России и Малайзии для выхода из плена ошибочных концепций и поиска более

⁴⁷⁶ См.: *Лебедева Э. Е.* Проблемы социальной идентичности в условиях глобализации (На примере Тропической Африки) // *Глобализация и столкновение идентичностей.* — М., 2003. — С. 338–350; *Фоноу-Чуигоу Б., Касанда А.* Африка к югу от Сахары // *Глобализация сопротивления.* — М., 2004. — С. 122–133; *Андреев И. Л.* Под небом Африки // *Вестник Российской Академии Наук*, 2004, том 74, № 3, с. 285–288; *Андреев И. Л.* Человек по имени деньги // *Вестник Российской Академии Наук*, 2006, том 76, № 2, с. 139–147.

⁴⁷⁶ *Мировая экономика и международные отношения*, 2002, № 2, с. 17.

приемлемых стратегий — для себя и для других стран⁴⁷⁷. Видимо, основой такой стратегии должен стать отказ от неоллиберальных догм, укрепление суверенитета и роли государства как инструментов решения глобальных проблем.

Следовательно, будущее глобализации отнюдь еще не предопределено. И может случиться, что спустя несколько десятилетий вновь наступит «эпоха Азии».

4.5. Станет ли Россия «национальным государством»?

Сама постановка этого вопроса и связанной с ним проблемы формирования «российской нации» для многих отечественных специалистов являются неприемлемыми. Будучи заложниками доктрины «многонациональности», благодаря торжеству и внедрению которой идеи «нации» в СССР была передана с общегосударственного уровня этническим общностям, они и теперь продолжают изобретать теоретические кентавры, вроде «интеграционной модели “Россия — нация наций”»⁴⁷⁸. В свою очередь, их оппоненты предлагают ученым и политикам «забыть о нации» и осуществить «нулевой вариант» одновременного отказа от этой «мифической дефиниции», «политической метафоры» всеми этническими общностями и государствами⁴⁷⁹.

Мало того, до сих пор у нас термин «национализм» употреблялся с негативной окраской и, как правило, в значении «этнического национализма»: то есть идеологии и практики борьбы народов (этносов) за обретение и сохранение собственного государства, наличие которого, собственно, и конституирует «этнос» в качестве «нации». А о национализме иного рода — «официальном (государственном) национализме» полиэтнических государств, целью которого является

⁴⁷⁷ Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 2, с. 17.

⁴⁷⁸ Баграмов Э. А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов // Вопросы философии, 2010, № 2, с. 15.

⁴⁷⁹ Тишков Валерий. Постнационалистическое понимание национализма // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. Т. 1. Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. — М., 2010. — С. 214–225.

интеграция многоэтнического мультикультурного населения страны в «нацию», до недавнего времени вообще предпочитали помалкивать.

Но после декабрьских 2010 года волнений в Москве, Санкт-Петербурге, других городах России и последовавших за ними терактах о национализме наконец-то вновь заговорили не только в блогосфере, но и в высших эшелонах власти. Начиная с 27 декабря 2010 г. Д. А. Медведев четырежды обсуждал вопрос о мерах «по укреплению межнационального соглашения» — дважды на заседаниях Госсовета и его президиума, встречах с руководством Федерального Собрания и Общественной палаты РФ. За исключением решительного отказа от реанимации Миннаца каких-то конкретных административных решений пока не было принято: концепцию национальной политики России, как отмечал бывший министр регионального развития Басаргин, «посмотрели, причем со всеми согласовали, и в итоге положили на полку»⁴⁸⁰. Думаю, не случайно: в процессе многочисленных согласований ее торпедировали обремененные учеными степенями многочисленные этнократы и «эксперты» из национальных субъектов РФ (о них речь впереди), с легкой руки которых в свое время в Конституцию России вошла политически взрывоопасная запись «Мы, многонациональный народ Российской Федерации». С ней, как когда-то с формулировкой о «праве наций на самоопределение, вплоть до отделения», надо без сожаления расставаться.

Надежды на это вселяют недавние суждения первых лиц государства. Так, 27 декабря 2010 г. В. В. Путин высказался о необходимости формирования «общероссийского патриотизма» — аналога патриотизма советского, а Д. А. Медведев заявил, что «идея российской нации абсолютно продуктивна, и ее не нужно стесняться»⁴⁸¹. 11 февраля этого года президент развил эту мысль: *«Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении*

⁴⁸⁰ Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 27 декабря 2010 года, 15:00, Москва, Кремль // www.kremlin.ru

⁴⁸¹ Там же.

идентичности всех народов, населяющих нашу страну. Только тогда мы будем крепкими» (курсив мой — Ю. Г.)⁴⁸².

Совершенно верно. Однако, читая стенограммы указанных выше совещаний у президента, я убедился: многие их участники (особенно руководители «национальных республик») либо не в восторге от этой идеи, либо плохо понимают, о чем собственно идет речь, продолжая рассуждать о «самобытности российской цивилизации» и «российской нации» как о состоявшемся историческом факте. Вот что говорил, например, руководитель рабочей группы по подготовке заседания Президиума Госсовета 11 февраля 2011 года, губернатор Ростовской области В. Ю. Голубев: «Нас объединяет общий государственный язык, российская культура, вобравшая в себя культурные традиции всех народов. У нас есть общие духовные черты, те, что определяют самобытность российской цивилизации. Мы — все граждане России — являем собой российскую нацию, от гражданского единства которой во многом зависит будущее. ...Обладая уникальным этнокультурным и религиозным многообразием, Россия на протяжении столетий сохраняла межэтнический и межрелигиозный мир, поддерживала баланс интересов различных этнокультурных сообществ»⁴⁸³.

Хочу разочаровать уважаемого губернатора: в истории России периоды «межэтнического мира» и «баланса различных этнокультурных сообществ» были весьма редки, а «российская нация» так и не была создана. Впрочем, отождествление «нации» с «этнокультурным сообществом» характерно не только для массового сознания, но и для научной политологической литературы. Там принято противопоставлять два типа наций: «гражданско-политические» и «этнокультурные». Но это противопоставление, как будет показано далее, ошибочно: в истории не было устойчивых национальных сообществ людей, связанных только узами общего гражданства. В действительности «нация» — это появившаяся лишь в XVIII–XIX столетиях исторически новая общность людей, связанных между собой в сообщество не только общим гражданством,

⁴⁸² Стенографический отчет о заседании президиума Государственного совета о мерах по укреплению межнационального согласия. 11 февраля 2011 г. 18:30, Уфа. // www.kremlin.ru

⁴⁸³ Официальный портал Администрации Ростовской области. <http://donland.ru/Default.aspx?pageid=96651>

но и общей исторической памятью, общим языком, и общей культурой. Важнейшая роль в формировании большинства наций принадлежит государству, которое совместно с институтами гражданского общества посредством систем массовых коммуникаций и общенациональной системы образования целенаправленно формирует у людей воображаемый ими образ «Отечества-Нации» («России», «Франции» и т.д.) и «гражданское сознание», которые доминируют над более древними расовыми и этническими идентичностями.

Миллионы представителей черной, белой, желтой и красной рас в США и многих странах Европы, прежде всего, с гордостью говорят: «мы — американцы» или «мы — французы». А у нас подавляющее большинство населения продолжает идентифицировать себя только или прежде всего в качестве «русских», «татар», «якутов» или, допустим, «чеченцев», и лишь потом — в качестве «граждан Российской Федерации». И это свидетельствует о том, что многоязычная и мультикультурная Россия не застрахована от распада: этническое самосознание в умах миллионов все еще доминирует над национальным.

Но как интегрировать полиэтничное, мультикультурное население России в политически и культурно единое целое (нацию), не ущемляя при этом суверенное право народов на развитие их собственных языков и культур? Возможно ли это в принципе? Исторический опыт многих стран свидетельствует о вполне реальной возможности положительно решить данный вопрос. Вновь обратимся к специалистам (Дж. Бройи, М. Манну, Ч. Тили, М. Шадсону, Э. Хобсбауму, М. Хроху), в работах которых *принцип осознанного политического и социокультурного конструирования основных европейских наций*, основательно подкрепленный анализом истории становления «национальных государств» в Западной, Центральной и Восточной Европе, получил развернутое теоретическое обоснование. Если обобщить и суммировать их выводы, мы получим следующую картину процесса образования наций и национальных государств в Европе XVIII–XIX веков.

* * *

Вне зависимости от того, понимаем ли мы «нации» как преимущественно антропосоциокультурные или политические

(гражданские) общности, их формирование было связано со становлением и развитием гражданского общества и европейского капитализма XVII–XIX столетий, мотором которого была ускоренная модернизация всех сфер жизни европейских стран, а следствием — развитие рыночных отношений, науки, техники и возникновение европейского рационализма. Однако ведущим фактором в интеграции этнически, конфессионально, культурно и лингвистически разнородных групп людей в некое относительно гомогенное целое (нацию) оказывалось новое — современное — государство, «бюрократическая машина» которого успешно «перемальвала» многочисленные этносы, столетиями жившие на территории европейских стран.

Смещение вектора культурной самоидентификации из этнической плоскости в плоскость национальную было связано с изменениями в области языка, характера информационных связей и образования. Так, распространение в Европе «печатных языков» в форме светских книг и газет заложили основу «национального сознания». Прежде всего, были созданы *унифицированные поля обмена и коммуникаций*, менее обширные, чем на латыни, но шире чем на разговорных диалектах. Ведь средневековый человек даже не мог вообразить себе такую надэтническую общность как «нация». Его воззрения на окружающий мир и восприятие этого мира были принципиально ограничены тотальным локализмом его образа жизни и устным разговорным языком, словарный запас которого формировался в пределах этнически ограниченного круга общения.

Но массовое распространения в XV–XVI веках технологий печатания книг и газет радикально изменило осознание и восприятие мира, сделав психологически представимым и приемлемым такой феномен как «нация». Говорившие на разных формах французских, английских и испанских диалектов и не понимавшие друг друга в разговоре, теперь стали понимать — благодаря печати и бумаге. Эти читатели, связанные общим печатным языком, образовали в своей светский, партикулярной жизни зародыш «национально-воображаемого общества» — «нации». В абсолютистских и демократических протонациональных государствах Нового времени господствовала идея единого языка для всей страны. В Великобритании

языки меньшинств, причем таких, как шотландцы, ирландцы, валлийцы, не признавались и жестоко вытеснялись. Они переставали вследствие этого быть не только средством делопроизводства, но и способом коммуникации.

Если печатные и административные языки стандартизировали основной способ массовой коммуникации, то *развитие общенациональных систем образования в XVII–XX веках стандартизировали культуру как ведущий способ национальной интеграции*. Распространяясь по схеме «центр — периферия», общая для всех «высокая культура», созданная литераторами, художниками и учеными доминирующего этноса, шаг за шагом охватывала всю территорию стран Западной Европы, постепенно превращая их полиэтническое мультикультурное население («гасконцев», «бретонцев», «валлийцев», «пьемонтцев» и т. д.) в некое культурно гомогенное целое — людей, принадлежащих одной «нации». Этот процесс продолжался не одно столетие, требуя постоянных усилий и контроля государства, часто использовавшего репрессии. Образованные в результате многочисленных войн государства Западной Европы являли собой новый тип государства, одной из важнейших задач которого было легитимное принуждение к национальному единству: тюрьма, топор и гильотина были важными средствами национальной интеграции в XVIII столетии. Но по настоящему государство взяло на себя роль «воспитателя нации» лишь в XIX веке, когда массовое и светское начальное образование стало нормой в большинстве западноевропейских стран. Впечатляющим примером этого является «офранцузивание» инокультурных провинций во Франции XIX столетия. Еще в 1789 году половина населения Франции вовсе не говорила по-французски. В 1863 году примерно пятая часть французов не владела тем языком, который официально признавался французским, а для многих школьников изучение французского было равносильно изучению второго языка. Отчет о положении в Бретани в 1880 году содержал рекомендацию об «офранцузивании» полуострова путем создания сети школ, которые по настоящему объединят полуостров с остальной Францией и завершат исторический процесс аннексии, который всегда был готов прекратиться.

С разной степенью интенсивности аналогичные процессы аккультурации, важными факторами интенсификации которых были сначала печатные СМИ, а затем радио и телевидение, происходили в бисмаркской Германии, царской России, а позже и в Советском Союзе. Но ни в дореволюционной России, ни в СССР процесс образования нации не был завершен, главным образом, из-за имперских амбиций и непоследовательности государственных действий.

* * *

В отличие от либерально-демократических Англии и Франции, которые «владели империями» и пытались привить свою культуру этническим элитам колоний, Россия сама была империей, которая даже не ставила цели формирования на просторах России *одной нации как политической общности — то есть как согражданства*. Разумеется, в России существовало то, что Э. Геллнер, Ю. Хабермас и др. обозначили как «протонациональные связи», основой которых были православие и общее историческое прошлое древнейших родов империи. Но здесь, вплоть до известного Указа Екатерины II о дворянских вольностях, не было «так называемого свободного дворянства, живущего на определенной территории и готового участвовать в политической жизни»⁴⁸⁴. Ю. Хабермас обозначил данное явление как *Adelsnation* — «нация знати», описав следующий механизм ее возникновения: «правлящие сословия, которые встречались друг с другом в “парламентах” или в других “представительных собраниях”, представляли страну или “нацию” *перед лицом двора*»⁴⁸⁵.

Аналогом европейских представительных собраний в России XVI–XVII столетий были Земские соборы и Боярская Дума, которые затем были упразднены великим Петром, подчинившим церковь государству и взявшим курс на «европеизацию» не общества, а российского дворянства и формирование космополитичной имперской правящей элиты из иноверных

⁴⁸⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. — М., 1991. — С. 151.

⁴⁸⁵ Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 366. (Курсив Хабермаса.)

иноземцев. Тем самым, несмотря на появление газет, журналов и университетов, разрыв между русской «народной культурой» (не говоря уже о десятках других) и «высокой культурой» правящего слоя к концу XVIII столетия был не сокращен, а увеличен. Да и сама, представленная в столичных салонах, так называемая «высокая культура» знати была лингвистически гетерогенной, являя собой причудливое смешение языков: «французского с нижегородским».

Так что вплоть до начала XIX столетия многих предпосылок для формирования «нации знати» и «нации народа» (в терминах Ю. Хабермаса — *Adelsnation* и *Volksnation*) в империи не было. Необходимо было появление «истории государства российского» и «русского литературного языка», ставших основой представлений о «русском народе». Так благодаря усилиям великих русских историков (Татищева, Карамзина и др.), славянофилов и великих русских поэтов, прежде всего, А. С. Пушкина, в первой трети 19 века в России *возникает русский «лингвистический национализм»*, способствующий «натурализации» династии Романовых, которая, собственно, и привела к появлению российского «имперского национализма».

Осознание Романовыми себя великороссами, явившееся ответом на лингвистические национализмы народов, населявших империю, привело к политике русификации. Аналогичным образом «Лондон пытался англизировать Ирландию (и добился заметных успехов), Германская империя пробовала онемечить свою часть Польши (с очень незначительным успехом), Французская империя навязывала французский италоговорящей Корсике (частично добившись успеха)»⁴⁸⁶. Такие попытки удержания династической власти «над огромными многоязычными владениями, накопившимися еще со времен Средневековья», Б. Андерсон очень метко охарактеризовал как «натягивание маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи»⁴⁸⁷.

Цепляясь за имперский принцип госстроительства и будучи по существу даже не классической империей

⁴⁸⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М., 2001. — С. 107.

⁴⁸⁷ Там же. — С. 108.

(с характерным для нее космополитизмом: *civis Romanus* — гражданин всего культурного мира), а деспотией, *Россия так и не смогла стать европейским унитарным государством, способным организовать общее политическое, культурное и информационно-коммуникативное пространство для равноправной жизни своих народов*. И это принципиальное обстоятельство ежедневно и ежечасно рождало противодействие официальному национализму империи — этнический национализм многочисленных народов, стремившихся к разнообразным формам самоопределения в составе царской России.

Надо заметить, что политика официального национализма, даже если она осуществляется либерально-демократическим государством, всегда порождает «свое иное» — этнический национализм. Этнический и государственный «национализмы» в полиэтнических государствах это две стороны одной националистической «медали» — они обуславливают друг друга, постоянно провоцируя межэтническую напряженность и конфликты. Смягчить их можно только за счет предоставления равных политических прав и культурной ассимиляции сначала этнических элит, а затем и всего народа, плавно приобщив их (через систему образования) к «высокой культуре» государствообразующего (в нашем случае — великорусского) этноса. Но именно этого в царской России сделано не было. Формально признав равные политические права за всеми «иностранцами» (выдав им паспорта), частично инкорпорировав знатные роды Польши, Малороссии, Прибалтики (остзейские немцы), Кавказа и Туркестана в «правлящий класс» империи, *самодержавие так и не выработало программы культурно-лингвистического национализма* и для русского, и для других народов России. Фактически империя строилась и расширялась помимо населяющих ее народов, которые будучи неграмотными, разумеется, не могли даже вообразить такую социокультурную общность как «нация».

Разделяя своих «подданных» на «великороссов» и «иностранцев», не отделив православие от государства, империя так и не создала светской системы обязательного начального образования на русском языке на всем пространстве империи, в котором даже почти поголовно неграмотное население русскоязычных территорий продолжало делить себя на «псковских»,

«калужских» и «тутошних». В этих условиях о формировании российской нации как социокультурной общности и согражданства и речи быть не могло. К началу первой мировой царская Россия не была интегрирована ни экономически, ни культурно, ни конфессионально. В итоге Российская империя, так и не ставшая «национальным государством», распалась.

* * *

Пытаясь восстановить себя в прежних границах, советская Россия из конъюнктурных соображений провозгласила «право наций на самоопределение, вплоть до отделения» и Конституция РСФСР, принятая на V Всероссийском съезде Советов 10 июля 1918 года, объявила страну федерацией национальных республик. Но образование на территории бывшей империи ряда независимых государств, сепаратистские устремления внутри самой РСФСР вновь актуализировали проблему самоопределения народов, вызвав к жизни дискуссию о принципах создания СССР в 1921–1923 годах, завершившуюся выработкой политики «коренизации» и «территориализации» народов союзных и автономных республик. То, что эта политика, в конечном счете, окажется взрывоопасной для нового государства, руководство КПСС и Сталин, в тот период явно не понимали, наивно полагая, что классовая и советская солидарность возьмут верх над «национальными» идентичностями. В действительности политика «коренизации» (украинизации, белорусизации и т. д.), круто замешенная на критике «великорусского шовинизма», вызвала подъем массового национального самосознания даже в тех регионах, где его до революции почти не было.

Так, например, перед первой мировой войной и революцией украинцы были народом, который еще не выработал национального сознания и государственность которого выглядела далекой целью. Но после «советской украинизации» (1921–1935) национальное самосознание у половины населения советской Украины, особенно — ее партийно-хозяйственного аппарата и интеллигенции, приобрело отчетливые формы, способствуя росту сепаратистских настроений в среде республиканской этнократии. Аналогичные процессы развития

«коренных языков», «национальных школ» и высших учебных заведений, учреждений науки и культуры активно шли в других республиках и автономиях, объективно способствовали укреплению этнической самоидентификации многих народов Союза, что явно противоречило курсу политического консолидации народов на базе ленинско-сталинской идеологии.

Принципиально важно, что в республиках коренизация шла под лозунгами борьбы с «русским колонизаторством», сопровождавшейся «зачисткой» партийного и хозяйственного аппарата «от истинно русских прохвостов», почти повсеместно дискриминацией русскоязычного населения, его грабежами и вытеснением с давно обжитых территорий⁴⁸⁸. Ситуация усугублялась территориальным формотворчеством. С легкостью манипулируя судьбами миллионов людей, Центр инициировал создание новых административных образований за счет территорий, население которых тяготело к разным социокультурным моделям жизни. Так в 1921 году в процессе оформления Горской республики к ней присоединили 17 казачьих станиц и хуторов, в которых проживало более 65 тысяч русских. Итог был предсказуем: насильственно присоединенные казачьи территории и их население подвергались постоянным нападениям, заканчивавшимся переделами казачьих земель в пользу горских народов.

В 1924–1925 годах было проведено национально-государственное размежевание в Средней Азии. Единое, по мнению академика В. В. Бартольда, цивилизационное пространство⁴⁸⁹, регион с этнической чересполосицей рассекли путем административной реформы, подгоняя под «типовую модель» национальной государственности. Аналогичная волюнтаристская политика осуществлялась и в отношении Каракалпакстана (в Казахстане), где в 1929 году вспыхнуло мощное восстание, Киргизии, а также малочисленных народов Севера, традиционно занимавшихся охотой, рыболовством, оленеводством. Их насильно переводили с кочевого на оседлый образ

⁴⁸⁸ Национальная политика России: история и современность. — М., 1997. — С. 300.

⁴⁸⁹ Олимов М. М. В. В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток, 1991, № 5, с. 97–110.

жизни, через колено ломали традиционный экономический и духовный уклад. Итогом был ряд восстаний в Якутии, других северных территориях. Так выковывалось «братство народов», о котором любила упоминать советская пропаганда.

Следует помнить, что перманентной «горячей точкой» СССР был Северный Кавказ. В Архиве Политбюро ЦК имеются сведения об операциях по разоружению в Ингушетии, Чечне, Северной Осетии (1925), Дагестане (1926), где фигурировали даже пулеметы и орудия⁴⁹⁰. В этой связи следует подчеркнуть, что этнический национализм чеченцев был спровоцирован не только, как многие думают, депортацией 1944 года. Он никогда не исчезал и, будучи немного умерен выверенными действиями царских правительств, вновь вспыхнул уже при советской власти. После сворачивания НЭПа и взятия курса на индустриализацию в 1929 году в Чечне, Ингушетии, Кабарде и Дагестане формируются подпольные организации, поддерживаемые эмигрантами, готовятся восстания. Но, как пишет М. Садуллаев, «чекисты внедряют в окружение Нинхаджиева провокаторов, и в 1933 году в Чечне разворачиваются повальные аресты, участники подполья Нинхаджиева попадают в застенки ЧК. До 300 человек сослали в Сибирь, около 30-ти расстреляли. Но не запугали... Возникает новая подпольная организация, теперь уже во главе с адвокатом Хасаном Исраиловым и родным братом первого командира Чеченской Красной Армии Асланбека Шерипова — Майрбеком. При разгроме этой организации число жертв достигло уже 1000 человек»⁴⁹¹. Но антисоветское националистическое подполье на Кавказе (Грузия, Армения), в республиках Средней Азии и на Украине до конца так и не было разгромлено.

Националистические и сепаратистские настроения на Северном Кавказе, а также на Украине, в Крыму и недавно присоединенной Прибалтике резко усилилось с началом Великой Отечественной войны, выразившись в сотрудничестве многих националистических движений с вермахтом и спецслужбами

⁴⁹⁰ Национальная политика России: история и современность. — М., 1997. — С. 296.

⁴⁹¹ Садуллаев М. М. Чеченскому роду нет перевода. Историко-публицистическое издание. — М., 1998. — С. 26, 31.

фашистской Германии. Например, в уставе действовавшей на Северном Кавказе в годы Великой отечественной войны организации «Особая партия кавказских братьев» (ОПБК) формулировались следующие цели движения: гибель большевизма на Кавказе в результате содействия поражению России в войне с Германией; создание по мандату германского рейха на Кавказе свободной федеративной республики; выселение из региона русских и евреев и т. п.⁴⁹² Ряд членов этой организации, работавших в том числе и в государственных структурах Чечено-Ингушской АССР, были связаны с гитлеровской резидентурой.

Существовали повстанческие движения, ориентированные на фашистскую Германию, и в других регионах, например, в Калмыкии⁴⁹³. О прибалтийских республиках нечего и говорить: здесь, как и на Украине, были сформированы не только части, воевавшие с Советской Армией, но и карательные отряды, зачастую проводившие «этнические чистки». Разумеется, месть Сталина, а точнее закамуфлированный геноцид в отношении к непокорным народам, нельзя ничем оправдать. Но не стоит забывать о том, что попытки создать под крылом у гитлеровской Германии независимые и «этнически чистые» государства были круто замешены на диком этническом национализме, жертвами которого становились не только русские, но и представители других этносов и этнических групп. Помимо Украинской повстанческой армии, оставившей после себя кровавый след, можно вспомнить и о так называемых Мусульманских комитетах крымских татар. Существует масса документов, свидетельствовавших о том, что эти комитеты и действовавшие при них татарские роты самообороны создавались гитлеровским командованием, в первую очередь, для борьбы с партизанами⁴⁹⁴.

К сожалению, я не могу подробно разбирать все перипетии и просчеты национальной политики СССР. Отмечу лишь, что начиная с 1930-х годов разрабатываемая под идеологическим

⁴⁹² Альманах «Шпион», 1993, № 1, с. 23, 26.

⁴⁹³ Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину — «согласно вашему указанию». — М.: Луч, 1995.

⁴⁹⁴ Подробнее см.: Крымско-татарские формирования: документы третьего рейха свидетельствуют // Военно-исторический журнал, 1991, № 3, с. 41–62.

прикрытием «интернационализма» реальная политика государства была переориентирована на формирование новой политически интегрированной «исторической общности». В русле политики ее формирования происходило стирание территориальных границ компактного проживания этносов (изменение границ территориальных и национально-территориальных образований), различий в социальной стратификации населения (коллективизация, индустриализация), увеличение миграционных потоков (в том числе за счет насильственного переселения), и, конечно, формирование общего относительно гомогенного культурного, образовательного и информационно-коммуникативного пространства Советского Союза. Формально это открывало возможность решения «национального вопроса»: формирования новой политической общности — «советского народа».

Важная, а быть может и ведущая, роль в этом процессе отводилась архитектуре, литературе, театру, кино, печати, радиовещанию, а позже — телевидению. Начиная с 1918 года по всей стране возводились (иногда на прежних постаментах) памятники и монументы новым вождям, героям революции и «людям труда», были созданы шедевры киноискусства «Броненосец Потемкин», «Чапаев», «Петр Первый», «Александр Невский», «Нахимов»... Вместе с великой прозой А. Н. Толстого, М. Шолохова, К. Федина, поэзией Маяковского и Твардовского они создавали новое «символическое поле», в котором теперь оказывалось и новое «государство рабочих и крестьян»: его начинают воспринимать как «отечество», во имя которого можно не только убивать, но и добровольно умирать. Границы этого символического поля неуклонно расширялись: государство искало и создавало свои исторические корни, постепенно включая в пантеон исторической памяти выдающихся царей, полководцев и борцов «за народное дело», великих ученых, художников, прозаиков и поэтов, которые с точки зрения власти составляли гордость нового Отечества, Слава и мощь которого многократно увеличились после войны с гитлеровской Германией, не случайно названной Великой Отечественной войной.

Надо заметить, что войны вообще, и тем более войны победоносные, играли важную роль в формировании и эволюции

всех наций. Защищая нацию, государство формирует у своих граждан *национальное* самосознание; в результате происходит ослабление групповых идентичностей, в том числе этнических. Для обретения идентичности необходима дифференциация по принципу «мы — они», невозможная без формирования национальных стереотипов и идеи превосходства. Превосходство нуждается в подтверждении, а стереотипы способствуют демонизации других в качестве врагов. Поэтому, например, С. Хантингтон даже постулирует невозможность продолжительного мира между нациями и проблематизирует саму возможность поддерживать национальную идентичность в мирное время⁴⁹⁵. С подобным приговором об эрозии патриотизма во время отсутствия войн трудно согласиться. Но верно то, что монументы и могилы Неизвестного солдата являются его культурным источником, укрепляют национальное единство, создают новую ответственность уже ушедших, кто превратился в памятники-символы: с их помощью страна, даже совершая ошибки, на самом деле всегда остается права. Разумеется, эта новая ответственность и общая «историческая память» должны быть подкреплены и закреплены идеологически, информационно и культурно-лингвистически через государственную систему образования. Но именно в сфере образования политика государства была крайне непоследовательной.

Так, до середины 1930-х годов государственная система начального образования включала в себя русскоязычные и национальные школы. Лишь в 1938 году национальным школам вменяется задача обязательного обучения школьников русскому языку. При этом, в целях ее упрощения была принята унификация графики — силовой перевод алфавитов родных языков, использовавших латинскую графику, — на кириллицу. Все это должно было существенно изменить старую «парадигму» национальной школы, расширить ее культурно-стандартизирующий потенциал, частично изменить приоритеты. Но этого не случилось.

⁴⁹⁵ Хантингтон Самюэль. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М., 2004. — С. 58, 62.

Ситуация кардинально меняется лишь к началу 1960-х, когда в кулуарах ЦК КПСС была наконец сформулирована идея формирования аналога нации — «советского народа». Именно тогда в школах союзных республик с преподаванием на родном языке утвердилась *модель двухкомпонентного содержания образования*. Она апробировалась с середины 1960-х гг. и обеспечивалась в полном объеме учебниками, подготовленными и изданными республиканскими издательствами. *Такая модель при безусловном идеологическом единстве содержания позволяла реализовывать принцип унификации содержания школьного образования в Советском Союзе через внедрение единых учебников, изданных для русскоязычных школ РСФСР, и выстроенных на русской и мировой культурах*. Поэтому несмотря на жесткую критику и отказ от этой модели в 1990-е гг., *она объективно может рассматриваться как инструмент реализации в рамках социалистической модернизации на базе идеологии интернационализма политической программы формирования из разнородного полиэтнического социума единой гражданской нации — «советского народа»*. Из этого, как известно, ничего не вышло. Не только в силу просчетов политического руководства страны, но и очевидной ошибочности «генеральной линии партии» на реализацию концепции «некапиталистического развития» и форсированного прыжка «из феодализма в социализм».

Последствия этого оказались неоднозначны и были в значительной мере непредвиденными. Попытки модернизации социально-экономической жизни в Средней Азии и на Кавказе шли параллельно с консервацией традиционного уклада, клановых, племенных, семейно-родовых отношений. Невзирая на усиливающую борьбу с религией как идеологическим конкурентом, новая власть так и не смогла искоренить мусульманские обряды и обычаи из повседневного быта. Мало того. Ангажированные Советской властью или примкнувшие к ней этнические элиты органично вросли в номенклатурную систему реализации властных отношений, адаптировав ее к иерархии по «кланам» и «родам». Это было тем легче, что и традиционное общество Кавказа и Средней (Центральной) Азии характеризовалось сочетанием авторитаризма с патернализмом, своеобразной социальной справедливостью

и коллективизмом. Этот фактор учитывался большевиками при формировании структур управления, но *не был ими понят как трансформирующий содержание социалистического строя*. В составе СССР находилось множество этнокультурных территорий, население которых жило по своим собственным, уходящим в глубокую древность законам, сохранившим традиционные социально-политические институты, которые не только приспособлялись к модернизации общественного уклада, но и его приспособляли к своему облику. В итоге, споткнувшись о сопротивление многочисленных республиканских этнобюрократических элит и руководства РСФСР, Советский Союз распался.

* * *

Стремительный распад СССР обладал такой силой инерции, что сначала РСФСР а затем и РФ оказались на грани развала из-за мощного всплеска этнонационализма и «регионализма» в бывших республиканских автономиях, краях и областях. В условиях острейшего социально-экономического кризиса первой половины 1990-х годов Борис Ельцин фактически занимался покупкой лояльности региональных политических элит федеральному Центру («Берите суверенитета столько, сколько сможете»), которые тут же превратили эту самую лояльность в ликвидный политический товар: получение льгот и преференций в обмен на демонстрацию поддержки.

Юридически формула «преференции в обмен на лояльность» была закреплена в Федеративном договоре 1992 года, росчерком пера превратившем РФ из централизованной в «договорную» асимметричную федерацию, где Центр и субъекты поменялись ролями. Теперь уже бывшие автономии стали стремиться и небезуспешно ограничить компетенцию центральной власти. Особенно ярко эта тенденция воплотилась в законах «О языках народов РСФСР», «О языках народов РФ» (1991/1998), «Об образовании в Российской Федерации» (1992/1996/2002) и соответствующих подзаконных актах, которые фактически дезинтегрировали единое образовательное и культурно-лингвистическое пространство страны: тот самый принцип, который в этих законах был продекларирован.

Интеллигенты из числа так называемых «титულных» этносов приняли в этом самое живое участие.

Показательна и динамика роста построения собственной системы национального (этнического) образования, свидетельствующая о настойчивости и последовательности республик. В общей сети образовательных учреждений Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения составляют более 40 %, Республики Башкортостан — 45 %, Республики Татарстан — 60 %, а Республики Тыва — 80 %. Мало того. Вслед за провозглашением политического суверенитета почти всеми «национальными» республиками в составе Российской Федерации были приняты законы о языках. Которые (вместе с декларациями о суверенитете) в 1990-е годы стали юридической основой для проведения дискриминационной этнической политики на территории национально-государственных субъектов РФ и *спровоцировали процессы, ведущие к разрушению единого коммуникативного пространства России.*

В этих, по сей день не отмененных, законах «государственными» на территории субъекта федерации провозглашаются, как правило, два языка — язык «коренной нации» и русский язык. А иногда «огосударствуются» три языка, как, например, в Кабардино-Балкарии. Это означает, что документооборот в этих республиках ведется не на одном, а на нескольких «административных языках». В большинстве случаев республиканские законы о языке включают статьи, легитимизирующие льготы и преференции по этноязыковому принципу для представителей так называемых «титулных» этносов. Фактически было осуществлено новое издание «коренизации», повлекшее за собой кадровые чистки в госструктурах, школах и вузах Татарстана, Башкирии, Якутии, других бывших автономиях. Ситуация в республиках Северного Кавказа — просто катастрофическая — там русскоязычного населения почти не осталось, зато этнонационализм с примесью феодализма расцвел пышным цветом.

Благодаря усилиям этнонационалистов оформились и укрепились тенденции регионализации и партикуляризации высшего образования, повлекшие за собой серьезные изменения в образовательных программах и курсах гуманитарных наук (история, политология, социология, философия) многих

республик России. Эти изменения касаются, прежде всего, так называемого регионального компонента образования, под видом которого зачастую проводится псевдонаучное обоснование верховенства того или иного «титального» («коренного») этноса. Этнонационализм, источником и распространителем которого была и остается, прежде всего, местная интеллигенция, препятствует строительству в России национального государства. Как быть?

Прежде всего, надо взглянуть правде в глаза и перестать использовать двойные стандарты. Мы можем сколько угодно возмущаться национальной политикой правительств Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, других государств, ущемляющих права так называемого «русскоязычного» населения. Но при этом должны понимать, что иначе (без «переписывания истории», создания национальных мифов, аккультурации иноязычного населения, создания единого коммуникационного пространства и т. п.) «нацию» построить нельзя. Должны помнить, что в той же Франции, например, силою заставившей миллионы своих граждан в XIX веке говорить на французском, преподавание на этнических диалектах было выборочно разрешено только в 1961 году. А у нас?

А у нас в Татарстане национальные общественные организации собирают подписи под требованием сделать татарский язык вторым государственным, а Министерство образования и науки РФ не только кладет под сукно Концепцию государственной этнонациональной образовательной политики, но и пытается исключить обязательное преподавание русского языка и литературы в старших классах. О том, что в проекте закона «Об образовании в РФ» воспитательный компонент школы вообще отсутствует, уже и не говорю. Почему, например, в США главной задачей школы признается «воспитание патриота и гражданина Америки», а у нас нет? И это бездумное реформирование средней и высшей школы осуществляется в условиях, когда в национальных республиках РФ выросло целое поколение ученых и педагогов, сделавших свою карьеру на обосновании тезиса об исторической, политической, этнической исключительности «своего» народа и противопоставлении местной истории, местных традиций и обычаев российскому государству, русскому и другим народам. Не случайно в 2008 году в школах Татарии

лишь 25 % на вопрос: «В какой стране вы живете?», ответили: «в России». Остальные считают, что живут в Татарстане⁴⁹⁶, где в декабре 2008-го «Милли-меджлис татарского народа» принял новую «Декларацию о независимости Татарстана» и объявил об альтернативном Кабинету министров РТ национальном «правительстве в изгнании», главой стал известный татарский националист-эмигрант Виль Мирзаянов.

Так что, этнический национализм у нас не только не ослабел, но и обрел новые — культурные, образовательные и коммуникативные — формы. Ему должна противостоять *политика «официального национализма» Российской Федерации*, которая помимо полного изъятия из Конституций республик в составе РФ положений о политическом суверенитете, выравнивания уровня и качества жизни народов, *должна включить культурно-лингвистические меры по формированию «российской нации», восстановить дезинтегрированное коммуникативное и образовательное пространство России.*

Прежде всего, *необходимо создать общероссийские программы гражданского образования и воспитания для взрослых, детей и молодежи. Во-вторых, — ввести эти программы в систему федеральных государственных стандартов образования.* И, наконец, — осуществив этнически независимую экспертизу, *привести в соответствие с федеральными образовательными стандартами учебные пособия и программы образования национальных республик России*, где на протяжении последних лет явно доминируют националистические тенденции и сюжеты.

Одновременно следует увеличить процент передач и программ на русском языке на республиканском теле и радиовещании, насытив их информацией и сюжетами из истории сотрудничества народов России, русской и мировой культуры. То же самое следует сделать и федеральным телеканалам, радиокомпаниям и печатным СМИ. Эти меры являются вынужденными, но абсолютно необходимыми. В противном случае нам не удастся воспитать патриотов России.

⁴⁹⁶ Деформация гражданского сознания в Татарстане подрывает безопасность России: интервью Михаила Щеглова // ИА REGNUM <http://www.regnum.ru/news/1155436.html>

Заключение

Подводя итоги, необходимо сказать хотя бы несколько слов о перспективах России в современном мире «национальных государств» и образованных ими геополитических союзов и альянсов. Этот мир меняется буквально на наших глазах, наглядно эволюционируя в сторону многополярности. Это стало заметно еще в 2010-х: после «консервативного поворота Путина» (Мюнхенская Речь — 2007), мировых экономических кризисов, провала идеи «Европа от Атлантики до Владивостока» и ряда других событий, обостривших конфронтацию РФ с «коллективным Западом». И страна, многие годы ориентированная на США и Европу, наконец, обратилась к Востоку. Пришло осознание, что время доминирующего влияния евроатлантической цивилизации уходит в прошлое. Со второй половины XX века именно она задавала правила «большой игры»: игры по правилам США и контролируемой ими «большой Европы». Но в последние годы эти правила стали меняться.

Силовой потенциал национальных государств был поставлен во главу угла их внешней политики, а работа через международные институты отступила на второй план. По мнению некоторых влиятельных аналитиков, сейчас «в мире установился “закон джунглей”, о котором под возмущенные крики предупреждали русские». И в этой «борьбе без правил мы, русские, с нашей историей, лихостью, идеологической незашоренностью, готовностью к риску имеем конкурентное преимущество. Надо лишь расстаться с глупостью следования в русле других правил и институтов, которые партнеры беспардонно отбрасывают. Если миру предлагается “закон джунглей”, нужно играть по “законам тайги”»⁴⁹⁷.

Разумеется, это эмоционально окрашенная метафора. Но верно то, что западоцентризм в политике и мышлении устарел. А значит *в обозримом будущем гораздо перспективнее движение нашей страны в направлении «Большой Евразии» — нового концептуального пространства «геополитического,*

⁴⁹⁷ Караганов Сергей. Каким будет мир? // Российская газета. 14.02.2019. Федеральный выпуск № 34 (7792). <https://rg.ru/2019/02/14/karaganov-mir-nesmotria-na-ego-haotichnost-vpolne-predskazuem.html>

геоэкономического и геоидеологического мышления, задающего вектор взаимодействия государств континента. Оно должно быть нацелено «на совместное экономическое, политическое, культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частью отсталых или подавлявшихся евроазиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики и политики»⁴⁹⁸. По мнению авторов проекта, помимо России и Китая, он будет включать в себя страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, где все будут договариваться и налаживать сотрудничество⁴⁹⁹. Теоретически это возможно, хотя и проблематично из-за вероятного соперничества Китая и России⁵⁰⁰.

Вместе с тем эта идея привлекательна в силу ее социокультурного характера: оппонировав прежнему проекту «Большой Европы» (От Атлантики до Владивостока) фактически «Большая Евразия» представляет собой макрорегиональный проект совместного цивилизационного развития, куда по мнению его разработчиков, войдут и некоторые страны Европы. «Если рассуждать о будущей картине мира, — прогнозировал известный российский политолог С. Караганов, — то Европа в этой картине разобьется на части: одна будет в системе “Америка+” с США, а другая — в Евразии. Уже сейчас примерно ясно, где будет проходить граница. Вопрос только в том, куда решит пойти Германия. Думаю, что скорее всего в Евразию»⁵⁰¹. Но этот прогноз не оправдался. Подтвердилось обратное.

После отказа НАТО от предложения РФ демилитаризовать Украину и вернуть альянс к границам 1997 года, Россия начала специальную военную операцию, продолжающуюся более полугода. В ответ «коллективный Запад» не только не отступил, но к сентябрю 2022 года увеличил свое военное присутствие на театре военных действий, усилил политику

⁴⁹⁸ К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. — М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. — С. 275.

⁴⁹⁹ Там же. — С. 276–277.

⁵⁰⁰ См.: Гранин Ю. Д. Россия в региональных альянсах государств Евразии. Цивилизационное измерение // European Journal of Philosophical Research, 2021, 8 (1), с. 3–13.

⁵⁰¹ Сергей Караганов рассказал роли России в образовании Евразии // Российская газета. RGRU 01.10.2019/ <https://rg.ru/2019/10/01/sergej-karaganov-rasskazal-o-rol-i-rossii-v-obrazovanii-evrazii.html>

экономических, дипломатических и культурных санкций и пока отступить не собирается. Пророчества С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» начинают сбываться. Противостояние сегодня гораздо острее, чем в период холодной войны второй половины XX века. Если объединенный Запад пока сделал ставку на сдерживание Китая, то в отношении России его намерения гораздо серьезнее: они, судя по всему, направлены не просто на сдерживание, а на уничтожение российского государства в нынешнем виде, его дезинтеграцию. Война пока не перерастает в прямую военную конфронтацию с НАТО только из-за наличия у Российской Федерации мощного ядерного потенциала. В этих условиях поворот России от недружелюбного Запада на Юг и Восток неизбежен.

Но что ждет ее «там, за поворотом»? И не окажется ли она в инициированных ею же больших геополитических проектах «Большой Евразии» и сотрудничества с Индией и Китаем на положении «младшего партнера»? Чтобы избежать провала на азиатском направлении, России необходимо разработать собственную модель системной модернизации страны на основе альтернативной западному модернизму системы ценностей, развития науки и образования⁵⁰².

⁵⁰² См.: *Гранин Ю. Д.* Новая форма глобализации и цивилизационная специфика России // *Век глобализации*, 2021, № 2, с. 3–16.

Список литературы

Альтер П. Этапы образования национальных государств в Европе // Этнос и политика. Хрестоматия. — М.: УРАО, 2000. — С. 155–157.

Актуальные проблемы Европы. Западная Европа перед вызовом иммиграции. — М.: АСТ, 2005. — 187 с.

Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. — М.: РГГУ, 2000. — 256 с.

Аналионис Г. П., Зотова Н. А. Глобальный мир: единый и разделенный. Эволюция теорий глобализации. — М.: Международные отношения, 2005. — 676 с.

Андерсон Бенедикт. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Канон Пресс Ц, 2001. — 288 с.

Андерсон Б. Западный национализм и восточный национализм: есть ли между ними разница? // URL: <http://old.russ.ru/politics/20011219-and.html>

Антиглобализм: новые повороты. Сборник. — М.: ЛО «Московия», 2005. — 224 с.

Антонов Михаил. От капитализма к тоталитаризму. Мир в XXI веке и Россия. Режим доступа: http://m-antonov.chat.ru/from_to/index.htm

Антюшина Н. А. Шведский опыт строительства социального государства // Государственная власть и местное самоуправление, 2007, № 2, с. 16–25.

Ахиезер Александр, Клямкин Игорь, Яковенко Игорь. История России: конец или новое начало? / 2-е изд., испр. и доп. — М.: Новое издательство, 2008. — 320 с.

Баграмов Э. А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов // Вопросы философии, 2010, № 2, с. 34–51.

Балакин В. Д. Творцы Священной Римской империи. — М.: Канон Пресс, 2004. — 420 с.

Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленность идентичности. — М.: ЛОГОС, 2004. — 288 с.

Бауман Зигмунт. Глобализация. Последствия для человека и общества. — М.: Весь Мир, 2004. — 188 с.

Бек Ульрих. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. — М.: Прогресс-Традиция, 2007. — 464 с.

Бек Ульрих. Космополитическое мировоззрение. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. — 311 с.

Белков П. Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / под ред. А. В. Попова. — М.: Восточная литература, 1995. — С. 165–187.

Беспалова Л. Н. Социальная политика Отто фон Бисмарка. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-politika-otto-fon-bismarka-v-osveschenii-vestnika-evropy>

Бицилли П. М. Нация и государство // Родина, 1993, № 11, с. 61–66.

Бирнбаум П. Национализм: сравнение Франции и Германии // Вопросы социологии, 1993, № 1/2.

Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. Господство Америки и геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 2005. — 256 с.

Бондаренко Д. М. Государство как феномен социальной истории: сущность и отличительные признаки // Историческая психология и социология истории, 2014, № 2, с. 164–188.

Бондаренко Д. М., Коротаев А. В. (ред.). Цивилизационные модели политогенеза. — М.: ЦЦРИ РАН, 2002. — 342 с.

Борисёнок Елена. Феномен советской украинизации. 1920–1930 годы. — М.: Изд-во Европа, 2006. — 256 с.

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / пер. с фр. Б. А. Ситникова. — М.: Весь мир, 2008. — 760 с.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. — М., 1992. — 656 с.

Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм. — М.: Праксис, 2002. — С. 201–235.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — М.: Наука, 1983. — 267 с.

Бромлей Ю. В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. — М.: Наука, 1988. — 320 с.

Буданова В. П. «Ойум» в судьбе германских племенных элит // Элиты и этнос средневековья. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — С. 127–135.

Буданова В. П. «Желанная земля» в духовной традиции германской элиты // Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. — М.: Изд-во МГУ, 2002. — С. 13–21.

Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. — М.: Мысль, 1992. — 525 с.

Буров В. Г. Китайский взгляд на государство в условиях глобализации // Судьба государства в эпоху глобализации. — М.: ИФ РАН, 2005. — С. 48–69.

Буров В. Г., Федотова В. Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии, 2007, № 5, с. 7–20.

Бьюкенен Патрик Дж. Смерть Запада. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2005. — 364 с.

Бьюкенен Патрик Дж. На краю гибели. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2008. — 352 с.

Валлерстайн Иммануэль. После либерализма / пер. с англ. М. М. Гурвица, П. М. Кудюкина, П. В. Феденко. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 256 с.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — СПб.: Университетская книга, 2001. — 416 с.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Логос, 2003. — 368 с.

Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 760 с.

Вебер М. Бюрократия (пер. А. Б. Рахманова) // Личность. Культура. Общество, 2007, т. IX, вып. 1(34), с. 10–27.

Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / отв. ред. М. П. Мchedлов. — М.: Культурная революция, 2007. — 368 с.

Векторы взаимодействия гражданского общества и современного государства / под ред. Сигалова К. Е. Монография. — М.: Финансовый университет, 2018. — 224 с.

Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. — Киев, 1994. — 618 с.

Восточная Европа. Национальные культуры в контексте глобализации и интеграции. Антология. — М.: ИНИОН РАН, 2007. — 132 с.

Галкин А. А. Национальное государство в изменившихся условиях // Транснациональные процессы: XXI век. — М.: ИНИОН РАН, 2004. — С. 12–18.

Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 3. Энциклопедия философских наук. Ч. 3. Философия духа / пер. Б. А. Фохта. — М.: Госполитиздат, 1956. — 371 с.

Гегель. Г. Конституция Германии // Политические произведения. — М.: Политиздат, 1978. — С. 168–182.

Геллнер Эрнст. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бердаковой и М. К. Тюнькиной. — М.: Прогресс, 1991. — 319 с.

Гидденс Э. Навстречу глобальному веку: ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. — М.: 2004. — 340 с.

Глебов С., Могильнер М., Семенов А. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Часть I // *Ab Imperio*. 2015, № 1.

Глобализация сопротивления. Борьба в мире идей / отв. ред. С. Амин и Ф. Утар; пер. с англ. И. Г. Левиной. — М.: УРСС, 2004. — 304 с.

Глобализация. Экономические реалии и политические мифы. — М.: Юнити-Дана, 2006. — 112 с.

Глобализация и проблемы идентичности в многообразном мире. — М.: АСТ, 2005. — 446 с.

Голенищев-Кутузов И. Н. Данте. — М.: Молодая гвардия, 1967. — 288 с.

Гоулднер А. У. Наступающий кризис западной социологии / пер. с нем. — СПб.: Наука, 2003. — 576 с.

Гранин Ю. Д. Бесконечная имперскость России. Цивилизационное измерение // Вопросы философии, 2022, № 9, с. 76–86.

Гранин Ю. Д. Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции. — М.: Академический проект, 2021. — 371 с.

Гранин Ю. Д. Новая форма глобализации и цивилизационная специфика России // Век глобализации, 2021, № 2, с. 3–16.

Гранин Ю. Д. Глобализация, нации и национализм. История и современность. — М.: Директ-Медиа, 2022. — 400 с.

Гранин Ю. Д. Этноты, национальное государство и формирование российской нации. Опыт философско-методологического исследования. — М.: ИФ РАН, 2007. — 167 с.

Гранин Ю. Д. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма // Вопросы философии, 2012, № 3.

Гринфельд Лия. Национализм. Пять путей к современности. — М.: ПЕР СЭ, 2008. — 528 с.

Гриффин Р. Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе // Вопросы философии, 2006, № 12, с. 51–63.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. — М.: Мысль, 1989. — 764 с.

Гумилев Л. Н. От Руси к России. — М.: Наука, 1992. — 336 с.

Данн Отто. Нации и национализм в Германии 1770–1990. — М.: Наука, 2003. — 470 с.

Дойч Карл. Рост наций // Этнос и политика. Хрестоматия. — М.: УРАО, 2000. — С. 62–74.

Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России, 2017, т. 26, № 1, с. 7–31.

Доброхотов Александр. Данте Алигьери. — М., 2017. Режим доступа: <http://law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=1000063940>

Дэвис Н. История Европы. — М.: Транзиткнига, АСТ, 2007. — 943 с.

Европейские революции 1848 г.: Принцип национальности в политике и идеологии. — М.: Индрик, 2001. — 460 с.

Ерасов Е. Б. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 556 с.

Западная Азия: Этнополитическая ситуация. РАН. Ин-т востоковед. — М.: Наука, 1993. — 232 с.

Ильин М. В. Трансформация патримониальных и имперских порядков в современных условиях // Российский Кавказ. Проблемы, поиски, решения. — М.: Аспект Пресс, 2015. — С. 287–303.

Иноземцев В. Л. Экономика и политика глобализации: уроки прошлого для настоящего и будущего // Век глобализации, 2019, № 2, с. 5–15.

Иноземцев В. Л. Несовременная страна. Россия в мире 21 века. — М.: Альпина Диджитал, 2018. — 178 с.

Исаева В. И. Исократ. — М.: Мысль, 1994. — 126 с.

Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии. — М.: Наука, 1974.

Калашников С. В. Очерки теории социального государства. — М.: Экономика, 2006. — 262 с.

Калхун К. Национализм. — М.: АСТ, 2006. — 280 с.

Кочеткова Л. Н. Социальное государство. Опыт философского исследования. — М.: Либерком, 2016. — 160 с.

Кантор Владимир. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. Проблема имперского сознания в России. — М.: РОССПЭН, 2008. — 542 с.

Караганов Сергей. Каким будет мир? // Российская газета. 14.02.2019. Федеральный выпуск №34 (7792). <https://rg.ru/2019/02/14/karaganov-mir-nesmotria-na-ego-haotichnost-vpolnepredskazuem.html>

Кармадонов О. А. Глобализация и символическая власть // Вопросы философии, 2005, № 5, с. 49–56.

Кармадонов О. А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии, 2008, № 2, с. 29–41.

Керимов А. Д. Современное государство. Вопросы теории. — М.: Норма, 2008. — 144 с.

Керни Ричард. Диалоги о Европе. — М.: Весь мир, 2002. — 320 с.

Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи. — М., 1999.

Китай в XXI веке. Глобализация интересов безопасности. — М.: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Наука, 2007. — 328 с.

Киселева М. С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. — М.: Прогресс-Традиция, 2011. — 472 с.

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. Перевод с англ. под редакцией В. Л. Иноземцева. — М.: Ладомир, 2002. — 352 с.

Кожокин Е. М. Государство и народ от Фронды до Великой Французской революции. — М.: Прогресс, 1989. — 256 с.

Козинг А. Нация в истории и современности (Исследование в связи с историко-материалистической теорией нации) / пер. с нем. — М.: Прогресс, 1978. — 288 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения в девяти томах. Т. IV. — М. 1989.

Кольев А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. — М.: Логос, 2005. — 800 с.

Коротеева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. — М.: РГГУ, 1999. — 367 с.

Кревельд М. Расцвет и упадок государства. — М.: ИРИСЭН, 2006. — 544 с.

Куббель Л. Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. — М.: Наука, 1982. — С. 126–139.

К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. — М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. — 352 с., ил.

Ладюри Э. Ле Руа. История регионов Франции. Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней. — М.: РОССПЭН, 2005. — 432 с.

Ладюри Э. Ле Руа. Застывшая история // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2.

Ламперт Хайнц. Социальная рыночная экономика. Германский путь. — М.: Дело, 1993. — 225 с.

Лапин Н. И. Формирование социального государства — способ успешной эволюции общества // Социс, 2018, № 8, с. 3–11.

Лапкин В. В., Пантин В. И. Геоэкономическая политика и глобальная политическая история. — М.: Олита, 2004. — 280 с.

Ларюэль М. Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). — М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук. 2007. — 356 с.

Латур Бруно. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина. — СПб: Изд. Европейского университета, 2006. — 240 с.

Ливен Доминик. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. — М.: Европа, 2007. — 688 с.

Лебедева Э. Е. Проблемы социальной идентичности в условиях глобализации (На примере Тропической Африки) // Глобализация и столкновение идентичностей. — М.: РАГС, 2003. — С. 338–350.

Левандовский А. П. Карл Великий. — М.: Молодая гвардия, 1999. — 288 с.

Лебедев С. А. Научная истина и ее критерии // Новое в психолого-педагогических исследованиях, 2012, № 4, с. 7–22.

Лебедева Л. Ф. США: государство и социальная политика / Л. Ф. Лебедева. — М.: Наука, 2007. — 271 с.

Лемке М. Николаевские жандармы и литература. 1826–1855. — СПб., 1918. — 232 с.

Лорд Актон. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. — М.: Праксис, 2002. — С. 26–51.

Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). — М.: Прогресс Традиция, 1994. — 260 с.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. — М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. — 272 с.

Лурье С. В. Историческая этнология. — М.: Аспект Пресс, 1997. — 448 с.

Ляпустина Е. В. Романизация провинций и формирование галло-римской знати // Элиты и этнос средневековья. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — С. 14–23.

Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1945. — 432 с.

Малахов В. С. Государство в условиях глобализации. — М.: КДУ, 2007. — 256 с.

Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. — М.: Праксис, 2002. — С. 381–408.

Миллер А. И. Национализм и империя. — М.: ОГИ, 2005. — 95 с.

Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2010.

Миллер Алексей. История понятия «нация» в России (От Петра I до Крымской войны) // Вестник российской нации. 2015, № 1, с. 115–137.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну»: в 3-х тт. — СПб.: Дм. Буланин, 2014–2015. 896 + 912 + 992 с. 383 табл. 539 илл.

Межуев В. М. Идея национального государства в исторической перспективе // Полис, 1992, № 5–6, с. 10–16.

Мнацаканян М. О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. — 367 с.

Мотрошилова Н. В. Идеи единой Европы: философские традиции и современность. Часть 1, 2 // Вопросы философии, 2004, № 11, 12.

Назаретян А. П. Универсальная (Большая) история — учебный курс и поле междисциплинарного сотрудничества // Вопросы философии, 2004, № 4, с. 70–80.

Нации и национализм / пер. с англ. Л. Е. Переяславцева, М. Б. Гнедовской; пер. с нем. М. С. Панина. — М.: Практикс, 2002. — 416 с.

Национализм и популизм в Восточной Европе. Сборник научных трудов. — М.: ИНИОН РАН, 2007. — 176 с.

Нация и империя в русской мысли начала XX века. — М.: ПРЕНСА, 2004. — 352 с.

Национализм и формирование наций. Теории — модели — концепции / под ред. А. И. Миллера. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 240 с.

Национальная политика России: история и современность. — М., 1997. — 562 с.

Нерсесянц В. С. Манифест о цивилизме. (Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости). — М., 2000. — 59 с.

Новая имперская история Северной Евразии. Часть 1: Конкурирующие проекты самоорганизации: VII–XVII вв. / под ред. И. Герасимова. — Казань: “Ab Imperio”, 2017. — 364 с.

Новые идеи в социальной философии. — М.: Институт философии РАН, 2006. — 324 с.

Ноженко М. В. Национальные государства в Европе. — М.: Норма, 2007. — 344 с.

Нойманн Ивэр. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. — М.: Новое издательство, 2004. — 336 с.

Омаэ К. Конец национального государства: становление региональных экономик // Глобализация: контуры XXI века. — М.: ИНИОН, 2004. Ч. I. — С. 211–220.

Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека. Антология. — М.: Алетейя, 2008. — 208 с.

О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М.: Наука, 1990. — 528 с.

От Вестфальской системы к аугсбургской? Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Выпуск девятый (32). — М.: Институт мировой экономики, 2003. — 80 с.

Павлова Т. А. Кромвель. — М.: Мысль, 1980. — 226 с.

Пантин В. И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. — М.: Новый век, 2003. — 276 с.

Переходные эпохи в социальном измерении. История и современность. — М.: Наука, 2003. — 488 с.

Перская В. В. Глобализация и государство. — М.: РАГС, 2005. — 280 с.

Петр Великий: pro et contra. Антология. — М.: РХГИ, 2003. — 1024 с.

Петров И. Очерки истории Швейцарии. — Берн, 2006. — 920 с.

Петрухин В. Я. Русские князья и дружина: социальная терминология и этнические связи // Элиты и этнос средневековья. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — С. 91–98.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова и А. П. Шурбелева; под общ. ред. С. Е. Федорова. — СПб.: Алетейя, 2002. — 320 с.

Преццолини Дж. Фашизм и футуризм // Второй футуризм: Манифесты и программы итальянского футуризма / Введение, составление, перевод с итальянского и комментарии Е. Лазаревой. — М.: Гилея, 2013 (серия Real Hylaea). Режим доступа: http://hylaea.ru/prezzo_fash_futur.html

Прохоренко И. Л. Испанское национальное государство и феномен национализма // *Национализм: теория и практика.* — М.: Спектр, 1994. — С. 86–133.

Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. Режим доступа: <http://pdf.knigi-x.ru/21istoriya/295953-1-g-prohorov-isihazm-obschestvennaya-misl-vostochnoy-evrope-xiv-otnoshenie-mnogih-russkih-istori.php>

Путин В. В. Россия на рубеже тысячелетий // <http://panorama.ru/works/putin/programm.html>

Ренан Э. Исторические статьи. Происхождение языка. Что такое нация? Участие семитов и цивилизация. Иудаизм как раса и религия и др. / пер. с фр., под ред. В. Н. Михайлова. — Киев: Изд. Фукса, 1902. — 117 с.

Розанваллон П. Утопический капитализм. История идеи рынка / пер. с французского А. Зайцевой. Научная редакция, редакция перевода и предисловие В. Каплуна — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 352 с.

Розанваллон П. Новый социальный вопрос. Переосмысливая государство благосостояния. — М.: Московская школа политических исследований, 1997. — 262 с.

Розов М. А. Теория социальных эстафет и эпистемология. — Смоленск, 2006. — 438 с.

Российская политическая энциклопедия. — М., 2008. — 320 с.

Россия в глобальном мире: сборник статей / под ред. В. А. Михайлова. — М., 2006.

Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России) / сост. Марлен Ларюэль. — М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук. 2007. — 356 с.

Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. — М.: Наследие, 2000. <http://a-pesni.org/zona/avangard/manifesty.php>

Савицкий П. Н. Борьба за империю // *Нация и империя в русской мысли начала XX века.* — М., 2004. — С. 268–302.

Саид В. Эдвард. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. — СПб.: Русский мир, 2006. — 637 с.

Севастьянов А. Н. Этнос и нация. — М.: Книжный мир, 2008. — 192 с.

Севастьянов Александр. Химера российской нации. Битва за русских продолжается // Вопросы национализма, 2017, № 2 (30). — С. 36–51.

Севастьянов Александр. Битва за русских // Наш современник, 2017, № 5–6.

Сидорина Т. Ю. Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. — М.: РГГУ, 2013. — 349 с.

Сидорина Т. Ю., Поляников Т. Л. Национализм. Теории и политическая история. — М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. — 356 с.

Смирнов Александр. Людвиг Эрхард. Возрождение Германии и немецкое экономическое чудо. Режим доступа: <http://www.kreml.org/opinions/161904433/>

Смирнов А. В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 226 с.

Смит Энтони. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. — М.: Практикс, 2004. — 464 с.

Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. Соч. в 2-х т. — Т. 1. — М.: Правда, 1989. — 647 с.

Сорокин П. А. Система социологии. Т. II, гл. III. — Петроград, 1920. — 320 с.

Сорокин Питирим. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. Ю. А. Согамонов: пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992. — 430 с.

Сорокин Питирим Александрович. Социальная и культурная динамика. Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. — М.: Астрель, 2006. — 1176 с.

Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / под ред. Ю. Д. Квашнина. — М.: ИМЭМО РАН, 2016. — 189 с.

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. — Т. 2. — С. 290–367.

Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм // Соч. — Т. 11. — С. 333–335.

Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / под общей редакцией Н. И. Лапина. — М.: РЕНОМЕ, 2019. — 232 с.

Страйкер Р. Глобализация и государство благосостояния // Глобализация: контуры XXI века. — М.: ИНИОН, 2004, Ч. II. — С. 83–92.

Студенцов В. Б. Скандинавская модель: свет и тени // Свободная мысль, 2019, № 4, с. 146–154.

Тилли Чарльз. Принуждение, капитал и национальные государства. 990–1992 год. — М.: Изд. Дом: Территория будущего. — 390 с.

Тилли Чарльз. Война и строительство государства как организованная преступность. Режим доступа: URL: <https://commons.com.ua/uk/vojna-i-stroitelstvo-gosudarstva-kak-organizovannaya-prestupnost/>

Тишков В. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Национальная политика России: история и современность. — М., 1997. — С. 597–645.

Тишков В. А. Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии, 1998, № 9, с. 3–26.

Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. — М., 2003. — 400 с.

Тишков Валерий. Постнационалистическое понимание национализма // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 1, Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. — М., 2010. — С. 214–225.

Тойнби А. Постыжение истории. — М.: Прогресс, 1991. — 776 с.

Тоффлер Э. Третья волна. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 620 с.

Умланд А. «Консервативная революция»: имя собственное или родовое понятие? // Вопросы философии, 2006, № 2, с. 132–141.

Уткин А. И. Новый мировой порядок. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — 640 с.

Файхтингер Й. По ту сторону методичного национализма. Перспективы культуры, исторической памяти и идентичности в Европе // Вопросы философии, 2007, № 9, с. 32–38.

Февр Люсьен. Бои за историю. — М.: Наука, 1991. — 611 с.

Февр Люсьен. От Шпенглера к Тойнби // Бои за историю / пер. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича и Ю. Н. Стефанова. — М.: Наука, 1991. — С. 72–96.

Федотова В. Г. Второе дыхание Вестфальской системы. Капитализм, индустриализм, нация и национализм сегодня // Политический класс, № 28, апрель 2007, с. 56–65.

Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М.: Культурная революция, 2008. — 608 с.

Филлюшкин Александр. Как Россия стала для Европы Азией? // *Ab Imperia*, 2004, № 1.

Фокс Майкл Дэвид. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? / пер. с англ. Татьяны Пирусской // Новое литературное обозрение, 2016, № 4.

Фоноу-Чуизоу Бернард., Касанда Альберт. Африка к югу от Сахары // Глобализация сопротивления. — М.: Альтернативы, 2004. — С. 122–133.

Фридман Томас. Плоский мир. Краткая история XXI века. — М.: Хранитель, АСТ, 2007. — 601 с.

Фуко Мишель. История безумия в классическую эпоху. СПб, 1997. — 576 с.

Фуко Мишель. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 416 с.

Фукуяма Фрэнсис. Конец истории и последний человек. — М.: Ермак, АСТ, 2005. — 592 с.

Фукуяма Фрэнсис. Сильное государство. — М.: АСТ, АСТ Москва, Харвест. 2006. — 224 с.

Фурс В. Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. — М.: Экономпресс, 2000. — 240 с.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. — М.: АО «КАМИ», 1995.

Хабермас Юрген. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева. — СПб.: Наука, 2001. — 417 с.

Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 346–351.

- Хабермас Юрген.* Политические работы / сост. А. В. Денежкина, пер. с нем. Б. М. Скуратова. — М.: Практикс, 2005. — 368 с.
- Хабермас Юрген.* Расколотый Запад / пер. с нем. О. И. Величко и Е. Л. Петренко. — М.: Весь Мир, 2008. — 192 с.
- Хайлбронер Роберт Л.* Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи / пер. с англ. И. Файбисовича. — М.: Колибри, 2008. — 432 с.
- Хардт Майкл, Негри Антонио.* Империя / пер. с англ. под общей ред. Г. В. Каменской. — М.: Практикс, 2004. — 440 с.
- Хантингтон Самюэль.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Баширова. — М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. — 635 с.
- Хантингтон Самюэль.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. П. Велимеева. — М.: АСТ, АСТ Москва, 2006. — 571 с.
- Хилленбранд Кэрол.* Крестовые походы. Взгляд с Востока. Мусульманская перспектива. — М.: Диля, 2008. — 672 с.
- Хирст П., Томпсон Дж.* Глобализация и будущее национального государства // Глобализация: контуры XXI века. — М.: ИНИОН, 2004, Ч. I. — С. 200–210.
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. Политика. Экономика. Культура. — М.: Практикс, 2004. — 576 с.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. — СПб.: Алетейа, 1998. — 460 с.
- Хобсбаум Э.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. — М.: Практикс, 2002. — С. 332–346.
- Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии, 2000, № 1, с. 47–62.
- Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. — М.: Практикс, 2002. — С. 121–143.
- Хюбнер Курт.* Нация. От забвения к возрождению / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. — М.: Канон, 2001. — 400 с.
- Чиркин В. Е.* Современное государство. — М.: Международные отношения, 2001. — 412 с.
- Шильдер Н.* Александр I // Русский биографический словарь. Т. 1. — СПб., 1896.

Шпенглер Освальд. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность / пер. с нем., вст. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Т. 1. — М.: Мысль, 1993. — 592 с.

Шпрингер Р. Национальная проблема. (Борьба национальностей в Австрии.) / пер. с нем. М. Брагинского и А. Брумбергера; под ред. и с предисл. М. Ратнера. — СПб.: «Общественная польза», 1909. — 293 с.

Штейн, Л. фон. История социального движения во Франции с 1789 года до наших дней. — СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872. — 496 с.

Шумпетер Й. А. История экономического анализа: в 3 т. / пер. с англ. под ред. В. С. Автономова. Т. 3. — СПб.: Экономическая школа, 2001, Т. 3.

Шумпетер Йозиф. А. История экономического анализа / пер. с англ. под редакцией В. С. Автономова. В трех томах. — СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 2. Режим доступа: <https://www.seinst.ru/page259/>

Эйзенштадт Ш. Революции и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. — М.: Аспект Пресс, 1999. — 416 с.

Эйзенштадт Шмуэль Н. Конструктивные особенности великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // Альманах THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Весна, 93. — М.: Начала-Пресс. — С. 189-215.

Элиас Норберт. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. В 2-х т. — М.; СПб, 2001.

Элиты и этнос средневековья. — М.: МГУ, 1995. — 260 с.

Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. — М.: Наука, 1982. — 254 с.

Этнос и политика. Хрестоматия / авт.-сост. А. А. Праздускас. — М.: Изд-во УРАО, 2000. — 400 с.

Эрхард Людвиг. Благополучие для всех. Режим доступа: https://royallib.com/book/erhard_lyudvig/blagosostoyanie_dlya_vseh.html

Яковенко Игорь, Музыкантский Александр. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. — М.: Русский путь, 2010. — 320 с.

Яковлев А. И. Аравийские монархии на пороге эры глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*, 2002, № 5, с. 72–82.

Янов А. Л. Патриотизм и национализм в России. 1825–1921. — М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. — 398 с.

Янов Александр. Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. — М.: Праксис, 2001. — 347 с.

Ясаи Энтони де. Государство / пер. с англ. Г. Покатович. — М.: ИРИСЭН, 2008. — 416 с.

Ясперс Карл. Смысл и назначение истории / пер. с нем. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.

Abu-Lughod J. Before European Hegemony: The World-System AD 1250–1350. New York; Oxford, 1989.

Alter, Peter. Nationalism. London: Edward Arnold, 1989.

Apter D. The politics of modernization. Chicago, London, 1965;

Armstrong John. Towards a theory of nationalism: consensus and dissensus // *Nations of Nationalism*, Budapest: Central European University Press, 1995. — P. 34–43.

Barber B. Fear's Empire. New York, London. 2003.

Berghe P. van den. Race and ethnicity // *Ethnic and Racial Studies*. 1978. № 4. — P. 402–405.

Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester. 1993

Burbach R., Robinson W. I. The fin de siecle debate: globalization as epochal shift // *Science & society*. N.Y., 1999. Vol. 63. № 1. — P. 35–39.

Crosby A. The Columbian Exchange. Biological Consequences of 1492. Westport, 1972.

Crosby A. Ecological Imperialism. The Biological Expansion of Europe. 900–1900. Cambridge, 1986.

Dahwendorf R. Towards the twenty-first century // *The Oxford history of XX century*. — Oxford; New York., 1998. — P. 340–345.

Diamond J. Guns, Germs and Steel. The Fates of Human Societies. New York, London, 1999.

Deutsch, Karl W. Tides among Nations. New York: Free Press, 1979.

Ferguson N. The Price of America's Empire. New York, 2004.

Frank A. G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, Los Angeles, 1998.

Fletcher G. Integrative History: Parallels and Intereconnections in the Early Modern Period. 1500–1800 // Studies on China and Islamic Inner Asia. Aldershot, 1995.

Frank A. G. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, Los Angeles, 1998.

Gilb C. L. Toward Holistic History. The Odyssey of the Interdisciplinary Historian. Atherton, 2000.

Evan W. M. Identification with the human species: A challenge for the twenty-first century // Human relations. — N.Y.; L., 1997. — Vol. 50. № 8.

Haas, Ernst. Beyond the Nation-State // Functionalism and International Organization. Stanford University Press. 1964. — P. 465–466.

Hayes C. J. H. The Historical Evolution of Modern Nationalism. New York., 1931.

Harvey D. The New Imperialism. Oxford, New York., 2003. — 280 p.

Hobsbaum E. The nation and globalization // Constellations, March 1998. — P. 3–15.

Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military. Conflict from 1500 to 2000. London, 1989.

Kiljunen K. Global governance. Helsinki: Inst. of development studies, 1999.

Kohn H. The Idea of Nationalism: A Study of Its Origins and Background. New York., 1961.

Kohn H. The Age Nationalism. New-York., 1962.

McNeill William. The Age of Gunpowder Empires. 1450–1800. Washington, 1989.

McNeill William. Polyethnicity and National Unity in World History. Toronto, 1986.

McNeill J. R. Ecology, Epidemics and Empires: Environmental Change and Geopolitics of Tropical Africa. 1660–1825 // Environment and History. 1999. № 5.

Mann Michael. The Sources of Social Power. Vol. I. Cambridge 1986.

Mann Michael. The Sources of Social Power. Vol. II. Cambridge, 1993.

Parker G. Europe and the Wider World, 1500–1750.: the Military Balance // The Political Economy of Merchant Empires: State Power and World Trade, 1350–1750. Cambridge, 1991.

- Smit A.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford, New York. 1986.
- Sorokin P.* Sociological Theories of Today. N.Y.; L., 1966. — P. 177–204.
- Stunkel K. R.* Technology and Values in Traditional China and the West // Comparative Civilizations Review. № 23. 1990. — P. 78–79.
- Voll J. I.* Islam as a Special World-System // Journal of World History. 1994. Vol. 5. № 2.
- Waters M.* Globalization. London; New York.: Routledge, 1996.
- Watson A.* The Evolution of International Society. London, 1992.
- Webb J.* Desert Frontier. Madison, 1995.
- Young R.* White Mythologies. Writing History and the West. London, New York. 1990.
- Yuval-Davis N., Anthias F.* Woman-Nation-State. London., 1989.
- Yuval-Davis N.* Gender and Nation, London, 1997.
- Yuval-Davis N., Anthias F.* Woman-Nation-State. London., 1989.
- Yuval-Davis N.* Gender and Nation, London, 1997.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. «Нация» и «национальное государство»	7
2.1. Эволюция понятия нация и его современные трактовки.....	9
2.2. Методологический анализ концепций национального государства.....	46
Глава 2. Формирование наций и национальных государств в Европе.....	104
2.1. Раннегосударственные и имперские формы социальной интеграции.....	104
2.2. От Европы «народностей» к Европе «наций» и «национальных государств».....	125
Глава 3. Глобализм национальных государств в XIX — первой половине XX столетия.....	151
3.1. Национальные государства и колониальные империи.....	151
3.2. Деколонизация и появление новых национальных и псевдонациональных государств.....	169
Глава 4. Национальное государство в XXI веке.....	191
4.1. Дискуссии о судьбе национального государства.....	191
4.2. Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим».....	199
4.3. Новые функции национальных государств в современном мире.....	209
4.4. «Вестернизация» и альтернативные формы национальных глобальных стратегий	220
4.5. Станет ли Россия «национальным государством»?.....	238
Заключение.....	258
Список литературы.....	261

Научное издание

Гранин Юрий Дмитриевич

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Прошлое. Настоящее. Будущее

Монография

Текст приводится в авторской редакции

Ответственный редактор *С. Краснова*
Верстальщик *А. Тельная*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru



Издайте свою книгу у нас!

Издательство «Директ-Медиа» публикует учебники, монографии, литературу NON-FICTION, аудиокниги, новые издания и те, что с годами не утратили своей актуальности, коллективные научные сборники.

Наше издательство берет свои корни в книгоиздательских традициях и технологиях Германии. Мы – лидеры современного книгоиздательского процесса, охватывающего цифровые образовательные платформы для школ и вузов, издание электронных и печатных книг. Нашу продукцию отличает высокое полиграфическое качество и высокотехнологичный процесс продвижения книги.

Наши авторы – ведущие ученые и преподаватели страны. За 20 лет работы в России нами издано более 10 000 изданий учебной, академической и научно-популярной литературы.

Приобрести наши книги можно в интернет-магазине DIRECTMEDIA.RU и в ЭБС «Университетская библиотека онлайн» (BIBLIOTHECA.RU), в книжных и в интернет-магазинах страны.

***Хотите приобрести книгу издательства «Директ-Медиа»
или издать свое произведение?***

Мы ждем Вас!

www.directmedia.ru

Email: manager@directmedia.ru

Tel.: 8-800-333-6845 (звонок бесплатный)



Наши проекты

www.biblioclub.ru – Университетская библиотека онлайн, электронная библиотека для вузов и ссузов

www.lib.biblioclub.ru – Библиотека NON-FICTION, онлайн-библиотека научной и познавательной литературы

www.art.biblioclub.ru – Арт-портал «Мировая художественная культура» и Арт-библиотека, интерактивная галерея произведений мирового искусства

www.biblioschool.ru – «Библиошкола» и «Читающая школа», онлайн-библиотека школьной образовательной литературы и книг для внеклассного чтения

www.read-analytic.ru — «Аналитик чтения», программа для оценки сложности текстов и читательских компетенций учащихся

www.new-gi.ru — «Новое поколение», интеллектуальный центр дистанционных технологий

www.english-direct.ru — Ресурсный центр изучения иностранных языков и курсы иностранного языка онлайн

www.enc.biblioclub.ru — «Энциклопедиум», сайт классических, академических и авторских энциклопедий и онлайн-справочников

www.directacademia.ru — «Директ-Академия», учебно-методический центр обучения цифровым технологиям в образовании

www.lms.biblioclub.ru — Центр профессионального онлайн-обучения «Электронные курсы». Платформа дистанционного обучения





Direct-media — полный цикл издательских услуг

- Редактура, корректура
- Присвоение ISBN
- Передача в Российскую книжную палату
- Присвоение DOI
- Печатный тираж
- Верстка
- Дизайн обложки
- Продвижение
- Поддержка
- Кратчайшие сроки подготовки издания

www.directmedia.ru — магазин электронных и аудиокниг. В нашем каталоге вы найдете тысячи нон-фикшн-книг, которые помогут в учебе и жизни: мировые бестселлеры по саморазвитию, учебники, научную и научно-популярную литературу, обучающие курсы для взрослых и детей. Мы сотрудничаем с ведущими издательствами, а также выпускаем собственные электронные и печатные книги, которые ставим на полки ведущих магазинов и маркетплейсов – OZON, Wildberries, Лабиринт и других.



Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru